

Л И Т Е Р А Т У Р Н О
Х У Д О Ж Е С Т В Е Н Н Ы Й
А Л Ь М А Н А Х

Л. М. Г.
Х. Е. М.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ТУВИНСКОЙ АССР

УЛУГ-ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

7

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЫЗЫЛ — 1964

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ

Салчак ТОКА

СОЯН ДАВАА

I.

Ночь выдалась темная и беспокойная. Овцы испуганно, с громким блельнием, то сбивались в кучу, то враспынную устремлялись в степь. Собрать их стоило больших трудов. Несколько раз Соян Даваа стрелял из ружья наугад в темноту, чтобы отпугнуть серого хищника.

Наконец наступил рассвет, и чабан погнал отару с неудачной ночной пастьбы к своей юрте. Загнав овец в кошару, Соян только теперь почувствовал, как сильно устал. Отряхнув пыль с одежды, он вошел в юрту.

— Ба! Да ты уже на ногах,— удивился чабан, увидев жену у очага.— Что так рано?

— Беспокоилась. Всю ночь ждала,— не скрывая радости при виде мужа, ответила Дежитма, помешивая поварешкой закипающий в котле чай.

— Да, ночь такая была, что казалось, будто и рассвет не наступит, и солнце не взойдет! И волк вблизи бродил...— Соян постоял возле безмятежно спящих в обнимку детей, потом снял плащ и умылся. Подсев к очагу, он устало, словно ища поддержки, вскинул руку на плечо жены.

Дежитма продолжала хозяйничать, но так, чтобы не скинуть этой большой горячей руки со своего плеча. Ее глаза сияли.

— А овечки все целы?— спросила она тихо, чтобы не разбудить детей.

— Все. Не беспокойся.— Соян поднялся и обнял жену.

Рядом с высоким широкоплечим мужем Дежитма выглядела подростком. Так и стояли они, смотря друг на друга, пока не зачатила раскалившаяся сковорода. Тогда Дежитма, тихо посмеиваясь, отвела от себя сильные загорелые руки мужа и принялась торопливо перевертывать ножом зарумянившиеся лепешки.

— Мы с тобой, как молодожены,— смущенно и чуть слышно, будто для одной себя, прошептала Дежитма.

— А разве это плохо?

— Хорошо... Начнем завтракать, а то скоро уж выгонять овец на выпас. Да, знаешь? Хандыва сегодня вместе с подружками должна поехать в школу. Говорят, им выдадут учебники, познакомят с учителями.

— Вот в нашей юрте и появится скоро первый ученик. А мне все кажется, что совсем еще недавно была наша свадьба. Как быстро летит жизнь!

— Это плохо?— лукаво спросила Дежитма, расставляя на низком столике чашу с талканом, поверх которого желтело масло, две пиалы, наполненные ароматным чаем, и тарелку с лепешками.

— Хорошо!— ответил Соян, и супруги весело рассмеялись. После завтрака Дежитма предложила Сояну отдохнуть:

— Ты поспи часика три-четыре. А я попасу овец. Когда проснутся дети, умой, одень и накорми их как следует.

— Какой теперь сон!— возразил Соян. Днем немного подремлю, а ты уж сама позаботься о дочурках. У тебя это лучше, чем у меня, получается. Договорились?

— Договорились.— Дежитма поцеловала мужа и выскользнула из юрты. Следом за ней вышел и Соян.

Лучи восходящего солнца уже озарили вершины Танды, и они загорелись малиновым и синим огнем. Еще не рассеявшийся в долине туман белой пеленой обволакивал подножье Агар. Ее острогранная вершина казалась огромным айсбергом, величаво плывущим по бурному морю. В разрывы туч проглядывало темно-голубое небо. Жаворонки, то срываясь вниз, то взвиваясь ввысь, оглашали степь мелодичным трезвонном. Утки и турпаны, поднявшись со своих ночевков, пронеслись над бурливой Тесью. А выше их парили ширококрылые ястребы, плавно выписывая круги и высматривая добычу.

Дежитма, вскинув одну руку на плечо мужа, а другую приставив к глазам, любовалась пробужденной землей. Она жадно вдыхала охлажденный ночью и насыщенный ароматом трав бодрящий воздух. Острый глаз Сояна заметил, как из рассыпанных на далеких пригорках юрт, над которыми курились мирные дымки, один за другим выходили чабаны и направлялись к кошарам.

— Смотри, Дежитма! Наши соседи уже на ногах. Как бы они не опередили нас.

— Нас с тобой никто не опередит.

— Вот ты какая! Тогда выпускай скорее овец, пусть они, пока я пригоню коня, полижут соляные камешки.

— Ладно,— согласилась Дежитма.— Спеши, торопыга!

Отойдя немного, Соян остановился. Он видел, как Дежитма распахнула воротца загона и стала выпускать животных. «Раз, два, три, четыре... десять, одиннадцать...» — доносился до него ее голос. Соян тихо рассмеялся: «Пока сама не проверит — не успокоится. Госконтроль!..»

Соян еще не вернулся, а скот уже был пересчитан. Все овцы, как и предполагала Дежитма, оказались целы. Она с еще большей теплотой подумала о муже, который трудной ночью сумел сберечь колхозный скот. Кто-кто, а она знала, чего это стоило. «Соян замечательный чабан! Вот он скачет на своем скакуне, будто и не было этой бессонной ночи, и вроде бы поет. Ну, конечно, поет!» До слуха Дежитма сначала тихо, потом явственнее донеслись слова песни.

Соян вихрем подлетел к Дежитма. В трех шагах от жены он так резко осадил коня, что тот взрыл копытами землю и, не удержавшись, упал на колени. Испуганная не на шутку женщина хотела было рассердиться на Сояна, но тот был так доволен своей шуткой, что она только махнула на него рукой и с деланной строгостью прикрикнула:

— У-у, бешеный! Перепугал меня...

— Не бойся, моя ясноглазая. Я пошутил.

— Хороши шутки! Если кто ненароком увидит, что скажет?

— Скажет, что мы живем душа в душу. Вот что скажет. Ну, теперь надо посчитать овец. Ночью мог порастерять десяток-другой,— и Соян, пряча лукавую улыбку, сошел с коня. Нагнувшись, он начал было перебирать руками спины ближайших к нему животных, но его удержала смущенная Дежитма.

— Не нужно...

Соян раскатисто захохотал, и Дежитма поняла, что он все знает и просто хотел ее разыграть. По широкой спине чабана шутливо застучали маленькие кулачки Дежитмы.

— Бессовестный... Подслушивал... Вот тебе!.. Вот тебе!..

Смеясь и увертываясь от рук жены, Соян пошел к юрте за седлом и арканом. Овцы, громко блея и обгоняя друг друга, побежали в степь. Дежитма вбежала в юрту и через минуту вернулась, неся чайник и пиалу, на которой ровными рядками возвышались поова*.

— Перекуси. Не то проголодаешься, день ведь длинный.

— Спасибо, женушка, за заботу. То кулаками, то пирогами потчешься...

— Рассердился?— спросила Дежитма, подымая встревоженные глаза на мужа.

— Что ты, что ты!— успокоил Соян жену.— На тебя нельзя сердиться. На тебя можно только заглядываться.

— Не шути. И пей, а не то я рассержусь!

Соян выпил две пиалы чая, а поовы есть не стал — завернул их в бумагу и сунул за пазуху.

— Вот спасибо. Поцелуй за меня дочек. Пока, Дежитма. Нужно спешить,— уже серьезно сказал Соян, взглядывая на удаляющуюся отару. Он оседлал коня и поскакал. Дежитма, поддерживая закинутыми за голову руками развевающиеся на ветру волосы, неотрывно смотрела ему вслед. И только когда всадник, прежде чем скрыться за косогором, помахал ей рукой, вошла в юрту.

II.

Соян Даваа отогнал отару к Қоъш-Хавак — самому высокому месту в степи, поднялся на зеленый холм, спешился и осмотрелся.

Он закурил длинную трубку и вновь окинул внимательным взором открывавшиеся ему с вершины дали. Вот его отара белых с черными головами овец медленно движется по степи и меняет свои очертания. То она образует прямоугольник, то вытягивается лентой. А дальше, куда ни глянь, пасутся другие отары — кажется, по степи медленно катятся причудливо разбросанные белые мешочки с черными завязками. А еще дальше — привольно раскинулся колхозный поселок Ак-Эрик. Он, как расходящаяся по степи отара, увеличивает из года в год свои границы, наступая на Кызыл-Чиринскую степь новыми жилыми домами и общественными постройками. Вон красуется новая школа, где скоро сядет за парту маленькая Хандыва. А за ней колхозная контора, медпункт, детский сад, зерносклад... А давно ли здесь была степь, где маячили одинокие юрты?

Как сказочно преобразил Кызыл-Чиринскую степь колхоз! Он взорвал ее тишину гулом тракторов и комбайнов, наполнил песнями радостного труда, озарил жизнь светом знаний, принес аратам прочный достаток, навсегда похоронил унылое кочевье.

Солнце поднялось уже высоко. Пора отгонять отару на водопой. Соян сел на коня и только тогда заметил неладное: овцы сбились в один тесный клубок и с испуганным блеянием мчались к нему, словно ища у него защиты от грозящей им опасности. «Неужели опять появился серый разбойник?» — мелькнула тревожная мысль. Недолго думая, он взмахнул кнутом, прищпорил коня пятками и пустил его вскачь. Приняв влево и обогнув промчавшуюся мимо него отару, Соян сквозь пыль увидел хищника. Вытянувшись в струнку и оскалив зубы.

* Поова — лепешки.

волк длинными прыжками настигал отставшую овцу. Казалось, что он летит по воздуху, не касаясь земли ногами.

Из груди Сояна вырвался гневный вопль. Повернув наперерез хищнику, чабан пригнулся к гриве настороженного коня.

Волк давно учуял человека, но чувство голода пересилило страх. Он сделал несколько неуверенных прыжков и, наконец, остановился, высоко подняв голову и наострив уши. Через мгновение он, поджав хвост, уже мчался к лесу, обрамлявшему зеленой каймой берега Тесь. Соян пустился за ним в погоню.

Прошло несколько минут бешеной скачки, впереди все выше подымался лесок и уже становились различимыми отдельные деревья. Добежит туда волк — и поминай как его звали! А ночью он опять совершит свою вылазку, и кто знает, чем она кончится — дорого обходится колхозу волчий разбой.

«Нет, его нужно во что бы то ни стало прикончить», — решил Соян, отвязывая на всем скаку от седла девятисаженный аркан. Покружив над головой, чабан изо всех сил бросил веревку. Мимо!

Неудача не обескуражила Сояна. Он быстро смотал аркан. Волк ушел далеко вперед. Метр за метром расстояние между ним и хищником сокращалось. «Если и теперь промахнусь — уйдет», — подумал Соян. Лес надвигался с бешеной скоростью и, казалось, сама земля, покачиваясь, неслась и мягко стелилась под копыта скакуна. Поднявшись на стременах и откинувшись, Соян вновь метнул аркан, вложив в этот бросок всю свою силу и злость на серого разбойника. Миг — и петля захлестнула голову зверя, сразу оборвав его бег. Торжествующий, с загоревшимися от радости глазами, Соян придержал коня. Волк дико взвыл, несколько раз перевернулся, вскочил на ноги и снова забарахтался на земле. Соян, пропустив конец аркана под колено правой ноги, сделал круг и поскакал в обратную сторону, волоча зверя.

«Попался, разбойник! — торжествовал Соян. — Это ты не давал мне ночью покоя. Видно, сильно голодный, раз решился днем напасть. Теперь, наверное, уже задохся. Так тебе и надо, вражина!» Спешившись, Соян осторожно приблизился к волку. Тот не шевелился. Готов! Соян закурил трубку, разглядывая крупного хищника с оскаленными зубами.

Отдыхавшись, чабан поскакал к своей отаре и, весело покрикивая: «Хайт! Хайт!», погнал овец к тому месту у речки, где оставил добычу.

Тесь шумливо несла свои чистые воды, и ее оживленный говор сливался с шелестом листвы прибрежных тополей и щебетом птиц в одну бодрящую песню. Соян привязал коня к ближайшему тальнику и принялся с помощью ножа снимать шкуру зверя, которая так крепко пристала к мясу, будто была к нему приклеена. Чтоб шкура скорее подсохла и не сморщилась, он набил ее сеном. Обвязав волчье чучело веревкой, Соян подошел с ним к коню. Серко испуганно захрапел, забил о землю копытами и чуть было не порвал поводья. С большим трудом успокоив коня, чабан приторочил к седлу свою ношу и, не спеша, погнал отару по Агарской степи к Қоъш-Хаваку. Любовно оглядывая овец, он отыскал среди них ту, которую чуть было не загрыз волк.

«Спокойно паситесь, мои овцы. Наступят сумерки, и я вернусь к юрте, где меня ждут жена и дети. Как они обрадуются, узнав, что я победил волка! С какой опаской станут поочередно шупать волчьи клыки! А белолобый Аккал зло зарычит и станет бросаться на своего исконого врага. Дежитма, конечно, примется его успокаивать, глядя своей маленькой рукой по взъерошенной шерсти...» Так размышлял Соян, живо представляя себе радостную встречу с родными. По степному простору время от времени разносился его звонкий голос: «Хайт! Хайт!» А солнце подымалось все выше и выше, золотя степь и отроги хребтов Таңды.

III.

Прошла неделя, и Соян стал собираться на зимовье. Осень все реже дарила погожие солнечные деньки, все чаще поливала землю холодным дождем, завывала порывистыми ветрами, напоминая о приближении самой трудной для чабанов зимней поре.

Когда все приготовления были закончены, Соян подсел к жене, занятой шитьем школьной формы для Хандыва. Дети уже спали, овцы находились в загоне под охраной Аккала, и можно было не торопясь поговорить и о многом посоветоваться под веселый треск сучьев в пылающем очаге. Соян любил эти тихие, спокойные и редко выпадающие на долю чабана вечера, когда, покуривая трубку, можно обо всем поразмыслить, помечтать.

— Ну, Дежитма, теперь, пока я буду на зимовье, тебе придется особенно трудно — и отару пасти, и за детьми доглядывать. Справишься?

— Еще спрашивает! Будто мне это в первый раз, — ответила с легкой укоризной Дежитма, подняв голову от шитья.

— А если волк нападет, не испугаешься? — продолжал допытываться Соян.

— О! Да ты что сегодня взялся за меня? Уж не зазнался ли? Аркан я, конечно, бросать так ловко, как ты, не умею, но в стрельбе из ружья не уступлю. Подстрелю серого, если зайвится. Не беспокойся.

— Не сердись, жена. Я пошутил. На тебя надеюсь, как на самого себя. Просто хочется, чтобы все было в порядке, хорошо. Ведь как о нас колхоз заботится! Нам построили дом на зимовке, дров подвезли. Расширили кошару, заготовили корма. Теперь дело за нами — как мы выполним свое слово, которое дали на партийном хурале.

Четыре года мы пасем колхозный скот. От трехсот пятидесяти овцематок мы получили в первый год четырехста, а в остальные по четыреста пятьдесят ягнят. Вот и посчитай, сколько мы вырастили для колхоза овец.

Дежитма приостановила мелькание иглы, на минутку задумалась. Ее припухлые, как у ребенка, губы зашевелились, а устремленные на мужа глаза постепенно, как угольки на ветру, загорались радостным огнем. — Тысяча семьсот пятьдесят! — воскликнула она, еще не веря в правильность своего ответа.

— Верно, — подтвердил, улыбаясь, Соян.

— Ой как много, Соян! Целых пять отар выйдет, как наша. А ведь это только поголовье, а сколько мы дали мяса, шерсти?

Соян посерьезнел, раскурил потухшую трубку и только тогда ответил:

— Шерсти наши овцы мало дают... От силы два—два с половиной килограмма. И то хороший уход нужен. А в среднем по району получается вдвое меньше. Если б тонкорунных овец разводить... Тогда будет шерсть так шерсть!

— А какая выгода от этих тонкорунных?

— Выгода огромная, жена. Каждая овечка может дать пять—шесть, а баран, считай, все десять—двенадцать килограммов. Да и ценится тонкая шерсть раза в два выше, чем грубая. Вот какая выгода!

— Так чего же у нас медлят с этим делом? Нужно быстро, быстро решать! — загорелась Дежитма и даже мужа принялась за плечо раскачивать, будто все зависело только от него.

— Не так все просто, как тебе думается. Нужно завезти алтайских баранов-мериносов — это раз, Соян, перечисляя, стал загибать пальцы один за другим. — Нужно оборудовать пункт искусственного осеменения — это два. Обеспечить хороший уход и содержание животных — это три. С нашими грубошерстными овцами проще, а за тонкорунными нужен глаз да глаз, иначе или перегреешь летом на солнце, или

простудишь зимой на сквозняке. Кошара, говорят, должна быть сухой, чистой, с вентиляцией.

— Да, хлопот много.— согласилась Дежитма.— Зато и отдача будет другая. А приплод когда лучше получать?

— В январе и феврале. Тогда ягненок к зиме уже нажируется, шерсть даст. Пастбища, ясное дело, как и для грубошерстных, менять надо, зимой подкармливать, снег расчищать. Ну и запасай минеральных солей. Вот, пожалуй, и все. Если нам всем за дело взяться, можно года через три-четыре вырастить свою тувинскую тонкорунную овцу.

Последние слова Соян произнес мечтательно и торжественно. Он уже живо представлял себе, как по тувинским степям кочуют отары крупных тонкорунных овец, как сотни машин везут кипы шерсти за Саяны на фабрики...

— Размечтался! — рассмеялась Дежитма, откладывая шитье. И потом тихо добавила:— Я тоже...

Давно догорел хворост. Потухла Соянова трубка. Давно в юрту стучались дождь и ветер. А Соян и Дежитма все еще сидели у чуть тлеющего очага и думали каждый по-своему, но об одном — о том, что будет завтра.

IV.

Несколько дней Соян Даваа безотлучно находился на своем зимовье. Наконец, работа была закончена. Прошлогодний слежавшийся навоз в кошаре убран и заменен сухой свежей подстилкой. Сено огорожено, кизяки заготовлены, дом утеплен. «Теперь зима нам не страшна,— рассуждал Соян.— Зимовка будет сытная, скот не потеряет упитанности, и молодежь получим здоровый. Теперь, пожалуй, можно и домой. Соскучился — будто год не был».

Смеркалось, когда он подъехал к дому, но зоркий глаз Сояна различил возле юрты легковую машину. Дежитма и еще какой-то человек, очевидно приезжий, стояли у загона, где уже находился пригнанный с пастбы скот. Дежитма, заметив приближающегося Сояна, взобралась на плетень и, держась одной рукой за столбик, другой призывно замахала головным платком. На крик матери из юрты выскользнула Хандыва в школьной форме с белым фартуком и, оглядевшись, наперегонки с Аккалом понеслась навстречу Сояну. Сопровождая отца и держа рукой за конское стремя, она оживленно рассказывала о первых днях своей учебы в школе. Слушая лепет дочери, поддакивая и всматриваясь в оживленное личико с горящими, как у матери, большими глазами, Соян радостно улыбался и думал: «Счастливые дети... Все им сейчас дается полной мерой».

— Скажи, а почему не видно Опуштай?— спросил Соян про младшую дочку.— Уж не больна ли она?

— Нет, здорова. Бабушка ее к себе взяла погостить.

— А-а! Тогда все хорошо! Я рад, Хандыва, что тебе по душе пришлись и школа, и учителя, и подруги. Только знай: когда мы откочем на зимовье, тебе придется жить в интернате. Не будешь скучать?

— Не знаю...

— Мы к тебе будем часто приезжать в гости, и ты нас будешь угощать чаем и хойтпаком. Ведь так?

Хандыва рассмеялась:— Тогда я заберу у вас новый чайник. Он все равно лишний. Мама говорит, что из старого чай вкуснее. Это верно?

— Я думаю, что и в новом чайнике можно сварить хороший чай. Попробуй-ка сейчас сама это сделать, а мы проверим. Я пить хочу, дочка. Да и гостя угостим.

Хандыва захлопала в ладоши, и, что-то приговаривая, поскакала в юрту. Потом вспомнила и похвасталась:

— А я из школы на железном коне приехала. Вот!

Соян спрыгнул на землю и, похлопав коня по гриве, привязал его к коновязи, ослабил подпругу и зашагал к загону. В приезде он узнал секретаря райкома Наксыл-оола. Высокий, угловатый и большеликий Наксыл-оол шел навстречу Сояну, слегка сутулясь и широко улыбаясь.

— Здравствуй, товарищ Даваа,— проговорил Наксыл-оол, крепко пожимая ему руку.

— Здравствуйте, дарга. Я поехал на зимовье дня на три, а работы там набралось на всю неделю. Задержался малость.

— Вот, а дома целое беспокойство. Меня с машиной вызвали розыск вести,— пошутил Наксыл-оол.— А что было бы, если б ты в Москву укатил? Дежитма бы всю московскую милицию на ноги подняла!

— В Москву? — удивился Соян.— Я Саяны и те еще ни разу не переваливал. Разве только в мыслях...— Чабан осекся: ни к чему было так вот беспричинно говорить даже Наксыл-оолу о своей давней мечте. Мысленно он не раз переносился в Москву. И чего это дарга сегодня так весел, план, что ли, район по шерсти выполнил? Да нет, куда там — с шерстью, небось, еще туго.

— Скот я у вас смотрел,— хороший. Молодцы! — похвалил секретарь.— Потерь нет?

— Если жена без меня не растеряла, то весь налицо,— улыбнулся Соян.

— Уж она потеряет! На нее можно уверенно оставить хоть две отары, а самому в Москву ускакать. Так ведь, товарищ Дежитма? — спросил Наксыл-оол и заговорщицки подмигнул.

— С двумя — не знаю. А с одной справлюсь, дарга,— уверенно заявила Дежитма и слегка прищурила свой лукавый глаз.

«Эге! — подумал Соян.— Да у них какой-то заговор против меня». И по праву хозяина пригласил гостя в юрту. Там их уже поджидала Хандыва. Она, подражая матери, расставляла на низком столике посуду. На очаге пофыркивал новый, отливающий медью чайник. Дежитма даже руками всплеснула, но увидев, с каким старанием и серьезностью хлопочет дочка, похвалила:

— Ах, ты моя умница! Только зачем новый чайник взяла?

— А вот узнаем, каким он нас чаем угостит. Я думаю — не хуже, чем старый.

— Верно, дочка,— поддержал Соян.— Даргалары к нам редко приезжают. Надо их из нового чайника угостить, глядишь, почаще будут к чабанам заглядывать.

— Это, товарищ Даваа, смотря что в чайнике. Если арачишка, то можно и почаще на Агар приезжать. Я шучу, конечно.

— Понимаем, понимаем, дарга. Ну, кушайте на здоровье и новости нам свои рассказывайте. Чую, вы нам их целую барбу привезли.

— Есть, есть новостишки, товарищ Даваа. Скрывать не буду. В Москве открылась сельскохозяйственная выставка.

— Так, интересно. Мы еще не читали об этом, дарга. Газеты к нам с опозданием доходят.

— Опять критика? Не знал, что вы такой острый на язык. Посмотрим, что он запоет, когда мы ему все новости выложим,— Наксыл-оол, отпивая чай из пилы, вновь подмигнул Дежитме.— На выставку посылаем от нашего района двенадцать человек.

— Вот это да! Двенадцать человек! Кто же эти счастливчики? Скажите, товарищ Наксыл-оол,— Соян взволнованно поднялся, потом опять опустился на свое место за столом.

— Из нашего района и из других поедут самые достойные передовики производства. Чтобы они свои достижения людям показали и

у других поучились бы, а потом ценный опыт по всей Туве разнесли.

— А кто же все-таки поедет, дарга?

— Сказать?— обратился Наксыл-оол к Дежитме.

— Да, говорите уж, не мучайте его.

— Райком и райисполком первым участником выставки утвердил знатного чабана... Сояна Даваа!

— Ме-ня?!— растерянно и даже испуганно воскликнул Соян. Он смотрел то на Наксыл-оола, то на жену. Ему казалось, что он ослышался, и вот сейчас Наксыл-оол повторит имя, но не его, а другого чабана, которому выпала такая великая честь. Но Наксыл-оол, а за ним и Дежитма и даже Хандыва весело рассмеялись.

— Те-бя. Те-бя,— сквозь смех произнес Наксыл-оол.— Вот вам и по-жа-луй-ста... Так мой приятель— чаахольский дарга любит говорить,— пояснил он.

Только теперь Соян понял, для чего приехал Наксыл-оол.

— Доволен?— спросил тот.

— Рад,— признался Соян.— Только вот что... Заслуживаю ли я?

— Заслуживаешь, не сомневайся, товарищ Даваа,— успокоил его Наксыл-оол.— Вы уже вырастили колхозу около двух тысяч овец. Настриг шерсти по вашей отаре самый высокий в районе. Ваш скот всегда самый жирный, и молодняк самый здоровый.

— Но ведь это не только моя заслуга,— возразил Соян.— Дежитма не меньше меня старается. Если б не она...

— Соян! — укоризненно воскликнула Дежитма.

— Если бы, да кабы... Знаем, что и жена у тебя золото. Придет в другой раз и ее черед. Увидит Дежитма Москву, помяни мое слово, увидит,— убежденно произнес Наксыл-оол.

— Так как же, Дежитма? Ехать мне?

— Ехать. Я рада за тебя, Соян. А за отару и дом не волнуйся. Все будет хорошо.

— Ну, спасибо. Всем спасибо! Ведь увидеть Москву, выставку, это, признаюсь, моя большая мечта...

— И она скоро исполнится. Итак, поздравляю.— Наксыл-оол крепко пожал руку Сояну и Дежитме.— Мне пора. Заночую в колхозе Калинина.

— Так вот, на сборы три дня. Спасибо за чай, Хандыва. Давненько такого вкусного чая не пил. В другой раз я тебя опять подвезу из школы домой. Хорошо?

— Хорошо,— обрадовалась Хандыва.

Супруги вышли вслед за Наксыл-оолом. Все вместе подошли к машине. Наксыл-оол еще раз пожал провожающим руки и сказал:

— Спасибо вам за работу, за угощение и... за критику. Все верно сказано. И бывать нам надо чаще у вас, и за доставкой газет и еще за многим другим приглядывать. Учту, дорогие товарищи! До скорого свидания!

Разрезая светом фар темноту ночи, машина поехала по направлению к Берт-Дагу. Красные огоньки, прощально мигая, долго, словно светлячки, блуждали по степи, пока не скрылись за Коьш-Хаваком. На темном небе мерцали яркие звезды.

V.

В назначенный день, распрощавшись с семьей, Соян Даваа выехал в районный центр. Вначале он все думал о том, что уже скрылось за перевалом, о том, что он оставил,— о Дежитме, о дочках, об отаре и даже о старом Аккале, который, почуяв отъезд хозяина, долго и жалобно скулил. А потом все больше и больше Соян отдавался раздумью о том, что ждет его в дальнем-предальнем пути.

Подъезжая к окраине Самагалтая, Соян натянул поводья, замедлил бег своего Серко и стал рассматривать строения. «Ээ! Как, однако, разросся наш Самагалтай. В тридцатом году, когда меня мальчишкой привез сюда отец, здесь было несколько низких домишек, гнилые постройки хуре, да убогие юрты. А кругом — пустырь», — размышлял Соян Даваа, поглядывая по сторонам.

— Эй, Даваа! — окликнул его неожиданно чей-то насмешливый голос. У одного из домов стоял Адавастай.

— Что это ты так нарядился? На свадьбу спешишь?

Соян недолюбливал этого лодыря Адавастая, тайком промышлявшего темными делишками.

— Меня посылают в Москву, — нехотя ответил Соян. — На выставку.

— В Москву?! Смотри-ка ты... За какие же это заслуги? Неужели за то, что овец пасешь?

— Именно за это.

— Тогда и меня возьми с собой за компанию. Я вроде тоже чабаном числюсь, — захохотал Адавастай.

— Не за что. Тебя, я слышал, прокурор приглашал?

Адавастай помрачнел и с ненавистью бросил:

— Не твое дело. Проезжай! Конный пешему не товарищ.

Теперь уж Соян рассмеялся. — Я-то проеду, а вот ты далеко ли уедешь? Лодырем жить не дадим. Подумай.

У райкома Соян столкнулся со стариком Коданмаем. Встреча была взаимно радостной.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой старик! Вместе покатым в Москву?

— Здравствуй, Соян! Да, вместе повезем Москве поклон от Тувы. Я рад тебя видеть. Здоров ли скот?

— Здоров, все хорошо, дедушка. Я тоже рад, что у меня будет такой попутчик. Надеюсь, и у вас все благополучно?

— Все благополучно, Соян. Пойдем вместе к дарге.

В кабинете Наксыл-оола уже собрались все, отбывающие на выставку. Секретарь райкома расспросил каждого о здоровье и о том, в каком состоянии и на кого оставили скот.

— В Москве смотрите в оба, запоминайте получше. Особенно интересуйтесь опытом знатных животноводов. Вернетесь домой — колхозники вас обо всем расспрашивать будут. Счастливого пути, друзья!

И для Сояна и его товарищей началось увлекательное путешествие. Новые поселки со школами и клубами, караваны тракторов, разбегающиеся во все стороны электрические провода, — все это радовало глаз и согревало сердце спутников. Старик Коданмай, сидевший в автобусе рядом с Сояном Даваа, крутил из стороны в сторону своей взлохмаченной головой и изумленно покрикивал: «Ха-а! Ха-а!» А когда с высоты открылся утопающий в зелени Кызыл со своими каменными домами, трубами, строительными кранами, то уже не только старик Коданмай, а и все, кто давненько не был в этих краях, в один голос так громогласно возгласили свое восторженное «Ха-а!», что водитель автобуса сначала удивленно оглянулся, а потом, смекнув, в чем дело, рассмеялся и прибавил газку.

В Кызыльской гостинице собрались экскурсанты со всех «девяти хошунов» Тувы. Здесь Соян познакомился с охотниками Тоджи, чабанами Монгун-Тайги, хлеборобами Пий-Хема и Каа-Хема. По Кызылу ходили группами.

— Охаай! — восторженно восклицал старик Коданмай. — Это не Самагалтай. Здесь и заллутаться дело нехитрое. Особенно если арачишки

хлебнешь... Когда я в тридцатом году был в Хем-Бельдире, так, бывало, пока чай вскипит, успеешь обойти его из конца в конец. А теперь...

— А теперь весь чай выкипит, и то не успеешь домой вернуться, — досказал мысль старика Соян.

Утром к гостинице подкатили автобусы. Коданмай уже освоился и первым забрался в машину, облюбовал место у окна рядом с шофером, а соседнее занял для Сояна. Автобусы с экскурсантами один за другим промчались по прямой, как стрела, улице Ленина и спустились к реке, где их уже поджидал паром.

Небо было безоблачно. Голубая река играла под солнцем вспышками золотистых огней. Город отплывал все дальше и дальше и, удаляясь, раскрывал взору Сояна все новые и новые кварталы, скверы и, наконец, парк, где, говорят, по весне буйно цветет сибирская красавица — черемуха и помогает юношам подбирать для своих возлюбленных такие же нежные, как ее белые лепестки, слова... Соян подумал о своей юрте, о Дежитме.

Толчок парама вывел Сояна из раздумья. Он еще раз окинул долгим взглядом ширь Улуг-Хема и, вдохнув полной грудью свежий речной воздух, вышел на правый берег.

Замелькали «версты» Усинского тракта, все жадно прильнули к окнам. Шофер автобуса, не отрывая глаз от дороги, охотно отвечал на вопросы Коданмая:

— Раньше дорога была очень крутая, и до Минусинска добирались дней, почитай, пять. А теперь день — полтора и там. Придет время, протянут через Енисей железные мосты, расширят полотно, меньше суток будем в пути. Смотри, старик, что в Туву везут.

Навстречу в одиночку, а то и целыми колоннами пронеслись грузовики. И чего только не было на них навьючено! И машины, и трубы, и бочки с горючим, и ящики с товарами и продуктами. А когда автобусы останавливались на заправку, их обгоняли машины с кипами шерсти и кожи, с тувинским зерном. Время от времени на пути попадались стада, движущиеся на Семиозерки, и тогда овцы, коровы и кони, как ледоход на реке, запружали дорогу, а машины терпеливо ожидали пока схлынет этот живой поток.

Незаметно подступили величественные, поросшие глухой тайгой Саяны. Они с двух сторон окружили дорогу, заставляя ее делать причудливые петли, змейкой взбегать на горные вершины. Иногда над трактом нависали глыбы камней-валунов, перевитых корнями вековых кедров, лиственниц и елей и, казалось, сама Хозяйка тайги под вой ветра грозила проезжим: «Вот сброшу на вас эти камни, чтобы не нарушали больше мой покой...» Соян стал было считать мосты через шумливые речки Ус и Эжим, но потом сбился со счета и бросил. Автобус с трудом взобрался на верховье Буйбы и, громко выхлопнув синеватую гарь, словно облегченно вздохнув, устремился вниз к Минусинской котловине...

Уже пятый день находился в пути пассажирский поезд с посланцами Тувы и других республик и областей Сибири. Прильнув к вагонному окну, Соян неотрывно смотрел и, казалось, вбирал в себя широту и величие российской земли. Он видел большие города, разбросанные там и сям деревушки, нескончаемые леса и бескрайние поля, широкие реки и степные озера. Он видел, как люди всюду были заняты делом — возводили дома, пахали землю, вели поезда. И он еще острее, чем раньше, ощутил свое родство со всеми людьми этой великой страны, которая зовется его Родиной!

Стемнело. В небе и на земле зажглись огни. Сначала бледные, рас-

пловчатые, тусклые, они постепенно, чем больше сгущался мрак, становились яркими, отчетливыми и манящими.

В это время из радиоприемников зазвучал торжественный голос:— Дорогие товарищи! Наш поезд прибывает в столицу нашей Родины — Москву!— И сразу же зазвучала величавая песня.

— Это чудо — Москва! — прокричал Соян на ухо Коданмаю и тот широко открыл свои слезящиеся глаза, в которых светился восторг и удивление.

VI.

Дети не давали Дежитме покоя. Хандыва и Опуштай наперебой спрашивали мать:— Когда же вернется папа? Нам без него скучно...

Аккал бродил возле юрты, не находя себе места, и тоскливо поскуливал. Он тоже ждал хозяина. Дежитме казалось, что даже овцы после отъезда Сояна стали ходить, понуриив голову, и жалобно блеять.

— Что мне с вами со всеми делать, ума не приложу,— сердилась Дежитма.— Одни хандрят, другие скулят. Да перестань ты, негодник! — В Аккала полетел комок земли.

Дежитма сама беспокоилась за мужа, но смиряла свое нетерпение. Хотя и помогали колхозные чабаны, ей все же нелегко было без Сояна пасти овец и управляться в юрте. За день она сильно уставала. Но была бодрой, веселой и любое дело в ее руках спорилось и горело. Дежитме было отрадно, что труд мужа, а стало быть, и ее труд отмечен, и Соян ходит по московским аалам. И только в последние дни, когда по ее расчетам Соян уже должен был вернуться, к ней подкралась тревога.

Но, наконец, наступил радостный день — из Самагалтая в Ак-Эрик позвонил Наксыл-оол и через председателя колхоза сообщил ей, что Соян уже в Кызыле. И сразу все преобразилось. Солнце засветило ярче, потеплел ветерок, на душе полегчало. Дежитма умыла, придела детей, сама принарядилась. Аккал получил большую кость.

— Оо, моя козочка!— говорила мать своей Опуштай, причесывая ее непослушные волосы.— Оо, моя умница! Твой папка сегодня прискачет, игрушек привезет московских.

— А конфет?

— И конфет, и других гостинцев.

— Мама, а разве папа успеет сегодня из Кызыла доехать?— спросила Хандыва.— Он не заночует в Кызыле?

— Нет, дочка! Твой папа соскучился по своим деткам и обязательно сегодня прискачет. Он уже едет, едет к нам! Вот увидишь. Давайте готовить еду, густой чай в новом чайнике заваривать. А ну, помогайте мне, дочки!— И в юрте закипела работа.

Но не только они ожидали приезда Сояна. К юрте Дежитмы стали стекаться колхозники — кто пешком, кто на коне. Скоро возле юрты образовалось целое стойбище. Всем не терпелось послушать человека, побывавшего в самой Москве. Дежитма разговаривала с колхозниками, а сама нет-нет да и поглядывала в сторону Ак-Эрика — не покажется ли машина с Сояном. Хандыва, Опуштай и их сверстники со смехом гонялись на перегонки.

— Едут, едут!— радостно воскликнула Дежитма, прижимая руки к груди. Сразу все смолкло. Колхозники поднялись со своих мест и стали смотреть на дорогу, по которой, быстро разрастаясь, клубилось пыльное облачко. По степи разнеслись радостные разноголосые вскрики, как эхо, повторяющие слова Дежитмы: «Едут, едут!» Аккал наострил уши и стрелой понесся навстречу машине. Дети было устремились за ним вдогонку, но их остановили старшие.

— Не радуйтесь раньше времени,— заговорил чабан Шойдак, кото-

рого колхозники недолюбливали за пристрастие к своему личному хозяйству. — Может, это и не Соян, а дарга какой-нибудь. Ведь это они на машинах раскатывают.

Его кто-то одернул. Тогда Шойдак заговорил про другое:

— Если Соян катит, еще лучше. Он поделится с нами подарками. Ведь издавна живет обычай: вернулся с охоты — делись с сородичами добычей...

Не успел он договорить, как на него обрушился Комбу:

— Вот ведь какой человек! Хоть и сыт, а глаза от чужого рта не отводит. Ничего нам от Сояна не надо, кроме рассказа о Москве. Пусть поделится тем, что видел, что слышал. А если тебя такая «доля» не устраивает, вон твой конь тебя поджидает.— Колхозники, смеясь и подшучивая, поддержали Комбу, и Шойдак сразу прикусил язык.

«Газик», по-козлиному прыгая по кочкам, подскочил к собравшимся и резко остановился. Из машины вышел уставший, запыленный, но счастливо улыбающийся Соян. Вмиг его окружили Дежитма и Хандыва, а Опуштай с разбега подпрыгнула и обвила шею отца своими цепкими ручонками. Соян взволнованно и радушно пожимал руки своим землякам, благодарил за встречу. Обойдя круг, он спросил сияющую Дежитму:

— Ну как ты здесь без меня хозяйничала? Как скот?

— Все хорошо, Соян. Я же тебе обещала... Говори со всеми. Они ждут. Рассказывай...

Соян оглядел побуревшую степь, уже прикрытые белыми шапками горы, сосредоточенные лица собравшихся и шагнул вперед. Наступила такая тишина, что стал слышен стрекот кузнечиков и шелест пролетающих птиц.

— Друзья! Через несколько дней мы соберемся в клубе. И тогда я расскажу вам подробно, как работают знатные овцеводы нашей страны, что у них мы можем перенять. А сейчас я поделюсь с вами впечатлениями о Москве.

— Прибыли мы в Москву вечером. Город зажег столько огней, что старик Коданмай подумал, что это звездное небо упало на землю. Вышли мы из вагона, а кругом людей видимо-невидимо. Кедровой шишке некуда упасть. Будто шуга на Улуг-Хеме. И странное дело, никто тебя не подтолкнет, никто на пятки не наступит.

Нас встретили сотрудники выставки и повели в здание, которое вокзалом зовется. Уж и не знаю, сколько тысяч человек в него вмещается — такое оно огромное. И кого там только нет! И русские, и узбеки, и грузины, и украинцы... Одни сидят на диванах, читают или друг с другом разговаривают. Другие спешат на перрон или сошли с поезда, как мы, и в город направляются. Чувствуешь себя, словно ты в потревоженном муравейнике или в ущелье, через которое отару прогоняют.

— Так, по-твоему выходит, что в эту людскую кошару все люди нашего района могут вститься? — недоверчиво спросил Шойдак.

— Могут, — уверенно ответил Соян. — Вполне могут.

— Охаай! Вот здорово! — восхищались собравшиеся.

— Прошли мы вокзал, — продолжал Соян, — и очутились на большой площади, вокруг которой дома, как горы, возвышаются. Стал было я в одном доме этажи считать. Только до двадцати дошел как сопровождающий нас человек, такой веселый да заботливый, пригласил в машину садиться. Заметил, каким я зданием люблюсь, и говорит. «Это гостиница, «Ленинградская».

Черная, блестящая, как зеркало, машина, мягкими седлами высланная, повезла нас по городу. А кругом огни, как днем светло, и людской поток бурлит, течет во все стороны... И много машин разных взад-вперед мчатся.

Коданмай за меня уцепился и говорит испуганно: «Сейчас, Соян, мы кого-нибудь задавим, или нас подшибут. Халак... По степи на коне куда спокойнее двигаться...» Но все обошлось благополучно. Подвезли нас к высокому зданию, вокруг которого деревья растут, цветы высажены. Любезный человек в шляпе, тот самый, что на вокзале нас, как родных встретил, пояснил: «Это наша гостиница. Здесь вы жить будете». Повели нас внутрь, и там по семь человек стали приглашать в клетку диковинную — лифтом ее зовут.

Дверцы захлопнутся, зашумит что-то, а через несколько минут вновь раскроются, но тех людей, что в клетку заходили, уже нет. Словно под землю провалились. Старик Коданмай заупрямился, не идет. Все наши уже исчезли, один я с этим стариком остался. Насилу его уговорил, да что там уговорил! Под руку завел. Девушка в синем халате сказала нам что-то, а что — я толком и не разобрал. Щеки у нее румяные, губы как брусника, а глаза лучистые, как...

Тут Дежитма не выдержала и подтолкнула мужа под бок. Шойдак первым заметил и расхохотался:— Вот она выставка-то какая!

Не выдержали и другие, рассмеялись! Соян было смутился, но миг спохватился и продолжал:

— ...А глаза лучистые, как у моей Дежитмы.

Здесь зардевшаяся Дежитма еще раз подтолкнула мужа и прошептала, потупив глаза:— Ты о деле, о деле людям говори...

— Так вот о деле. Нажала эта девушка черную пуговицу на стенке и какая-то сила нас кверху, без семицветной радуги, понесла, понесла... Когда клеть, наконец, остановилась, люди, с нами ехавшие, стали выходить наружу. Девушка нас спрашивает, какой нам этаж надобен. А мы стоим растерянные — не знаем на каком этаже нам комната отведена. Стала тогда девушка по телефону говорить. Поговорила, опустила клеть немного вниз и говорит: «Выходите». Увидели мы на площадке знакомого человека в шляпе и обрадовались. Коданмай из клетки, как молодой козел, выпрыгнул. Девушка рассмеялась, закрыла дверцы своей машины и исчезла.

Провели нас в комнату, украшенную расписными коврами, и сказали: «Это ваш номер. Отдыхайте!» Коданмай от всего пережитого сразу же спать собрался, а я долго-долго за окно смотрел. Не спалось...

Помолчав немного и собравшись с мыслями, Соян продолжил свой рассказ про Москву, про ее подземные дворцы — метро, и выставку.

— Выставка широченная, как наша степь. Больше двухсот гектаров занимает. За один день ее всю даже не обойдешь. Перед громадными воротами стоит скульптура — мужчина с молотом и женщина с серпом. Сразу за воротами — площадь с озером. Из сотен труб вода вверх сильными струями вырывается, а потом брызгами в озеро падает. А по кругу — пятнадцать девушек, как Алдын дангына, сверкают. О братстве всех народов нашей великой страны как бы говорят они. Кругом, куда ни взглянешь, цветы, деревья диковинные.

Каждая республика на выставке свои павильоны-дворцы построила. Высотой они с Монгун-Тайгой потягаться могут. Перво-наперво зашли мы, разумеется, в павильон Российской Федерации. Долго мы здесь пробыли, много интересного и полезного узнали. Нашли и своих земляков, участников выставки,— охотников, чабанов, хлеборобов. Их портреты на видном месте красуются. Тут же рисунки и картины разные об успехах колхоза имени Ленина из нашего Теса, «Красного пахаря» из Турана, «Красного партизана» из Сосновки и других. А под ними на узких столиках разложена пушнина, добытая нашими охотниками, шерсть и пшеница золотая в барбе...

И как было приятно нам слушать, когда восторженно отзывались о Туве посланцы других республик, рассматривая все это! Один узбек в тю-

бетейке бережно и почтительно взял зернышко, пожевал его и сказал потом, обращаясь к товарищу: «Смотри-ка, друг, какая пшеничка отменная растет в Туве!» Окружили тут нас люди со всех сторон — спрашивают, всем интересуются, руки жмут и пожелания добрые высказывают...

На другой день зашли мы в огромный дом под стеклянной крышей. Куда ни посмотришь — всюду машины: трактора, комбайны, сеялки, сенокосилки... Диву даешься силе наших заводов, мастерству рабочих. Побывав в павильонах других республик, мы узнали, чем они богаты, что дают они в наш общий котел...

Долго говорил Соян, и его зачарованно слушали колхозники, как слушают долгими зимними вечерами под треск костра легенды и истории стариков-сказителей.

Давно уже над собравшимися сгустилась ночь, давно уже заснула на руках матери маленькая Опуштай. Уже много было искурено трубок, много перегорело в костре хвороста, а люди все слушали, задавали вопросы, делились своими мыслями. Все вместе они походили на одну семью, занятую важным мирским делом. Огненные языки костра порой отгоняли ночную тьму и озаряли одухотворенные лица людей, которым в потоке взлетающих к небу искр чудились огни родной Москвы.

1953 г.

Степан САРЫГ-ООЛ

НА ВЕРШИНЕ КЕДРА

(Отрывок из повести «Воспоминания Ангыр-оола»)

Года два-три наша семья, терпя большую нужду, все еще оставалась в сборе. Отец с бабушкой всеми силами поддерживали убогое хозяйство, кое-как и кое-чем кормили нас и в добрую минуту ласкали. Юрта наша продырявилась, потемнела, осунулась. Шло время. Отец выплакал свое горе и женился на многолетней вдове. А мы разбрелись, как мышата — кто куда, а больше в пастухи.

Овюрскими богачами осиротелые дети бедняков ценились не дороже щенков дворняжек. Приметив сироту, они поджидали, когда он вырастет и станет пригодным для работы. Тогда его подбирали. Иногда это были дальние родственники, иногда близкие, но не родственные чувства побуждали их приютить сироту, а холодный расчет иметь дарового работника.

Вскоре мне пришлось вспомнить слова моей бабушки: «Лучше чужие люди, чем плохие родственники». Не успел я разглядеть лица новой матери, как оказался в цепких руках родного дяди. Сестер и братьев моих разобрали другие сородичи. Нас никто не спрашивал, хотим или не хотим, просто взяли за руку и увели из родной юрты.

Если вздумаете убежать — не рассчитывайте на милость: поймут и так избыют, что всю жизнь будешь помнить. А после еще заставят выполнять самые трудные работы.

Первое время дядя относился ко мне неплохо: подстригал мою косу, под которой были постоянные болячки от укусов вшей, починая старую шубейку, обутки. Зато тетка невзлюбила меня. Очень скоро я узнал остроту и ядовитость ее языка, и не было для меня худшего наказания, чем ее ругань и язвительные замечания:

— Ой, дурак, сырое мясо! О, несчастье, о, наказание судьбы!

Эти слова никогда не давали покоя моим ушам. Постепенно я терпелся к ее ругани, привык, как привыкают животные к привязанному им на шею боталу.

Дядя был не из бедных, скота хватало, но и детей было немало: люлька никогда не пустовала. Мне — восьмилетнему мальчишке — приходилось заменять няньку, доярку, собирать дрова для очага, помогать на пашне, на покосе, вообще, как говорят в народе, испытывать все девять потов.

Хозяйские дети относились ко мне так же издевательски, как и их мамаша.

«Что поделасшь, такова моя судьба. Некуда идти, некому пожаловаться. Люди говорят: «Нет горы, чтобы ступить ногой». «Значит, нет закона, на который я мог бы опереться» — так думал я в горькие минуты. Утешался я лишь мудростями моей бабушки. А их у нее было много, и на все случаи жизни. Когда надо было утешить малыша, она говорила: «Человек вырастет, ведь даже кошма к старости растягивается». Или: «Время не всегда зеленым стоит». Но бабушка не призывала прощать врагам обиды, наоборот она говорила: «Юность состарится, а ненависть — никогда», а то и так: «Ты забудешь, я вспомню».

К счастью, тетка и дядя хотя языком беспощадно жалили, но рук не прикладывали. Ну а то, что заставляли много работать, так это я оправдывал бабушкиной же пословицей: «Не в неге, а в трудностях научишься».

К лету наши аалы поднялись на чайлаг в верховья Амырака, на Кандыковые поляны. Там, избавленный от жары и овода, скот поправился и прибавил молока. Расположились мы со своей юртой поодаль от соседей, где была трава получше и вода рядом.

Однажды дядя с теткой перегнали целую бочку хойтпака, напились доьяна и уехали в соседний аал продолжать аракование. Я остался один с детьми, на мои плечи легла и вся забота о скоте.

В середине дня появились хозяева. С гиком, с песнями прискакали на взмыленных лошадях. Тетка сразу же принялась меня бранить:

— Ты, негодник, зачем молоко сварил? Я не молока хочу — араки!

Оказывается, надо было приготовить большую чашу для варки араки, а я сварил в ней свежее молоко. Вот и вся моя вина.

На этот раз в пьяной злобе тетка дала волю своим рукам: схватила суковатую палку и ударила меня по голове. Я взвыл от боли и обиды, на голове моей в ту же секунду всплыла огромная шишка. Тут я увидел дядю. Он шел на меня, еле держась на ногах. Глаза его были красные, угрожающие. Сердце мое остановилось. Я ожидал нового удара и весь съежился. Глядя куда-то между мной и теткой, дядя зарычал:

— Ну вас ко всем чертям! Садись на бычка и уезжай! Чего стоишь, слышал, что я тебе сказал?

Я перестал реветь и стоял ни жив ни мертв, потом сорвался с места и, как ошпаренный щенок, опрометью бросился из юрты.

Опомнился я уже далеко от аала на тропе, которая шла вдоль русла реки. Задохнувшись, со страхом оглянулся назад. Вокруг не было ни души. Мне вдруг стало так легко, будто все невзгоды мои остались где-то далеко-далеко.

Не чувствуя под собой ног, я быстро зашагал по тропе.

Тропинка долго вела сквозь строй высоких краснокорых лиственниц. Показалась поляна, на ней паслось стадо коров нашего аала.

Я остановился, тяжело дыша, как загнанная лошадь. Заметив меня, коровы подняли головы. И вдруг, откуда ни возьмись, вынырнул мой сильный бычок — низенький, толстый, как барсук. На рогах у него аккуратно был замотан поводок, закрепленный одним концом в носу.

Я схватил бычка за хвост, потом подобрался к голове и распутал поводок. Теперь бычок был в моей власти. Скорей, скорей домой! Скорее, пока дядя не проспался и не бросился за мной в погоню!

Что там шишки на голове, что недавние слезы, когда по этой тропе вверх по течению речки можно подняться на вершину хребта и увидеть дорогой мне Овюрский Амырак! Я так погонял бычка, что копыцца его звонко перешелкивались друг с другом. А я все пел и пел.

С песней дорога быстрее бежала навстречу. Вот я уже перебрался через Сайлыг-Хем — Синичкину речку, перемахнул и через глубокий Узун-Озан. Впереди показалаась радость всех путников — старая ель с широко раскинутыми ветвями.

Я соскочил и хотел привязать бычка. Но взглянул на него и ужаснулся: бока его ходили ходуном, мокрая шерсть покрылась пеной, а изо рта, точно тряпка, вывалился язык. Что же делать? Ведь бычок скоро откажется везти меня. Когда я убежал из юрты, солнце смотрело через дымовое отверстие прямо на аптара — значит, был полдень. А теперь на что оно светит? Наши тени в два раза длиннее нас самих.

Дав немного отдохнуть бычку, я поехал дальше. Чем выше в горы, тем круче и каменнее дорога. В горах она совсем узкая, завалена упавшими деревьями, перешагивать через них даже людям трудно, а как же мой бычок?

Русло Амырака лежит в глубоком ущелье, кругом лес дремучий; по той и другой стороне высоченные горы. Плотной стеной надвинулась на дорогу непролазная чаща, только в сказках можно о такой услышать: «Зверю не пройти, птице не пролететь; лесом пройти — только топором прорубиться, через скалы пройти — только сокрушив их».

Вот и Холдуг-Хем. Речка мчится в каменном ущелье, усеянном валунами. Шум такой, что своего голоса не слышать. А вокруг черный лес. Он тоже шумит, качает вершинами. И не поймешь, грохочут ли камни по речному дну или рычит хищный зверь в лесу. Страх сковывал мое тело, я боялся смотреть по сторонам.

Чем выше поднимались, тем теснее становилось тропе в темной чаще. Последние лучи солнца блеснули где-то на далекой вершине и погасли. Серый непроглядный туман закрыл ущелье, небо, лес и горы. Неясные звуки леса тревожили настроженный слух. Страх все больше овладевал моей душой. Я уже забыл думать о здоровье своего верного друга и гнал его до тех пор, пока он не упал...

Я стоял над умирающим бычком и с отчаянием искал в своей памяти молитвы, которые помогли бы мне в таком большом горе. Бычок тяжело и часто дышал, и я ожидал, что он вот-вот кончится, и тогда я останусь совсем один среди тьмы, в холодной и страшной тайге.

Я почувствовал страшную усталость и прилег на мокрую траву. Рядом протекал ручеек. Немного отдохнув, я обмыл лицо и шею. Усталость прошла. Набрав в пригоршни воды, вылил бычку на голову, но он даже не пошевелился. Тогда я стал лить ему на нос и губы, он вдруг оживился и начал быстро-быстро слизывать воду. «Значит, живой!» — радостно подумал я и стал усиленно поливать его. Тут я догадался, что за всю дорогу ни разу не дал бычку напиток.

Я сел рядом с бычком и принялся мечтать: «Вот сейчас кто-нибудь подъедет и будет вместе со мной ночевать. Я попрошу: «Не оставляйте меня, завтра все равно успеете доехать до вашего аала. Только, пожалуйста, не подъезжайте к дядиной юрте и не говорите, что видели меня».

Желание увидеть человека было так велико, что я начал прислушиваться, не звякнет ли подкова о камень, не фыркнет ли лошадь. Но во-

круг было тихо, только лес шумел, да какая-то одинокая птица тоскливым свистом изредка давала о себе знать.

А ночь сгущалась, словно черная краска заливала все кругом. Я перестал различать отдельные деревья, кусты и тропу. Страх мой возрастал с каждой минутой.

Бычок все так же лежал возле толстого кедра, у которого свалился. Я торопливо привязал поводок к дереву, а сам стал карабкаться на кедр. Я очень торопился, мне казалось, что вокруг дерева столпились все нечистые силы, схватят меня за ноги и стащат вниз.

На середине кедра я наткнулся на удобный толстый сук и уселся на него. Почувствовав себя более уверенно, я прислушался. Вершины деревьев тихо шумели, как будто перешептывались: «ши-ши, шу-шу». Тумана здесь почти не было и сквозь ветки я увидел на небе яркие звезды. Небо казалось очень светлым в сравнении с мрачной темнотой леса. Оно немного успокаивало меня и в то же время, глядя на далекие светила, я еще больше чувствовал свое одиночество.

То ли от холода, или от чего другого в моей голове стало шумно: то слышался треск горящей травы, то отдаленный звук шамапского бубна или звон медных ламских тарелок.

Страх, загнавший меня на дерево, все не проходил, и я начал молиться: «Помилуй, бурхан! Обрати свой лик в мою сторону, мой богатый Амырак, охраняй меня здесь на ночлеге». Но и молитвы не помогали: я был весь во власти безотчетного страха.

Наверху гулял ветер и плавно покачивал мой кедр. Сколько же светлых точек на небе? Вот одна звездочка бросилась вниз, за ней потянулся длинный хвост. Звездочка быстро погасла, а светящийся хвост еще долго извивался и медленно таял. Понемногу я успокоился и начал дремать. Чтобы не упасть, я обнял кедр и сцепил пальцы. Не знаю, когда мои мысли перешли в сон, только очнувшись я от сильного удара в лицо. Я чуть не свалился. Оказывается, засыпая, я ударился головой о ствол дерева.

Ночь казалась бесконечной. К утру мороз усилился. Тело мое стало непослушным, все оно болело. Не было, кажется, на моей коже полоски, которая бы не дрожала. Суставы онемели, зубы выбивали такую дробь, что ушам становилось больно. Я хотел спустить пониже свои коротенькие штанишки, но из этого ничего не получилось: они едва-едва прикрывали бедра. Латанная рубашка еле доходила до пояса: я пытался сжать-ся в комок и натянуть ее на колени, но она начинала трещать и расползаться.

Штаны и рубаха — хозяйские, а пояс я сам сплел из выбранного на свалке тряпья. Теперь он сослужил мне неплохую службу: я привязался им к дереву. А чтобы руки не скользили — вымазал их кедровой смолой.

И опять я уснул. А когда очнулся, начинало уже светать.

Пронзительный крик заставил меня обернуться. На соседнем кедре, вытянув шею, сидела кедровка. Так это она своим криком разбудила меня! Еле отвязал себя от дерева, так заоченели пальцы. Ноги тоже перестали слушаться — вижу их, а не чувствую, будто деревянные. Я принялся колотить их кулаками, тереть и царапать. В груди что-то сильно мешало: хочу вздохнуть поглубже — не дает, больно.

С трудом спустился с кедра, неуклюже свалился на землю. Может, от боли или от движения мне стало немного теплее. Я огляделся. Бычок — целехонький! — лежал все на том же месте и преспокойно жевал жвачку. Его сивая шерсть за ночь выправилась и теперь искрилась серебряными каплями росы.

С трудом передвигая ноги, я вскарабкался на крутой косогор, освещенный яркими лучами утреннего солнца. Пока взбирался на гору, немного разогрелся. Меня охватило беспечное веселье: забыты были и медведи, и ночной холод, и страх перед темнотой тайги...

Я сел на валежину, поросшую мхом, и подставил солнцу продрогшее за ночь тело. Поворачиваясь то спиной, то грудью, почувствовал, как постепенно возвращалась сила в ноги и руки. «Прилягу, подожду, пока солнце обогреет ущелье, тогда и поеду тихонько».

— Ой, что это?!

Я был весь в поту. Солнце стояло уже на полдне. Исчезла длинная тень от горы, застилавшая ущелье, кругом было полно нестерпимого яркого света. Я вскочил и бросился к бычку.

— Давай, поднимайся скорее, торопиться надо, видишь, как мы с тобой проспали!— говорил я, отвязывая поводок от кедра.

Не сразу он поднялся. Начал потягиваться, пыхтеть, мотать головой, потом вдруг шмыгнул носом и резко встряхнул ушами. Но что с ним случилось? Он стал неузнаваем: на спине, где я вчера сидел, поднялся большой горб.

— Стрела сырости!— воскликнул я, вспомнив, как называли такие опухоли взрослые. Хороший хозяин никогда не снимет на привале с вспотевшего животного войлока. У бычка же опухоль получилась потому, что я вообще без всякого войлока сидел на нем.

Я положил ладонь на спину бычка и слегка надавил. От боли он пригнулся почти до земли. Опухоль была так велика, что на спине не оставалось места, где бы я мог сидеть. Попытался вести его в поводу, но из этого ничего не вышло: он упирался всеми четырьмя ногами и отчаянно мотал головой.

«Что же теперь будет?— думал я,— пока вожусь с ним, дядя непременно догонит меня».

Я еще сделал попытку стащить бычка с места. Он не слушался. Обозлившись, я схватил палку и погнал его впереди себя. Он пошел, как на ходулях, шатаясь из стороны в сторону, останавливался и, оглядываясь, смотрел на меня печальным укоряющим взглядом.

Мне надоело его колотить, я бросил палку и сел на камень. Бычок тотчас же принялся щипать траву. Глядя на него я вспомнил, что сам уже сутки ничего не ел. Рядом я увидел стебелек сараны, с помощью сучка выкопал луковицу. Немного утолив голод, решил полакомиться орехами, но, добыв шишку с молодого кедра, убедился, что они еще не созрели.

Солнце уже садилось. Заметив это, я погнал бычка по тропе, яростно колотя его черемисовой палкой. Но как ни спешил, понял, что до перевала нам сегодня не добраться. Опять придется провести ночь в тайге, опять ночевать на кедре...

Я стал посматривать по сторонам, ища подходящее место для ночлега.

Вдруг мне показалось, что вдали мелькнул огонек. Сердце упало: волчий глаз! Снова мелькнуло... Что же это такое? Волк или сова? Может, это злые духи?

Не знаю, какая сила подхватила меня и занесла на самую верхушку дерева. Далеко в лесу я увидел отраженный свет костра. Он походил на взмах крыла красной птицы, колыхался, пропадал и вновь появлялся.

— Костер! Это настоящий огонь! Там люди!

Не помню, как я скатился с дерева, как привязывал бычка. Спотыкаясь и падая, я стремился поскорее добежать до костра, увидеть людей.

Вскоре я почувал запах дыма, но огня еще не было видно. Меня окружил высокий густой лес. Впереди слышался шум воды. Я решил, что костер находится где-то на берегу речки.

Наконец, я увидел его. Он был совсем небольшой, горел слабо, то потухая, то вновь вспыхивая.

Черная фигура человека загородила огонь. Послышался разговор. «Ага, значит там двое людей»,— подумал я.

Разговаривали негромко, один гудел баском, голос другого слышался слабо. Кто-то из них подбросил в костер веток, и пламя взвилось вверх, осветив все вокруг. И я увидел: один сидел ко мне спиной, другой напротив его по ту сторону костра. Они пили чай.

Я придвинулся ближе. Человек, сидевший ко мне лицом, заметил меня и крикнул:

— Ойт!

Не спуская с меня глаз, он поставил пшалу и осторожно потянул к себе ружье, а тот, что сидел ко мне спиной, резко оглянулся и закинул правую руку назад, где обычно у охотника находится нож.

— Эй, что ты за существо?— громко спросил он. Я вздрогнул и пролепетал:

— Это же я, дяденька! Я!— голос мой был так робок и так тонок, что я сам не узнал его.

Охотники оба встали.

— Голый ребенок! Ты кто такой, откуда? Подойди ближе,— сказал тот, что держал ружье в руках. На их лицах отражался суеверный страх, видимо, они не верили, что я живой ребенок, а не привидение.

— Ты чей? Почему ночью по тайге ходишь?— спросил другой, все еще держа руку за спиной.— Садись сюда!— указал он место у костра и сам сел рядом. Второй сел напротив. Стали расспрашивать меня, а один осторожно дотронулся до моей руки и спросил:

Откуда ты?

— Вон с той стороны,— махнул я рукой.

— Мастер сказки рассказывать, парнишка! Пришел с той стороны...

А где она, та сторона?

Я старался объяснить.

— Орше, хайыракан? В своем ли уме этот ребенок?

— Он, наверно, заблудился и лишился рассудка.

— А где же твой дом и чей ты?

— Аал?— переспросил я.— Да там он, внизу, на Кандыковой поляне. Отца зовут Шумураш...

— Ты не ври, парень. Никакого Шумураша на Кандыковой поляне нет.

— Он явно не в себе. Помешался, бедняга.

Охотники качали головами, переглядывались. А я со слезами доказывал им:

— Правда! Мой отец Шумураш, но он в Овюре, я туда и еду к нему...

— Еще одна новость: то на Кандыковой поляне, то в Овюре. Совсем парнишка свихнулся,— сказал сидевший напротив.

— Постой, постой,— остановил его товарищ.— Это, наверно, сирота того Шумураша, что овдовел и после женился на многолетней вдове... Ты посмотри, как он похож на своего отца!

— А ведь и правда: похож!— обрадовался тот.

Теперь и я узнал этих людей, один был Чарык-Чак, а другого звали Тойлу. Раньше я видел их изредка во время кочевков, когда мы перегоняли свой скот на чайлаг мимо их аалов.

Тойлу спросил:

— Как же ты, сынок, поехал один?

— Чего спрашивать, дело ясное. Так просто в такую дорогу не пускаются,— ответил за меня Чарык-Чак.

Мне захотелось рассказать этим добрым людям о своей сиротской доле, но к горлу подкатился комок и глаза застлало слезами. Я сделал вид, что мне мешает дым, и стал тереть глаза обоими кулаками.

— Нет, я не сам убежал, а дядя велел уехать. Он так и сказал: «Садись на бычка и уезжай».

— С ума, что ли, сошел его дядя, такого малыша отправлять через Тандинский перевал, да еще на бычке!— возмутился Тойлу и выругался самым страшным ругательством:— Пусть вытечет у него материнская кровь!— Трясущимися руками он достал из-за голенища трубку и стал набивать табакком.

Чарык-Чак подтащил к костру седло и подал мне осеннюю шубу с короткой шерстью:

— Оденься, сынок. Садись вот сюда на седло, земля-то сырая. Сейчас чайку согреем, попьешь — легче станет.

— Небось, он не ел ничего,— сердито проворчал Тойлу.

— А еду на дорогу дали тебе?— спросил Чарык-Чак, устлавливая на очаге чайник.

Я покачал головой.

— А одежда твоя где?

Я смущенно потерял свою рубашку и кожаные трусики и сказал:

— Вот.

— Ясно,— нахмурился Чарык-Чак.— О чем говорить? Что ему оставалось делать у таких родственников? Такая одежда только летучую мышь греет, да и то летом. Я вот сижу у костра в овчинном полушубке и мне не жарко.

На разных таганках стояли две чаши, в одной кипятился чай, а из другой ароматно пахло супом из свежего мяса. Охотники продолжали между собой разговор. Я сидел и думал: не во сне ли все это вижу? Вот я греюсь у огня, слушаю приютивших меня добрых людей. А вдруг все исчезнет, и опять я окажусь один в таежной темноте? От этих мыслей я вздрогнул, обеспокоенные старики в один голос спросили:

— Что с тобой, сынок? Ты, видать, замерз. Садись поближе к огню, грейся. Сейчас ужинать будем.

От кого-то я слышал, что у каждого человека есть своя судьба и свое счастье. Теперь я знал: мое счастье — эти люди.

— А ты, сынок, хорошо знаешь, что эта дорога ведет через перевал?— спросил Тойлу.— Ты же мог заблудиться.

— Когда меня везли к дяде, я старался запомнить эту тропу.

— Слышишь, что он говорит! Сам был по эту сторону хребта, а сердце рвалось в родной Овюр,— удивленно воскликнул Тойлу.

Помешивая кипящий суп, Чарык-Чак говорил:

— Счастье его, что нас с тобой на охоту понесло. Просидели бы дома, и ему не видать бы больше ни отца, ни света белого — замерз бы паренек! Недаром вчера при гадании на обожженной овечьей лопатке такие были хорошие предзнаменования. Для охотника нет лучшей добычи, чем человеческая жизнь.

Он снял чашу с огня и принялся вытаскивать мясо и раскладывать перед нами на свежие кедровые ветки. От тепла и еды меня клонило ко сну. Заметив это, Чарык-Чак сказал:

— Ложись-ка, сынок, отдыхай. Утром не спеши вставать, солнышко обогреет, тогда и встанешь. Мы рано уйдем на охоту. Сам сварить чай в маленькой чаше, а в большой поставь вариться мясо.

— Хорошо,— ответил я сквозь сон. Вспомнив о своем четвероногом друге, я спросил:— А как же бычок?

— Ты о нем не беспокойся. Его никто не тронет. Наш костер хорошая защита от зверей.

Он что-то еще говорил, но я уже утонул в глубоком счастливом сне.

Открыв глаза, я увидел чудесный мир. Надо мной огромный кедр широко распростер свои ветви, покрытые длинными иглами зеленой хвои; на груди высокой горы играли яркие лучи солнца, рядом — очаг, ставший почти родным. Под светло-серым пеплом тлели красные угли. Я вскочил, протер глаза и помчался навестить своего товарища — бычка. Встретил он меня ласковым взглядом, даже махнул хвостом и что-то промычал. Горба у него уже не было, отвислый живот подобрался, и теперь он выглядел стройным, красивым.

Пустив бычка пастись около стана, я привел лошадей и стал выполнять другие поручения, данные мне Чарык-Чак: сварил чай, поставил на огонь чашу с мясом. После этого побежал умываться.

Ой-ой! Какой страшный!— вскрикнул я, увидев свое отражение в воде. Я набрал песку и ожесточенно начал тереть лицо и руки. Наверно, стер бы и кожу, если б в это время не подошел Тойлу.

— Вот молодец! Чай и суп сварил, лошадок привел, а теперь и себя обиходишь.— Он сел на валежину и закурил.

Обрадованный его похвалой, я спросил:

— Дяденька, а вы добыли зверя?

— Не пришлось. Слишком рано пошел, плохо видел на рассвете и неосторожно спугнул хорошего зверя. Большой был марал,— услышал по топоту.

Покурив, старик поддел щепочкой горячих угольков из костра и положил на камень. Из сумки достал несколько сухих веточек артыша, растер их на ладони и посыпал на угли. В воздух взвился голубой дымок, разнося приятный пряный запах. Затем зачерпнул половником вскипевшего чаю и, что-то приговаривая, разбрызгал во все стороны. И уже после этого налил себе чай в пиалу.

— А ты, сынок, не смотри на меня, ешь мясо. Я устал и меня мучает жажда, сперва напьюсь, есть буду после.

В это время из леса показался Чарык-Чак. Увидев его, Тойлу вскочил и крикнул:

— Курдюк! Мне курдюк! Кажется, ты с добычей?*

— Нет, грудинка.** Танды подарил молодого марала,—ответил тот.

— Сколько отростков рога?

— По четвертому прорезаются.

— Не повредил?

— Нет, целые. Сразу упал и головой не шевельнул.

— Орше, хайыракан? Это наш Ангыролушка такой счастливый. Освежаем добычу и поедем провожать нашего гостя на перевал,— улыбнулся Тойлу, посмотрев на меня добрыми глазами.

Вот мы уже и на вершине перевала.

— Ну, Ангыр, теперь ты не пропадешь,— весело сказал Чарык-Чак.— Ты миновал самую большую трудность в жизни: не растерялся, победил страх и холод. У тебя есть счастье, мальчик. Мы спустимся в долину, отдадим людям мясо, а у них возьмем соль и опять будем промышлять. А ты, сынок, поезжай своей дорогой.

Какими близкими и дорогими были для меня эти два старых человека! Только от родной матери видел я столько теплоты и участия.

* Приветствие охотника с удачей.

** Традиционный ответ.

Прощаясь, я хотел все это сказать им, но что-то сдавило горло и из глаз полились слезы...

Чарык-Чак похлопал меня по плечу и ласково напутствовал:

— Теперь ты, Ангыр, облегчил сердце слезами. Только слабость эту каждому не показывай. А сейчас садись на своего бычка и пой веселые песни!

Он легко подхватил меня и посадил на бычка. От прикосновения его рук мне стало тепло и радостно. Это тепло навсегда осталось со мной.

Я тронул поводок и трусцой погнал бычка с горы, поминутно оглядываясь. А там, на перевале, уже сидя на лошадях, смотрели мне вслед два моих добрых друга.

Когда в синей дымке замаячили силуэты овюрских гор, я вспомнил совет Чарык-Чака и что есть мочи запел:

— Здравствуй, мой родной Амырак!

Олег САГАН-ООЛ

КРЕПЧЕ СКАЛЫ

(Рассказ)

Их было трое в этой комнате: тихий и застенчивый Михаил Хертек, веселый, бойкий на язык москвич-доброволец Вася Белов и Хамед Абдулов из Казани.

Вначале каждый держался особняком. Обменивались по вечерам малозначащими фразами. Первым ледок в отношениях разбил Вася Белов. Он расспрашивал ребят, тормозил их, звал то в кино, то на спортплощадку. Постепенно все лучше узнали друг друга, притерлись. Незаметно возникла дружба. И помогла ей окрепнуть история, случившаяся с Михаилом Хертеком.

Он труднее других шел на сближение. И это не удивительно. Приехал он из далекого горного аала, где жил с 84-летним дедом Чылбаком и бабушкой. Когда пришло время учиться, старики с большой неохотой и то под нажимом района и сумонного Совета отдали внука в школу. Закончив восемь классов, он вернулся из интерната в свой аал, чтобы помогать старикам.

После шумной школы, после всего, что он увидел в райцентре, родная юрта показалась неуютной.

Дед при встрече сказал:

— Хорошо, что вернулся, мальчик. Пойду помолюсь за твое благополучное возвращение к родному очагу.

Хертек удивился, но возражать не стал, чтобы не обидеть деда. А старик всегда молился «хозяину гор и тайги» утром и вечером, брызгая молоком и сжигая душистый можжевельник, от которого сладко начинала кружиться голова.

При этом старик говорил:

— Надо молиться со всей душой, чтобы «хозяин тайги» убедился в твоей искренности и был добр к тебе. У него уши земные, глаза небесные. Он все видит, все слышит.

Однажды старик Чылбак вместе с внуком собрался к горе Ак-Довурак за асбестом, чтобы обмазать растрескавшийся очаг. У подножья горы они спешили. Старик отломил желтую ветку караган-

ника, окунул в молоко, которое привез с собой, и, брызгая на четыре стороны, зашептал:

— Прости меня за мою дерзость, что посмел потревожить твои священные покои. Смени свой гнев на милость. Ты — щедрее всех щедрых, ты — самый справедливый из всех святых. Обрати свой взор к молитвам и награди меня каплей добра из несметного своего богатства.

С этими словами он отлил молоко на землю, потом попробовал сам и дал отпить внуку. Только потом старик положил в свой мешок килограммов десять «горной шерсти», колючей и белой, как сахар.

Сильно тосковал парень в глухом аале. Он забыл как выглядят книги, отвык от голоса радио, не помнил, когда был в кино. Несколько раз он намекнул, что хорошо бы спуститься вниз, к людям, но старик и слышать не хотел об этом. День ото дня дед становился все мрачнее, все раздражительнее, по ночам вертелся беспокойно с боку на бок и вздыхал.

Дед Чылбак с ужасом смотрел, как приходили незнакомые люди, бесцеремонно ковырялись в священных местах, потом пришли какие-то страшные машины с огромными ножами и зубастыми пастями и начали терзать тело горы. Старик усердно молился, чтобы миновала его страшная кара всемогущих духов за грехи неверных. Он ждал, вот вот разразится гнев духов и, не выдержав от страха, перекочевал в верховья реки Ак, к доброму «хозяину» других гор.

Там Хертеку стало еще тоскливее. Парня тянуло к людям, к новой жизни, полной задора и веселья. А что здесь? Одна глухая и хмурая тайга. Ему хотелось быть среди своих ровесников, окунуться в водоворот молодости и дать волю силе, выпиравшей из груди.

— Вы жили в тишине, привыкли к ней, вы любите ее, — говорил он деду. А я хочу жить там, где люди, где шум и веселье. Даже медведь долго не может жить один.

Чылбак смотрел куда-то в горы и долго молчал. Потом сказал:

— Неправильно ты думаешь. И здесь есть жизнь. Ее видят горы, тайга, река. Только ты, слепой, не видишь и глупыми словами гневизишь хозяина Танды...

Как-то Хертеку выпала редкая возможность съездить в райцентр, чтобы пополнить припасы. Провожая внука, старик многозначительно сказал:

— Посмотри, что там делается в Ак-Довураке. Да повнимательней. Нет ли беды какой.

И внук «посмотрел»: взял и договорился, что будет работать на стройке.

Чылбак, узнав об этом, стал хмур, как грозовые тучи. Два дня он молчал, как немой. Наконец сурово сказал:

— Значит, хочешь бросить нас, стариков?

— Почему бросить?! Мы поедем все вместе. Устроимся там и начнем жить по-новому.

Чылбак быстро взглянул на внука и коротко отрезал:

— Никогда этому не бывать!

Хертек уговаривал, угрожал, но все было бесполезно. Старик махнул рукой и вышел из юрты, заложив руки за спину, пошел в лес. должно быть, посоветоваться с «хозяином тайги».

А Хертек уехал, надеясь, что рано или поздно старик передумает. По душе пришлась ему шумная говорливая стройка, дружные ребята, приехавшие со всех концов страны. Первое время он стеснялся товарищей, был немногословен и робок, много думал о деду и бабушке.

Как-то вечером, идя с работы, Хертек купил булку хлеба и, как

всегда, добрый кусок свежего мяса, без которого любой туvineц не может обойтись.

Бросив мясо в кастрюльку с кипящей водой, Хертек, не раздеваясь, уселся на кровать и стал смотреть в окно на синие отроги гор. Хамед возился со снастями, готовясь идти на рыбалку. Вася Белов, внимательно оглядев обстановку, присвистнул:

— Ну и дела! Смотреть на вас тошно. Один усталился в горы, другой, как старая лошадь, уткнулся в землю.

Хертек молча поднялся и вышел на кухню.

— Слушай, Хамед,— торопливо зашептал Вася.— Неужели ты ничего не видишь, дубина толстокожая? Хертек-то извелся совсем. О стариках думает. У меня есть деловое предложение. Соображай! Завтра на рыбалку двинем всей компанией и дорогой завернем к старому упряму. Идет? Только пока молчок, зубы на крючок.

В субботу с утра Вася объявил, что вечером все обитатели комнаты № 13 отправляются рыбачить. Сразу же после работы на велосипедах ребята двинулись в путь. Сначала ехали по новому тракту, проложенному в горах. Их обгоняли грузовики, ползли, урча, тракторы и бульдозеры. Попадались знакомые парни со стройки. Ехали весело, выслушивали шуточные напутствия и сами остряли.

Вася, подставив грудь встречному ветру, болтал безумолку:

— Мы едем покорять духа земли с реки Ак. Сам Белов едет к Белой реке. Это будет крупный комсомольский улов. Братцы-кролики, догоняйте.

И он так быстро заработал ногами, что спицы превратились в один сверкающий круг, а рубаха наполнилась ветром. Ребята тоже поднажали. На большом перевале остановились. Кругом была угрюмая тайга, могучие отроги гор, внизу серебряной лентой сверкала река. Вася огляделся по сторонам и спросил:

— А далеко ли отсюда живет твой дед, Хертек?

Километров тридцать будет.

— Ого? А что нам, молодым, неженатым, стоит отмахать каких-то тридцать километров? Даешь деда! Вперед, братцы!

— А рыба, ребята? — слабо сопротивлялся Хертек.

— Человек важнее! Друзья мы тебе или нет?

Хертеку ничего другого не оставалось, как поехать вперед.

Дед Чылбак встретил незваных гостей настороженно, заметив внука, помягчел.

В дымной юрте сидела на вытертой шкуре старуха с седыми космами и готовила из сухожилий нитки для шитья. Глаза ее слезились, она улыбалась беззубым ртом, угощая гостей кислым молоком.

Во время ужина Вася стал громко расхваливать Хамеду, который вроде был новичком, кипучую жизнь в Ак-Довураке, рассказывал о том, как идет строительство фабрики, как выглядит теперь гора и молодой город строителей. Хертек все переводил старику. Тот сделал вид, что это его не касается и не интересует. Осторожно, стараясь не задеть старика, Вася настойчиво доказывал, что в горы пришла новая, красивая жизнь, которой даже горы завидуют.

Старик не поддавался и только один раз вздрогнул, услышав название священной горы. Потом он не выдержал и перевел разговор на другую тему:

— А когда ты, внук, думаешь жениться? Скоро ли приедешь с молодой женой, чтобы жить вместе с нами.

— Что вы, дедушка! — воскликнул Вася. — Хертек не может жениться, потому что у нас на комсомольской свадьбе обязательно должен

присутствовать старший, самый мудрый в роду. А вы не собираетесь в Ак-Довурак? Вот и будет пока Хертек холостым.

— Да, бабушка, именно так. Решили сначала вас увезти отсюда, а потом уж и свадьбу сыграть.

Чылбак сделал вид, что не понимает, о чем речь и как бы сам себе сказал:

— Надо бы печь наладить, да «горной шерсти» нет, придется съездить к горе, попросить у нее.

— Конечно! — обрадовался Вася. — Начальник у нас человек хороший, обязательно даст, сколько нужно.

Старик сурово сдвинул брови, но промолчал. «Что это за начальник там? — подумал он. — На то есть «хозяин горы». Только он может дать или не дать». Больше за вечер старик не проронил ни слова. Вечером он пошел к горам помолиться.

Почевали в юрте. Несмотря на жаркое лето, в юрте по ночам зуб на зуб не попадал. Пока в очаге огонь есть — тепло. Хертек дважды вставал и подбрасывал дров в огонь, чтобы друзья не замерзли. Они спали не раздеваясь, съезжившись друг около друга. Проснулись грязные, прокопченные дымом, взъерошенные. Когда пошли умываться на речку, Вася сказал:

— Нет, ребята! Нельзя людей в таком положении оставлять. Надо вырвать стариков из этой «райской» жизни. Это мы сами виноваты, а не они. Неужели человеку не захочется жить в тепле, спать в чистой постели, есть хлеб, колбасу, сахар?! Просто никто их не убеждал. Надо, чтобы они приехали в Ак-Довурак. Увидев, сами убедятся, где лучше. Что ты думаешь, Хертек?

— Дедушка упрямый, он будет стоять на своем.

— Ничего, он упрямый, а мы еще упрямее.

Вода была холодная, обжигала до лозмоты в костях. В утреннем лесу они сделали зарядку, поборолись, повозились и вернулись в юрту. Около юрты стоял Чылбак в овчинной шубе, брызгал молоком в четыре стороны и бормотал слова молитвы.

За чаем старик неожиданно принял приглашение ребят. Ему очень был нужен асбест — «горная шерсть».

Прошла неделя, другая, вестей от старика не было. Ребята уже потеряли надежду, только Вася Белов по-прежнему уверял, что «дед никуда от нас не денется».

Спустя несколько дней до ребят дошел слух, что какой-то старик-тувинец ездит по стройке и ищет Михаила Хертека. Ребята всех подняли на ноги, боясь, что старик, испугавшись шума, уедет обратно. Нашел его сам Хертек. Дед уже и вправду торопил своего старого коня в обратный путь. Он уныло плелся в гору на своей кляче, то и дело оглядываясь назад, словно боясь преследования. Было видно, что он напуган грохотом и лязгом машин, сновавших тут и там. Внук еле уговорил деда вернуться и пойти в общежитие. По дороге к ним присоединился Вася Белов, который от радости приплясывал на месте:

— Ну, что я говорил? Теперь довольны? Надо ему все показать, надо действовать на его психику медленно и верно. Капля камень точит.

Ребята измучили старика — водили по городу, показывали школу, больницу, Дом культуры, корпус обогатительной фабрики. С горы был хорошо виден город. На фоне снежных гор и зеленой долины Хемчика он по-особенному радовал глаз. Даже молчавший старик чуть заметно улыбнулся смутной улыбкой. Трудно было поверить, что всего лишь три-четыре года назад здесь была выжженная солнцем степь. Но ничто не произвело на Чылбака такого впечатления, как разработки асбеста. Казалось, что не в горную породу, а в само стариковское сердце вгры-

заяются ковши экскаваторов. На глазах у деда «хозяину гор» приходил конец. Хозяевами здесь были экскаваторщики, шоферы, взрывники — рабочий люд стройки.

В общежитии старик с затаенным страхом осматривал комнату, шупал стены, не решался прикоснуться к радиаторам парового отопления и был окончательно поражен, когда из ящика услышал голос человека, говорившего по-тувински. Он беспокойно оглядывался и вздрагивал.

Непривычно было старику сидеть на стуле, пользоваться сверкающими вилками, ложками, но держался он с достоинством, незаметно приглядываясь к тому, как ведут себя ребята за столом. После обеда ему предложили отдохнуть и остаться ночевать.

Чылбак наотрез отказался:

— Не могу. Спасибо вам за уважение, но у меня старуха одна осталась. А там тайга. Зверь ходит. Я должен ехать.

В это время с мешком в руках в комнату вошел Вася Белов. Он незаметно успел сходить за асбестом.

— Вот вам от нас, — сказал Вася, подавая мешок старику. — Начальник разрешил. Он у нас человек понимающий.

— Нет, нет! Я не возьму. Дар тайги, дар горы из рук не берут. Я сам выпрошу, — заупрямился старик. Тут Вася не выдержал дипломатию:

— Ну, хоть ты, Хертек, деду что-нибудь скажи. Нельзя же так! Что же это такое получается в конце концов?!

— А что я ему еще могу сказать?! Это проклятое прошлое виновато. Время нужно, терпение, убеждение.

Пока ребята спорили, старик вышел из комнаты, сел на коня и уехал. Было очень обидно.

— Ну и старик! С характером, — заметил Хамед.

Однако Василий уже успокоился и задумчиво произнес:

— Это не старик виноват, это жизнь его таким сделала. Щепко держит его прошлое, но мы должны его вырвать из объятий тайги. Иначе всем нам грош цена. Я же говорю, ребята, на психику нужно действовать медленно и верно, — опять повеселел Вася.

Когда страсти давно утихли и ребята занимались каждый своим делом, в комнату прибежал комендант и сказал, что Белова просит к телефону сторож со склада. Ни слова не говоря, Вася быстро оделся и ушел. Остальные остались под одеялами досматривать утренние сны.

Вечером он рассказал о том, что случилось. К старику-тувинцу, сторожу склада, утром со всем скарбом перекочевал дед Чылбак. Подъехал и спрашивает, где тут можно юрту поставить, чтобы дарга-начальник не ругался.

— Так у тебя же внук есть, бетонщик Хертек, — сказал ему сторож.

— Это верно, есть. Но ты ему про меня ничего не говори, а то подумает, что я, старый, его, мальчишку, послушал и прикочевал сюда. Вот там у него есть синеглазый парень Вася. Ему скажи.

Весь день Белов ходил то к директору, то в партком, то к коменданту и наконец добился для старика должности сторожа обогатительной фабрики. Юрту, конечно, ставить не дали, а поселили стариков в большом доме.

Парни часто бывают в гостях у деда. Он по-прежнему молчалив, но жизнью доволен.

Вот какая история случилась в Ак-Довураке. Здесь, по этому городу, бродит дух дружбы, он соединяет людей в великую силу. С этим духом, духом дружбы, а не с горными духами идут молодые строители-первопроходцы по широкому пути новой жизни.

Правду говорят люди, что дружба людей крепче скалы.

ПИСЬМА С ДОРОГИ

(Рассказ)

I.

Эх, какая красота! Людей, улетающих в космос, может, провожают и лучше. Но зато больше никому не устраивают таких замечательных проводов, как тем, кто уезжает в Армию. Теплый солнечный день. Море цветов. Народу видимо-невидимо. Люди на лошадях, на машинах, пешком. В ушах звенит говор, раздается смех, веселые шутки и задушевные слова. Музыка... И здесь же рядом с тобой твои родители, братья, сестры, друзья-приятели. Кого только нет! А возле парней, отъезжающих в Армию, стоят их милые, желанные подружки, хозяйки их сердец — невесты...

В сердце неизъяснимая радость. Праздничное настроение обволакивает тебя с ног до головы, и будто убаюкивая, раскачивает в своих теплых объятиях. Кажется, сама земля, благословляя, провожает и напутствует тебя: «В добрый час, счастливого пути!»

Удивительно! Ты, наверное, тоже не забыла этих минут, Караш? Помнишь, вереница машин тронулась враз. Загремел духовой оркестр. Сколько рук нам взмахнуло в дружном порыве! Платочки в руках провожающих смешались, слились, превратившись в одно яркое разноцветное волнуемое море. Со всех сторон к нам летели цветы, их нежный запах... Какими словами выразить все это!

Бай-Тайга и та, сняв свою белоснежную шапку, отороченную алмазами, поклонилась нам вслед. Машины прибавляли ход. Каждый метр отделял нас от родного села. Песни лились нескончаемым потоком, напоминая реку, прорвавшуюся через преграду. А как хорошо поют парни! Правда, мы больше пели частушки. Здесь впервые я услышал так много задорных частушек. Если б собрать их все и выпустить сборник, то получилась бы, наверное, интересная книга. Особенно хорошо пел крутолобый, быстроглазый паренек крепкого сложения. Пел он самозабвенно. А мы просили его еще и еще. Песня сменялась песней. Будто в горле его была спрятана волшебная свирель. Никто из нас не знал тех песен, которые пел этот паренек. Верно или нет, но он сказал, что песни сочиняет сам:

Звезды блещут в темном небе —
черных глаз твоих сиянье.
От меня ты убегаешь,
отдаляя час свиданья.

Вскоре наступили сумерки. Как-то внезапно все погрузилось во мрак. На небосводе, где не было ни одного облачка, одна за другой вспыхивали звезды, на востоке повисла золотая дужка месяца. Несмотря на лето, в открытом кузове ночная прохлада давала о себе знать. Она буравчиком пронизывала тело. Конечно, парни на это не обращали внимания. Песни летели в ночное небо. Я весь ушел в себя. И только краешком уха слушал их. На меня, как обильный дождь, нахлынули какие-то грустные и тревожные мысли.

...Перед глазами, играя и бурля, скачет резвым жеребчиком Хемчик, его берега, заросшие тополями, тальником, колючей, как ежик, облепихой. Места, где я родился и рос... Незнакомая грусть охватывает все мое существо. «Разве так можно? — мысленно осуждал я себя. —

Не успел отъехать от села и уже начал тосковать». И вдруг твой образ возник передо мной...

Ты на меня не сердись, Караш. Я увлекся проводами и как-то на время забыл о тебе. Но вот мое сердце заметило твое отсутствие, и снова ты явилась ко мне, и я уже никогда не отпускал тебя от себя. Я прижимал тебя к своей груди, шептал тебе нежные слова, обнимал и целовал тебя, разговаривал и советовался с тобой. Порой интересный разговор товарищей на мгновение отвлекал меня, но я мысленно призывал тебя и бесконечно радовался, когда твой милый образ, живой и осязаемый, являлся ко мне.

Люди говорят — дороже матери нет никого на земле. Это, конечно, верно. Но сильнее любви, по-моему, нет и не может быть ничего на свете. Не знаю, как ты на это смотришь, а со мной, Караш, происходит что-то странное. Ведь в песне недаром поется: «Ты со мной, всегда со мной и во сне, и наяву». Ты, моя ласточка, ни на одно мгновение не выходишь из моего ума.

О, сколько, сколько раз только за один день я вызывал твой образ! Вот я целую твои глаза-смородинки, прикаю к алым, как весенняя заря, чуть скуластым щекам, трогаю пальцем пушистые брови, что бегут черными стрелами, глажу твои пышные волосы, струящиеся ручьями. О, как ты мне дорога, Караш! Как я тебя люблю!..

Машины мчались вперед. Молочно-розовая мгла, предвестница близкого утра, тоненькими иголками колола все тело. В Кызыл мы прибыли ранним утром. Даже ночью можно заметить, как из месяца в месяц, из года в год расцветает столица Тувы! А как хорошо проехаться по асфальтированному шоссе! Машина только гудит. Теперь можно ехать спокойно, не волноваться, потому что нет ни рытвин, ни ухабов, на которых тебя подбрасывает, как мяч на футбольном поле, из стороны в сторону.

В Кызыле ночевали две ночи. В каждый приезд сюда меня охватывает восторг. Здесь нет увяданья. Кызыл постоянно обновляется, молодеет и хорошеет. Как назвать этот юный город? По-моему, имя ему — город-сад. Действительно, разницы между парком и городом у слияния двух Енисеев почти не видно. Кызыл я почему-то сравниваю с тобой, Караш. Подстриженные пышные кусты были похожи на твою головку, а ярко-зеленая листва напоминала твою нарядное платье, которое ты надевала на мои провода. Ярко-белые дома напоминают лицо твое, и они, эти дома, удивительно гармонируют с бездонной синевой неба. Почти в каждом квартале идет стройка. И краны, словно черные журавли, медленно покачиваясь, проплывают над городом, возвещая о созидании. А во время работы они похожи на людей-великанов, которые ритмично наклоняются, выпрямляются и поворачиваются во все стороны. В памяти возникает наш Ак-Довурак. А вместе с Ак-Довураком в воображении вспыхивает и твой образ, Караш...

Сегодня офицер строем повел нас на медосмотр. Проходили мы мимо четырехэтажного строящегося дома. Девушки сверху махали руками и кричали: «Счастливого пути, солдаты!» Одна из них была похожа на тебя, Караш. В таком же комбинезоне, измазанном глиной и известью. И фигура ее была похожа на твою. В этот час, наверное, ты, Караш, была одета так же, как эта незнакомая девушка, и выполняла такую же работу, как она. Как хорошо, что мир на земле. Мир в человеке пробуждает желание созидать. У тружеников все спорится в руках.

Возьмем хоть наш Ак-Довурак. Давно ли мы начали его строить? А сейчас он превратился в новый городок. Скоро фабрика вступит в строй. Жаль, что мне не придется побывать на ее открытии! А ведь в ней заложена доля и моего труда. Я крепил, монтировал, паял. Ты шту-

катурила. Штукатуры и бетонщики, скажу я тебе, играют на стройке далеко не последнюю роль, благодаря их труду вырастают новые дома. Но ничего, что меня не будет там. Зато там будешь ты. И при пуске фабрики я буду рядом с тобой. Потом ты напишешь мне: «На пуске фабрики мы были с тобою вдвоем, ты держал мою руку в своей...» и так далее. Ты умница и сама найдешь слова, не будем гадать.

Прости меня и не упрекай, дружок, за многословие. Я не виноват, если слова так и льются из самых сокровенных тайников души. Вот, оказывается, что такое любовь! По-настоящему я только сейчас это узнал. Очень и очень тяжело уезжать от тебя в далекие края. Среди наших ребят, кажется, нет ни одного невлюбленного. Все наперебой говорят о своих невестах, каждый хвалит свою, находя для нее самые лучшие сравнения. О невестах парни спрашивают друг у друга. А сейчас они все склонились над письмами. Некоторые из них уже успели написать по три письма. Да это и понятно. Одно — родителям, другое — приятелю, а третье, безусловно, любимой своей...

Медосмотр пройден. Я здоров. Поздравь меня: с сегодняшнего дня я солдат Советской Армии. Итак, завтра в путь-дорогу...

II.

Здравствуй, Караш! Привет тебе из Абакана! Хорошо, что письма в наше время летят без всякой задержки. Уже, наверное, письмо мое к тебе доставил самолет. Сегодня я пишу опять.

Из Кызыла выехали на рассвете. Проехали мост. Поднялись на первую горку. Улуг-Хем в утренних лучах восходящего солнца сверкает, как зеркало, потом в последний раз блеснул нам своей синевой и скрылся. Оказывается, Пий-Хем — благословенный край. Холмы, лесные поляны, усыпанные альпийскими цветами, высокие горы, вершины которых вонзаются в голубизну небес. Куда бы ни глянул, везде кипит работа — отраднo. Перед Тураном и за ним я видел много тракторов, которые поднимали пары. Почва здесь очень хорошая. У нас она каменистая, усеянная сплошь галькой, а тут земля мягкая, пышная и черная. И, конечно, урожаи в этих местах не могут быть плохими. А нынче, судя по обильным зеленым, урожай будет, как никогда, богатый.

А машины, жалобно взывая на крутых подъемах, везут и везут нас вперед. Небольшие полянки чередовались почти отвесными горами в шапке темно-зеленых лесов. Когда мы поднялись на один из перевалов, один парень сказал, что здесь проходит граница Тувинской республики. Мы, как по команде, сняли головные уборы и взмахнули ими: «До свиданья, Тува!» Сама собой возникла песня. «Тува моя, родная сторона...» подхватили горы, скалы, вся горная тайга и вторили нам громким эхом.

Достигли Саян. Цветы дивных расцветок и оттенков, россыпь ягод, много кедровых орехов. И каких только нет здесь деревьев! Многие породы мне совсем не известны. Если б ты видела, какие высокие горы тут! А макушки их упираются прямо в небо. Удивителен человек, который через горы — небесные подпорки — провел дорогу.

Мы нередко слышим: «Медведь — хозяин тайги». Я думаю, это высказывание устарело. Сама суди. Почему медведь стал хозяином тайги? Разве он, как человек, может изменить окружающую природу? Нет. С виду он могуч, а на самом деле нападает на более слабое зверье, лишая их покоя. Если спросить охотников, я имею в виду настоящих охотников, что из себя представляет медведь, то они ответят: «Зверь, как зверь, причем трусливый зверь». Словом, медведь не может быть хозяином тайги.

Вот человек — это другое дело!

Сколько рек и речушек, сколько горных хребтов в Саянской тайге! Дремучие леса, отвесные скалы. А все же человек сумел пробиться через горные хребты, дремучую тайгу, оседлать мостами бурные реки и построить Усинский тракт. Машины бесперерывно идут и идут. Кто ими управляет? Разумеется, люди. Вот кто настоящие хозяева тайги!

Возьми, например, дорогу, строящуюся между Ак-Довураком и Абазой. Через непролазные дебри Саян, топи и болота, через хребты и вековую тайгу прокладывается широкая дорога. Вот сейчас там строительство в самом разгаре. Зимой и летом небо содрогается от взрывов. Подрывники пробивают первозданные толщи скал. Взрывная волна с огромной силой поднимает сотни тонн породы, клубы пыли долго носятся вокруг, пока земля их не притянет к себе. Ни на минуту не смолкает звон пил и стук топоров, гудят тракторы, расчищая место для машин. Шум от падения срезанных под корень огромных лиственниц, кедрочей, пихт и елей долго раздается по таежным чащобам... Что это такое? Это свершения хозяина тайги — советского человека.

В Абакан мы прибыли рано утром. На небе и на земле еще сверкало множество звезд, а в душе моей горели неугасимым огнем звезды твоих глаз.

Когда я был дома, то и не подозревал, что люблю тебя так сильно. Может, потому, что были все время вместе. А теперь все мысли только о тебе. Чем дальше отъезжаю от тебя, тем больше разгорается пламя любви к тебе, Караш. Как же я счастлив, родная! Теплом наполняется все мое существо, когда я подумаю, что нашел на жизненном пути такого друга. Спасибо за это моей матери. Как прекрасно, что у человека есть мать. Она извечно думает о счастье своих детей. «Лишь бы дети были сыты, обуты, одеты, лишь бы радость сияла им» — так думают матери на всей земле.

Я сейчас расскажу тебе о самом счастливом дне моей жизни. Слушай.

На дворе стоял март. Снег только что начал таять. День стал длиннее. Помню, пришел я из бани. Отец собирался на работу — он сторож. Мать мне подала чаю.

— Выпей, сынок, после баньки чайку. Чай хорошо утоляет жажду.

Действительно, что может быть лучше душистого горячего тувинского чая! Я сел за стол. Мать позвала отца. Взглянула на него со значением и произнесла:

— Ачазы*, скажи сыну о нашем разговоре.

У отца было такое выражение, которое красноречиво говорило, что он не понимает, что от него хотят, потом вспомнил, махнул рукой и на ходу бросил:

— Совсем свихнулась, старая! Наше желание для молодых не указ.

— О чем это? — с нетерпением спросил я. У матери лицо было загадочное. Она сдвинула очки свои на нос и вдруг озорно мне подмигнула.

— Ты стал уже взрослым, сынок. Закончил десять классов. И работу нашел хорошую. Есть одна девушка. Сосватать хотим для тебя. Как ты на это смотришь?

Мне стало смешно, и я чуть не захлебнулся чаем.

— Что смеешься? Мы с отцом посоветовались. Девушка хорошая, Я стал возражать:

— Неужели вы будете мне сватать невесту? Прошли те времена! Если понадобится жена, я без вас ее сыщу.

По правде говоря, я на ее слова не обратил ни малейшего внима-

---

* Ачазы — обращение жены к мужу.

ния. Надо было и в армии отслужить, и продолжать учебу. Словом, о женитьбе я не думал.

А мама, как из пулемета, зачастила о тебе, твоих родителях и вообще родословную твою описала по всем правилам. Особо хвалила тебя: и умна, и воспитанна, и работяща, и негордячка, и красива... Кроме всего сообщила, что ты приходишься близкой родственницей моему другу Эрес-оолу, с которым вместе работаю. Я встал и отошел от нее. Мать обиделась: «Подумаешь, какой... Мать даже не желает выслушать».

Лег я спать. А сон не идет. Портрет девушки, описанный матерью, вслипывал в памяти. И если б я знал, где эта девушка живет, думал я, то немедленно, сейчас же, пошел бы к ней. Постепенно сон одолел меня, и я заснул. Проснулся поздно. В этот день я должен был работать в вечернюю смену. Как-как поел и отправился тебя искать. Зашел к Эрес-оолу. Теперь уж он сопровождал меня. Ты со своими подругами работала на лесах. Твоя голова была повязана пестрым платком, из-под него висела пышная коса, измазанная глиной. На наше приветствие ты обернулась, кивнула и продолжала свое: постукивая по стене молотком, прибавала драмку, и стук этот напоминал дятла. А мы возле вас довольно долго стояли. Я не произнес ни слова.

Друг мой разговаривал с тетушкой Байырмаа. В их разговор никто не вмешивался. Я от тебя глаз не отрывал. Мне хотелось взглянуть прямо в твоё лицо. Но ты работала и не обращала на меня никакого внимания. Только перед нашим уходом ты обратилась к моему другу.

— Что ты околачиваешься тут, Эрес-оол? И почему твой товарищ не шелухнется, стоит и молчит, как каменный истукан?

Эрес-оол за словом в карман не полезет.

— Не бросайся словами. Это не истукан, а человек. Пришел с тобой познакомиться, — быстро нашелся он. Твои подружки покатались со смеху, и ты засмеялась, взглянув на меня искоса.

Я не ожидал, что мой друг меня выдаст с головой. Страшно смутился и без оглядки пустился наутек. Но твой смех и поворот головы в мою сторону запомнились мне навсегда. Мне вдруг стало необыкновенно радостно, будто солнце взошло в моем сердце.

Разве мать может ошибиться в таких делах? Все, что она говорила о тебе, было правдой. И за все, за все ей большое спасибо! Пусть долго-долго здравствует моя родная! А что случилось потом, я думаю, писать не следует, ибо ты сама хорошо знаешь, Караш.

Да, чуть не забыл. Я познакомился с тем пареньком, который пел о черных глазах любимой (я тебе писал о нем в первом письме). Зовут его Саая. Он тракторист. Понемногу знакомимся друг с другом. Кого только нет среди нас. Комбайнеры, шоферы, табунщики, чабаны, плотники, наладчики, каменщики, связисты... Всех не сочтешь. Постепенно начинают выявляться таланты в смысле художественной самодельности. Есть гитаристы, баянисты и певцы. И в смысле национальности у нас полный интернационал: русские, украинцы, белорусы, тувинцы, хакасы, буряты, татары, чуваша... С каждым днем парни друг с другом сближаются, делаются откровеннее и душевнее. Я сейчас особенно явственно ощутил, из какого сплава строится многонациональная семья Советской Армии.

Теперь о городе. Абакан не так себе, а настоящий город. Мы очень интересовались железной дорогой. Паровозы на путях то и дело шипя паром, кричали, как сердитые быки, и двигались взад-вперед. Пришел поезд. За ним хвостом тянулись вагоны. Мы сосчитали — их было шестнадцать. Сколько же тонн груза приволок он? Интересно, сколько понадобилось бы лошадей и быков, чтобы перевезти такое количество гру-

за? Удивительное дело — прогресс! Мы, конечно, между собой говорили, что хорошо было бы, если б и в нашей Туве были железные дороги. А плотно можно проложить по берегу Енисея или вниз по Хемчику. Через Саяны железную дорогу проводить неимоверно трудно. Но если и в дальнейшем будет мирная жизнь, то прокладка железной дороги начнется, вероятно, очень скоро. Человеку все подвластно. Не так ли, Караш?

Не могу оторваться от письма. Но на этот раз хватит. Только добавлю: очень и очень тяжело уезжать влюбленному в далекие края. Но настанет день — и солдаты из армии вернутся домой.

III.

За это время ничего интересного не произошло. Вечером собрались возле дома и пели тувинские песни. Мой новый приятель Саая замечательный парень. Мы пели. Он нам аккомпанировал на баяне. Нами заинтересовались ребята и офицеры. Одного из нас капитан даже упрекнул. Это был Саша Салдам-оол. Он с нами не пел.

Капитан совсем еще молодой. Ему около тридцати. Он нам показался культурным и образованным человеком, и мы об этом говорили между собой. Он нас подбодрил и настроение, конечно, повысилось. Окрыленные похвалой, мы грянули «Тревожную молодость» уже на русском языке. Песню подхватили все солдаты и капитан присоединился к нам... Песня — это удивительное явление. Она, как волшебница, может развеять тоску, отвести от печальных дум, а радость сделать более радужной.

Эх, Караш, если б ты знала, что происходит в моей груди! Две звездочки твоих глаз, Караш, сопровождают меня повсюду. Твой образ ни на секунду не меркнет в моем сознании. Как кадр из кинофильма, в моей памяти запечатлелась ты, такая близкая и родная...

Ночью плохо спалось. Сон бежал от меня, и я не мог сомкнуть глаз. Сначала я искал, с чем сравнить твою красоту и ум. Но не мог я придумать тех слов, чтобы они выразили все мои чувства к тебе. Безумешны были мои старания. Не умею красиво говорить. Как бы ни подумал о тебе, но ловлю себя на том, что об этом уже давным-давно сказали поэты. И такие образные выражения, как «Щеки твои — лепестки пионов», «Свет полярной звезды — сияние глаз твоих», «Лицо твое нежное, как спелая клубника», — оживляли твой образ, Караш. Но, не найдя лучших сравнений, я сердился на себя. И мысли направлял по другому руслу. И где я только не побывал, и о чем я только не размышлял! Мысль быстра как свет. Она облетела вокруг земного шара и даже побывала во вселенной. О термоядерной войне подумал. Если б такая война началась, то сколько бедствий она принесла бы человечеству! Перед глазами возникли и полеты в космос. И знаешь, Караш, я как-то ярко представил себе выступление Никиты Сергеевича Хрущева на Ассамблее ООН, когда он от имени Советского Союза внес предложение о разоружении, о роспуске армий, чтобы человечество во веки веков не испытывало ужасов войны. Какие только мысли не побывали в голове... А сколько было желаний и какие мечты обуяли меня. И не было им ни конца, ни края...

Правда, меня сейчас нельзя уже назвать маленьким, мне за девятнадцать. Если б я был несмышлянышем, то меня не взяли бы в солдаты. Да, о чем я хотел тебе еще сказать? Вот о чем. Я очень люблю читать. Ты знаешь об этом, Караш. Как хорошо все-таки, когда человек может просмотреть множество кинофильмов, прочитать горы книг, га-

зет, журналов. Все это очень расширяет кругозор. Об этом я тоже думал. Я не хвастаюсь, Караш, но скажу, что неплохо стал разбираться в вопросах войны и мира.

Наконец, я заснул. Приснился мне изумительный сон. Будто нас, солдат, внезапно выстроили в ряды. Кругом полыхают красные знамена, мелькают транспаранты, даже в глазах рябит. Гремит оркестр. Вдруг предо мной возникает надпись. Читаю: «Человек человеку друг, товарищ и брат». Потом началась передача по радио: «Слушайте! Слушайте! Правительства всех стран земного шара подписали договор о всеобщем и полном разоружении. С сегодняшнего дня на вечные времена установлен мир во всем мире. Да здравствует вечный мир на земле!» Мы до хрипоты кричим «ура», и к нам присоединился весь народ. Люди мира торжествовали. Они радовались, как дети, этому величайшему событию. Все гремело, звенело в небывалом восторге.

Потом почему-то мы оказались на высокой горе. Не знаю, что это было. Может, Саяны, может Кавказ, а быть может, и пик Эльбруса. Будто это вершина мира. И здесь люди хотели поставить памятники из чистого золота тем, кто увековечил мир на нашей планете. Меня окружают ребята, с которыми служу, но будто ни у кого на плечах нет погонов. А рядом с нами наши невесты и все в белоснежных халатах. И ты, Караш, рядом со мной. «Зачем вы пришли сюда? Здесь вечные ледники и морозы. Уходите скорее отсюда, мы скоро вернемся!» — говорим мы, солдаты. А вы отвечаете: «Мы — врачи. Когда была опасность возникновения войны, вы защищали наш труд и покой, а сейчас пришла наша очередь».

Удивительный сон. Эх, если б это было на самом деле, как было бы здорово! Придет ли такое время? Да, придет. И разумные люди активно борются, чтобы приблизить это желанное время. Оно не за горами. Рано или поздно оно придет.

Если влюбленный не видит свою желанную, то о чем только он не передумает! Такие мысли, милая, обуревали меня в часы бессонницы и тогда, когда я забывался в беспокойном сне. И о них я сообщаю тебе. Ибо мы с тобой договорились писать друг другу обо всем, ничего не скрывая.

Мне хочется, Караш, еще об одном сказать тебе. Утром мы встретили своих земляков — тувинцев и русских парней, которые уже демобилизовались. Веселье бурлило в них через край. Иначе и не могло быть — ведь они домой ехали. Возвращаться домой всегда хорошо и приятно. Даже конь на обратном пути к дому начинает радостно ржать, даже птицы, прилетая в родные гнезда, распевают веселые песни. А человек, возвращаясь в дом родной, захлебывается от радости и счастья. А эти ребята едут домой, выполнив свой долг перед Родиной. А там они окупятся в трудовую жизнь и попадут в объятия любимых невест. Как же им не веселиться!

Я залюбовался ими. Они все были, как на подбор, подтянуты, хорошо одеты. Одежда, осанка, манера разговора — всем отличались от нас. У них все было по-военному. Во всем чувствовалась четкость. На парней все время хотелось смотреть. Знаешь, я завидовал им. «Эх, если б я был среди них, тоже ехал бы домой...» Но ничего. Пройдет время, и мы вернемся домой и будем навсегда неразлучны с тобой, моя черноглазая звездочка...

До свиданья!

Твой О. Силиг-оол.

УДАЛЬ МОЛОДЕЦКАЯ

(Главы из романа)

I.

Чорбаа подметал двор. Вдруг неистово залаяла собака и кинулась к калитке. Старик поднял голову и увидел председателя колхоза. Прикрикнув на собаку, Чорбаа сдвинул на затылок шапку, поставил метлу к забору, достал из кармана трубку и стал набивать ее табаком.

Дандар поздоровался издали и стал осматривать усадьбу.

— Чистоту наводишь, сосед? — спросил он приветливо. И добавил уже язвительно: — Вот так бы навел чистоту на колхозном дворе!

Старый Чорбаа слушал, молчал и осматривал председателя: невысокий, плотный, лицо круглое, глаза утонули в складках, нос высокий, торчком. Чудно, но вот с такими же носами Чорбаа помнит двух прежних председателей. Один, по имени Сур-оол, страшный был ругатель. Кричал на народ до потери сознания. Он умел так ругаться, что мужики специально приходили его послушать. Как заведет, бывало, так и собираются со всех сторон как на спектакль. Одни смеются, другие головами качают, а которые помоложе, ругательства за председателем повторяют, чтобы запомнить.

Ничего не скажешь, хорошо ругался тот председатель, вот только дела не знал. Толку было от него, как от быка молока. Перепутал все колхозные дела и уехал.

Другой председатель с таким же носом иного склада был: общительный, веселый. Кричать и ругаться совсем не умел, а говорил толково и для всех понятно. У Чорбаа однажды он ночь провел. Говорил с ним чуть не до рассвета. Помнится, о колхозах он хорошо рассказал, заманчиво — что и как должно быть. «Ох, и умный же был человек! — восхищался Чорбаа. — Ну, а этот, нынешний, напоминает первого: покричать любит. Правда, он еще недавно тут, может быть, обкричится и человеком станет. Лицо у него не злое...» Вслух он сказал:

— Очищаю усадьбу каждый день, а то соберется много мусора, гнить начнет, воздух дурной будет, зараза заведется. Беда для скота! Легче два раза в день подметать, председатель, чем беду со скотом расхлебывать. — Старик улыбнулся, показав неровные желтые зубы.

Дандар подумал: «Для скота усадьбу чистит, а зубы себе почистить не догадается. Темнота!» Но добродушный разговор старика ему понравился. Умный, видать, старик! И Дандару захотелось продолжить с ним разговор. Тот это понял.

— Плохо, не к добру, не чистить усадьбу. Помню, когда я был совсем маленьким, едва достигал головой отцовского седла, в нашем аале на весенней кочевке появился откуда-то паршивый козлик. Не посчитали мы его за врага, не отогнали от своего стада, дескать, пусть пасется, места в степи много. И что вы думаете? Заразил этот козлик паршой весь наш скот! Ветеринаров в то время не было, и мы хлебнули горя через край. Ох, горько нам пришлось! Идешь по выпасу и то тут, то там овцы и козы замертво падают. А ведь каждая животина нашими руками выпестована!

И чем только ни лечили мы их! И пеплом козьей шерсти, и зеленым сушеным вереском, и вареным в масле. Целый год маялись и еле-еле изгнали эту паршивую хворь.

Вот с тех пор и помню я горький опыт, тогда и научился усадьбу в чистоте держать, особенно весенней порой...

Старик говорил и наблюдал за Дандаром. Видно было, что уши навострил. «Однако, чего на моих овцах в загоне глаза пьют? Чего увидел там?» — с беспокойством подумал старик и незаметно стал следить краем глаза за председателем.

Черная овца высунула морду через загородку к сидящим, пошевелила ноздрями и, должно быть, учуяла чужого, испугалась, убежала, звеня копытами по мерзлому снегу. Дандар перевел взгляд на белого козленка, вставшего перед ним на изгородь и грызшего кору на лозинах плетня. Козленок явно радовался, смаковал нежную корку. Зубы, видать, только прорезались и грызть ему было особенно приятно.

А Дандар хоть и глядел на козленка, а думал о старике Чорбаа. «Верно говорят о нем, что с сучками, — не подступишься. Как же поговорить с ним? С таким лучше бы не ругаться. Упрям. Если бы я сумел договориться с ним, мой авторитет сразу бы вырос в глазах колхозников. Люди заговорили бы, что Дандар пастойчив и умеет дело делать. Надо действовать осторожно».

А старый Чорбаа, закончив рассказ о паршивом козленке, умолк и снова стал набивать трубку. Набив, раскурил и, кажется, не собиравшись больше ни одного слова вымолвить. Дандар поощрил его похвалой:

— Хороший скот у тебя! Кормишь, должно быть, вдоволь. Но дело не в одном только корме, а?

Старик радовался похвалам председателя. «Ишь, совсем новый человек, — думал Чорбаа, — а увидел мою любовь к скоту! Значит, понимает дело! Значит, хороший человек!» — и лицо старика осветилось радостью.

— Я с такого вот возраста со скотом, — торжественно заговорил он, и показал рукой с полметра от земли. — Я для скота, скот для меня. От него получал все. Хоть скот и бессловесный, но любовь понимает и сам приластаться умеет. Его кормить надо и не словами кормить, а сеном, чтоб не похудел. А у нас в колхозе иной раз скотину только словами кормят. Все бы люди села вот так заботились о скотине, кормили бы ее, как я, то в каждом дворе скот был бы здоровый, сильный, любо посмотреть!

— Партия указывает, чтобы было именно так, — авторитетно сказал Дандар громким голосом. — Выполняя указания партии, мы, коммунисты села, добьемся... — Тут Дандар прервал себя и спросил Чорбаа: — А ты член партии?

Старик отрицательно покачал головой.

— Ах, не член-ен... — Дандар сделал кислое лицо. — А я-то думал...

Лицо старика посуровело и он подумал с обидой: «А ты что думаешь, я хуже тебя что ли, а, проклятый?» Дандар заметил, что его собеседник расстроился, и хотел как-нибудь его успокоить, но старый Чорбаа перебил его:

— Не член я, председатель, билета у меня нет. Ну и что? Я всю жизнь работал наравне с членами и они не лучше меня, и я стараюсь быть не хуже их. — И тут он не выдержал, закричал. — А ты на народ смотришь свысока! Дескать, если не коммунист, то и человек не настоящий!

Оба вскочили и нацелились друг на друга, как петухи перед боем. На Дандара в колхозе еще никто не осмеливался кричать. Он уже на многих кричал, а на него не осмеливались. А тут какой-то захудалый старичишка кричит на председателя, как на свою старуху, или того хуже, как на своего барана! Дандар ужасно рассердился. Лицо его стало пурпурным, толстые губы затряслись, глаза вспыхнули. Он закричал в ответ еще громче, чем старый Чорбаа:

— Никто не смотрит на тебя свысока! Ты что думаешь, если ты

не член, то можешь кричать на председателя! Не позволим! Мы одинаково ото всех требуем! Почему ты не послушался своего бригадира? Где у тебя труддисциплина? Тебе что, Устав сельскохозяйственной артели не закон? Председатель колхоза для тебя не руководитель? Кому будешь подчиняться?

Когда Дандар, накричавшись, умолк, старик, сдерживая гнев, заговорил тихо и рассудительно:

— Не мог я послушаться бригадира Шалгана. Он пристал, как банный лист, чтобы я в тайгу ехал. У меня в доме одна старушонка. Как она одна со скотом управится в весеннюю трудную пору? Погибнет мой скот! Не могу я ехать в тайгу. Пусть едут те, у кого дома людей много.

— Ишь ты, «домашний скот»! — передразнил Дандар старика. — Интересы колхоза превыше всего! Ты заражен пережитками! Не миновать тебе сурового наказания. Мы не можем исходить из твоих личных интересов. Колхозу нужен строительный лес и нужны дрова. Поседеешь на заготовку дров в тайгу.

— Не могу, председатель! — закричал он в исступлении. — Не могу! Сказал не могу, и не могу!

Дандар засмеялся.

— Вот ведь какой ты упрямый старик! Заладил свое «не могу...» Как же ты хочешь прожить в колхозе, не слушаясь ни бригадира, ни председателя?

— Не могу и не могу! — снова прокричал Чорбаа, махая руками. — Не могу, хоть режь!

И тут снова не выдержал Дандар.

— Как это «не могу»? Да понимаешь ли ты, что говоришь, товариш Чорбаа? Где твоя рассудительность, завещанная предками? Это же неподчинение руководству! Саботаж! Одумайся. Ты выступаешь против государства! Понимаешь: против государства! Подумай и скажи скорей, что виноват, что не прав, что ошибся. А иначе ты знаешь, что мы... как мы... О! — и, недоговорив, он быстро вышел со двора.

На крик выбежала из дому напуганная Долана.

— Какую беду накликать ты на нас, проклятый? — завопила старуха с порога. — Какими словами разгневал председателя? Какой черт дернул тебя за язык? Что ты за человек? — и со злости стала гонять по забору невинных овец.

Чорбаа ничего не сказал жене и вошел в дом. Тут он одел легкие кожаные идики, удобные для езды в седле, но, подумав немножко, снял их и сел пить чай. Когда пришла жена, спросил хмуро:

— Как же нам быть, жена? Не к добру спорить сразу с двоими: с бригадиром и с председателем. Может, мне поехать в тайгу, а?

Старуха запрочитала плаксиво:

— Если ты уедешь, как мне успеть тут одной? Сын в Кызыле, а я — старая... не под силу мне...

Хотя Чорбаа и просил совета у жены, но ничего дельного от нее не ждал. Разве может женщина что-нибудь путное посоветовать мужчине? Мужчине сам должен решать все важные вопросы жизни, — так думал старик. А тут вопрос был самый главный — о сохранности скота. «Была ни была, буду сидеть тут и слушать ругань и угрозы председателя. А если будет неважно, придется перейти в тот колхоз... Не пожаром покрыта наша земля, где-нибудь найдется серая трава и для моего скота», — решил он.

Во дворе опять залаяла собака. Старик встал, открыл дверь, посмотрел во двор. В чем дело? А, этот крикун-председатель забыл закрыть за собой калитку и в нее лезет чужой бык. Старик помог своей собаке — прогнал чужого быка и накрепко закрыл калитку.

Михаил Петрович Печенкин родом из Курской области. Когда он научился держать удочку и приносить с речки домой пескарей, его родители переехали на житье в Туву. Маленький Миша скоро подружился с одноклассниками тувинцами, через несколько месяцев он уже говорил на их языке. Туву считал своей родиной и полюбил этот край, где высятся каменные горы и бешено мчат свои клокочущие воды горные реки. Мальчик бывал в горных аалах, пил чай с молоком и солью и закусывал жареным пшеном — тарой. А однажды, надолго уехав с отцом из дома, научился есть мясо без хлеба.

Он и учиться начал в тувинской школе. В русскую перешел лишь с пятого класса. После окончания средней школы работал в райкоме комсомола, а потом два года учился в совпартшколе. Отсюда он попросился в колхоз, а его направили в райком партии, инструктором. И вот только теперь он добился своего — осел в деревне. Живет пока в доме приезжих, осматривается, знакомится с людьми и с хозяйством.

Село оказалось очень запущенным, грязным, и он решил организовать воскресник по наведению чистоты. Здесь никогда не проводилось ничего подобного, и молодежь очень заинтересовалась выдумкой партэрга. Комсомолки бегали по домам, оповещали всех жителей, объясняли порядок работы. Печенкин тоже обходил дворы. Зашел и к старому другу своего отца Дулушу Чорбаа. Как и каждое утро, старик подметал свой двор. Он любил, чтобы было чисто, и мысль о воскреснике ему понравилась. По такому случаю он приставил в дело и старуху, вооружив ее деревянными граблями.

Печенкин, войдя во двор, улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте, старики! — Поклонился каждому. — Мой отец Петр Печенкин шлет вам горячий привет и спрашивает о здоровье.

Чорбаа приставил метлу к забору.

— Такой большой? Неужто ты — Миша, сын моего друга?

— Да, дедушка Дулуш Чорбаа, это я, Миша.

— Уваа! — радостно воскликнул старик. — Как ты возмужал! Совсем, как медведь! Вот так и случается с мужчиной: то малыш, а то великан! Вырастет, и не заметишь! Скажи-ка, жена, кто из них, наш Андрей или Миша старше, а?

— Ой та, не знаю...

— Неужто не узнаешь Мишу? — удивился старик. Это тот самый худенький мальчик, который был сыном русского, помнишь, трактором правил... Тогда еще тракторы были с топорами на колесах... Теперь поняла?

— Ба, ой даадым! — удивилась старуха. — Тот малыш? Такой худенький? Ой, как вырос!

— Старше ли он Андрея, спрашиваю? — допытывался старик.

— Ба! И чего это ты, старый, на меня глотку дерешь? Сам все помнишь. Наш Андрей еще и в школу не ходил, а Миша уже скот пас!

— Смотри-ка! Мы оба признаем тебя, сынок! А ты, стало быть, тоже признал этого дряхлого старца? — он ткнул себя в грудь.

— Еще бы не признать! Да вы, дедушка Дулуш, с тех пор и не изменились нисколько, не постарели. — Подумав, он добавил: — Вы рассказывали мне сказки...

Старый Чорбаа запричитал:

— Ой, сынок! Не забыл ты меня, порадовал плохонького старичка! Заходи в дом. Жена, что стоишь как верблюдница! Веди гостя в дом, свари чай.

Печенкин поднял руку.

— Погодите, старики! Сначала воскресник, чистоту в селе наведем, потом обязательно к вам приду в гости.

— Уваа! — воскликнул старик. — А я уж и забыл про воскресник. Это хорошо, чистоту в селе навести, это надо. Пошли. — И он схватил метлу.

Народ уже выходил из дворов. Сначала решили очистить улицу, потом колхозную усадьбу, а уж потом приняться и за все дворы. Чорбаа с Доланой первыми взялись за дело. Старуха граблями собирала мусор, а старик за ней подметал. В разных местах вспыхнули костры, мальчишки начали сжигать мусор. К небу устремились клубы густого дыма.

К Долане подбежал парень.

— Бабушка, дайте-ка мне грабли, я поработаю, а вы отдохните.

Чорбаа, услышав такие слова, нахмурил брови и грозно посмотрел в сторону жены, и она не дала свой грабли парню, хотя устала и еле двигалась.

А парень все приставал и приставал: устала, дескать, дай я поработаю. Тогда старик грабли взял сам, а метлу кому-то отдал. Метлу никто не ломает!

Люди работали весело, шумели, смеялись. Старался и Чорбаа. Но старость брала свое. Он вскоре так устал, что еле волочил ноги. «Хорошо бы поесть как следует, а то проклятый пустой желудок шагу делать не дает, все кишки перепутались», — ворчал он. Но как же работу бросить? Хотел было дать свои грабли Мише (ему бы можно доверить), но тот как на зло убежал куда-то. Как же быть?

Неожиданно его выручил подошедший Дандар.

— Дай-ка, сосед, твои грабли. Вижу, как ты вспотел, а весной это плохо, весенний ветер — враг. — И, не ожидая согласия, он взял из ослабевших рук старика грабли.

Председатель колхоза поработал недолго. Тучный, он скоро задохнулся и передал грабли какому-то юноше.

Старый Чорбаа поначалу обрадовался передышке, а когда увидел свои грабли в руках паренька, напугался: «Сломает! Непременно ломает! Я этими граблями двадцать лет работаю, а он непременно ломает!» И не выдержав, старик забежал вперед, то там, то здесь стал ногами разравнивать мусор, чтобы его граблям легко было чистить дорожку и чтобы под их зубья не попал какой-нибудь тяжелый предмет.

Дандар следил за стариком, качал головой и мысленно ругал его: «Вот ведь какой собственник! Отдал старую деревяшку и не спускает с нее глаз, будто быка отдал. Когда же этот старый дурак избавится от пережитков?»

Суетясь перед парнишкой, ловко орудовавшим его граблями, старый Чорбаа краем глаза увидел Печенкина. Тот журил молодежь:

— Силу не показывайте! Инструменты поломаете! Тут не сила — ловкость нужна, не торопливость, а проворство.

Очень обрадовался старик этим умным словам Печенкина и сам стал всякие советы молодым высказывать.

Когда воскресник кончился, Чорбаа пригласил Печенкина к себе. Пришли в дом, он поставил гостю стул перед маленьким столом, сел сам и сразу стал жаловаться: председатель колхоза только приказывает и не интересуется, как живут люди. Вот пришел, накричал, пригрозил... И старик подробно рассказал о своей ссоре с Дандаром.

Видя, что Печенкин слушает внимательно, Чорбаа еще прибавил жару:

— Ты скажи, Миша, отчего нам так часто присылают новых председателей? Как я помню, в этом колхозе сменилось их больше десятка. И все откуда-то со стороны присылают. Неужто в нашем селе нет умных людей на это место, а? Присланные эти, как нынешний Дандар,

сельского дела не знают, в нашу жизнь не вникают и кричат на нас всякими словами... Скажи, Миша, разве это на пользу?

— Не все же председатели такие, — возразил Печенкин. — Бывают, конечно, и неразумные, неопытные, но таких немного...

— Уваа! — старик покачал головой. — Отчего же нам все время попадаются эти, которых немного, а? В городе снимут с какой-нибудь должности и — к нам!

Печенкин вздохнул и сказал:

— К сожалению, дедушка Дулуш, бывает и так... Вашему колхозу явно не повезло на председателей. Будем надеяться, что Дандар дело потянет. Партия поможет ему сплотить всех колхозников для решения производственных задач.

— Партия, оно конечно, — раздумчиво проговорил старик. — Партия все может. Я тоже газеты почитываю. В других местах есть хорошие председатели, и колхозное дело хорошо идет. Партия учит: надо, мол, учитывать и личные интересы колхозников, а наши председатели горады лишь посылают человека туда-сюда...

— Да ведь разве все от председателя зависит? — спросил Печенкин. — Один председатель может быть немножко лучше, другой — немножко хуже, главное, чтобы колхозники о своем общественном хозяйстве заботились. А иные лишь о своем дворе, о своей скотине думают... Это нехорошо. Мы должны сделать так, чтобы главный доход крестьянин получал от общественного хозяйства, а домашнее чтобы только подспорьем было. А в вашем колхозе, кажется, все наоборот пока. Нам удаль молодецкую и в общественном труде развивать надо. Вот так, дед.

— Удаль в труде — это хорошо, — согласился старик. — Для молодых очень даже хорошо! Они теперь все грамотные, в пальто, в сапогах ходят. В буквах и числах так разбираются, как иной чабан в черных свцах на белом поле. А только, скажу я тебе, Миша, не всем образование на пользу. Был у нас один тут шибко образованный, Сараакый. Задрал нос выше крыши и на дурные дела пошел. Вышвырнули его, теперь, слышь, камень дробит...

Чуть помолчав, старик снова заговорил о своей обиде на Дандара. но Печенкин не поддержал его.

— Ладно, дед. Кричал он на вас, конечно, зря, а ничего обидного в его словах нету.

Чорбаа изумился:

— Что ты говоришь, сынок? Ведь Дандар приказал... Угрожал...

— Да уж говорили мы об этом. А как быть председателю, если колхозник ему не подчиняется? Вы же отказались ехать в тайгу! Ладно, дед, найдем вам работу в селе, успокойтесь.

— Вот это хорошо, сынок, в селе я любую работу сделаю.

— Любую? — переспросил Печенкин.

— Любую, — заверил старик.

Печенкин помолчал с минуту и выговорил:

— Очень важная для вас работа есть...

— А что именно? — Старик придвинулся вместе с табуреткой. Он был явно заинтересован.

— Надо закончить строительство детских яслей в первой половине мая. — И пояснил: — Потому что трудно женщинам с детьми. Им работать надо, а детей некуда девать.

Чорбаа сразу же согласился: срочная работа. И интересная. Да и опыт в таком деле у старика был.

— Очень хорошо, Миша! — обрадованно сказал он, прощаясь. — Очень хорошо. Такую работу я сделаю лучше других. Ночей спать не стану, а сделаю!

ШОНЧАЛАЙ

(Рассказ)

Между гор расположился наш аал. Зимой для скота корм к нам доставляют только на лошадях и быках. Но не было случая при жизни моей, чтоб скот в этих местах заболелал и худел.

Ранней весной, когда снег еще лежит нетронутым белым полотном, повсюду на солнечной стороне Казанака и Кара-Дага уже чернеют прогалны. В аал препожалуют галки, трысогузки-доходяги и другие пичужки.

Но не они предвещают весну. Первыми вестниками весны были цветы шончалая*, что расцветали за нашим селом на проталинах. Детвора, как только распускается цветок шончалая, берет в руки колья и идет выкапывать его сладкие корешки. Но я не был среди них. Сам не знаю почему, хотя я был их ровесником, и недавно всем нам стукнуло по восемь лет.

В теплые дни весны мать стала давать мне небольшие поручения. То присмотри за овцами, то за ягнятами. Я радовался, когда мать дала мне работу. Не отказался бы я и от пастьбы овец. Но мать считала меня еще маленьким. Однажды я пас ягнят и увидел цветы шончалая. Кругом снег, будто зимой, а там, где лежали ягнята, земля постемпела. И вот на этом черном пятачке расцвел шончалай — цветок с красным стебельком. Изумительной красоты! Глаз радовался. Ведь несколько месяцев подряд снег да снег лежал. Я опустил на корточки и немедленно убрал холодные камешки, которые близко лежали к цветочкам. Никогда, никогда я не выкапывал цветы шончалая. «Эй вы — кричал я на приближающихся ягнят, — убирайтесь-ка отсюда. Это вам не трава, а цветок, и есть его нельзя».

— Мама! — радостно воскликнул я. — На проталинке живой цветок шончалая!

— Ты его выкопал, сынок? — спросила мать, занимаясь своими делами.

— Нет, мама, нет.

— Почему?

— Рука не поднялась. Уж очень он хорош.

Почему-то мать приласкала меня, глядя своей теплой рукой по голове.

С тех пор прошло более двадцати лет. Стало это уже прошлым. Но все события стоят перед глазами, будто это было только вчера.

И вот мы пошли учиться. В первом классе нас было около тридцати. На первом уроке учитель знакомился с нами. Начиная с первой парты и кончая последней, он по очереди заставлял всех учащихся подняться и самим сказать имена и фамилии. После пяти-шести учеников поднялась девочка, сидевшая на соседней от меня парте. Несмело взглянув на учителя, она склонила голову и прошептала:

— Шончалай...

— Тебя зовут Шончалай? — уточнил учитель.

— Да, мое имя Шончалай.

Я не заметил, как в это время уставился с удивлением на Шончалай и не сводил с нее глаз. Не мог тогда еще я любоваться иссиня-черными косами и большими глазами девочки. Меня ее имя «Шончалай»

* Хлебенки.

привело в удивление. Как только учитель закончил с нею разговор, она на меня скосила глаза:

— Что ты уставился на меня, как баран на новые ворота?

— Вот еще! Кто на тебя уставился?

«Если б я сидел с ней рядом, то мне бы досталось на орехи», — про себя подумал я. Дело приняло не совсем приятный оборот. Учитель меня поднял с места:

— Что случилось?

— Я, башки, на эту девчонку не смотрел совсем.

Весь класс покатился со смеху. Еле-еле учитель нас успокоил. И с первой перемены мальчишки-пересмешники приклеили ко мне кличку «Шончалай». Чем больше я злился, тем больше мальчишки дразнили.

Незаметно проходили годы. Смотрю, а мы уже в десятом классе. А парнишки не то что насмехаться надо мной, а сами стали вокруг Шончалай виться. Она к себе, видно, красотой притягивала всех. И действительно Шончалай расцвела. Щеки рдели, словно зори весенние, глаза блестяли цветом спелой черемухи, а стройные ноги ее я ни с чем не смог сравнить. Я б желал, чтобы парни наши меня всегда обзывали «Шончалай». Но как назло, они меня перестали так называть.

Я не мог равнодушно смотреть, когда около Шончалай стояли парни, страдал и тревожился. Из-за нсе начал курить. Первый раз я вышил тоже из-за Шончалай. Только она виновата одна, что стихи я начал писать. Она, Шончалай.

Один-единственный раз я смог побеседовать с Шончалай. О любви моей, надо полагать, знали все друзья Шончалай. Раз знали они, значит, видела это и сама она.

Как-то раз перед последним экзаменом я зашел в комнату девушек. Мы выясняли непонятные вопросы, помогали друг другу. Каким-то образом мы с Шончалай остались вдвоем. Туго завязывался между нами разговор. Шончалай вдруг сказала, что она очень любит марьяны коренья. А я сказал, что люблю цветы шончалай.

— Странно, — произнесла Шончалай, пожав хрупкими плечами. На этом наш разговор был исчерпан. В комнату вбежали девочки и помешали нам закончить нашу беседу. За десять лет учебы только раз мы сумели побывать с глазу на глаз! Как обидно...

А через несколько дней закончились и госэкзамены. И разошлись десятиклассники кто куда. Одни — учиться, другие пошли работать. Шончалай уехала домой. И увезла с собой мою первую чистую любовь...

* * *

«Газик» председателя колхоза подпрыгивал на мерзлой дороге, по обочинам которой лежали клочки сена. Из охапок выпавшего сена стайками выпрыгивали бойкие, проворные воробьи.

Я сидел рядом с шофером. Он деловито разъяснял мне: пшеничное поле. В этом году колхоз получил хороший урожай.

— А вот это — кукурузное. Видите, сколько удобрения навезли.

— Ваш председатель произвел на меня хорошее впечатление, — немного погодя сказал я.

— Строгий мужик, — охотно ответил он.

— Как только узнал, что мне нужна машина, без разговора дал.

— Приехали бы вы при бывшем нашем дарге, — неодобрительно произнес шофер, сдвинув ловким движением шапку со лба на затылок, — ни за что бы не разрешил!

— Неужели?

— Так. Ты будто вчера на свет появился! Вот эту машину бывший дарга вместо собственного коня держал. А женушка его пуще мужа распоряжалась ею. В город ехать — подавай ей машину, к родне — под-

катывай, за ягодами — будьте любезны, в выходной на пикник — снова изволь машину подать.

— Ты их возил?

— А кто же?

— А где он сейчас?

— Дарга-то? Выкурился. Колхозники ему показали от ворот поворот. Видел давеча пшеницу, оставленную на корню под снегом? Это тоже «дело» его рук.

В разговоре я и не заметил, как мы подъехали к высоким отвесным скалам, которые весной густо покрываются зеленью.

Я смотрел на горы, и первозданное спокойствие было в них. То там, то здесь на солнечной стороне гор чернели плешины проталин. Пришла весна.

Молодой животновод, известный чабан депутат Ховалыг Сюр-оол живет в местечке Эзерлиг. О нем я читал в газетах, слушал по радио. Ежегодно он от 100 овцематок получал по 150 ягнят и от каждой овцы настригал по 3 кг шерсти. Теперь он трудился в объединенной овцеводческой бригаде. В прошлом году я с ним познакомился на совещании животноводов в Кызыле. Хорошо мы с ним поговорили. По душам. Сам он в моих годах, но опыт у него, как у аксакала. Думалось: вот бы поехать к нему, посмотреть, как трудится, и поучиться у него. Я вслух высказал свою мысль. Сюр-оол меня радостно поддержал, сказал, что он в любое время рад гостю. Вот я и разыскивал своего нового товарища.

Немного проехав по долине реки, мы увидели на возвышенном месте единственный дом с двором.

— Вот стоянка Сюр-оола, — сказал шофер.

Нас встретили заливистым лаем собаки. Сейчас же в дверях показался коренастый мужчина в шапке из ягнячьего меха. Я узнал Сюр-оола.

Зашли в дом. Пожилая женщина начала варить чай. Мальчик лет пяти-шести, примостившись возле отца, по-взрослому внимательно смотрел и слушал нас.

Шофер, напившись чаю, куда-то уехал. Вдвоем мы беседовали с Сюр-оолом. Потом он сказал:

— Я съезжу к соседу: ягнята у него заболели.

Я проводил Сюр-оола и стал убивать время. Перелистывал журналы, рассматривал фотографии, говорил с пожилой женщиной. Моя особа ее заинтересовала.

— Родители живы, сынок?

— Только бабушка у меня есть.

— Бедняжка.

Теплые слова старой женщины согрели мою душу. Интересно, чья она мать? Сюр-оола или его жены?

Но сколько можно сидеть в доме! Пошел бродить по окрестностям Эзерлига. Я взглянул вверх и увидел отару, которая паслась на седловине горы. Возле овец стояла пастушка с конем. Это жена Сюр-оола. Я пошел к отаре. Она то исчезала, то появлялась опять. По пути все чаще и чаще попадались мне проталины. И вдруг я увидел цветок шончалая. Я, как прежде, убрал камешки от цветка и долго любовался им. Красные стебельки с нераспустившимся бутонем тянулись к небу, к лучам весны. В это время головная часть отары начала двигаться в мою сторону. Овцы шли, шли и шли, не останавливаясь, потому что были сыты.

Я решил показать пастушке цветок шончалая. Она шла за отарой. Увидев меня, зашагала прямо ко мне. Я остановился, подождал. Взгля-

нул на нее. Улыбка скользнула по ее лицу. В это мгновение что-то во мне перевернулось, и, мне кажется, я чуть не потерял сознание. По крайней мере я не могу описать, в каком состоянии тогда находился. Подойдя, я не поздоровался с ней, а удивленно воскликнул:

— Это вы?!

Голоса своего не узнал, будто другой человек говорил за меня. Светлой улыбкой озарилось лицо пастушки:

— Да, это мы, — пошутила она. — Как вы очутились на моем пути? Надеюсь, вы не дух, а человек? — продолжала, мило улыбаясь, пастушка.

— Я, я! — воскликнул я и крикнул во всю грудь: — Шончалай, ты ли это?

Я крепко сжал руку Шончалай, даже того не замечая. Разве можно так жать женские пальцы?

Мы присели на обломок скалы.

— Разрешите закурить?

Шончалай посмотрела на меня с укоризной:

— Вы разве курите?

— С десятого класса начал курить.

— Неужели?

Я подумал, что именно из-за нее начал курить. Впрочем, зачем вспоминать об этом? Не удержался и спросил:

— Вы меня не забыли, Шончалай?

— Не забыла, помнила о тебе и думала.

— Я тоже...

— Спасибо! Вот теперь нам осталось одно слово «спасибо» и все, — Шончалай набирала в руки камешки и бросала их вниз.

— И тебе спасибо, Шончалай, за добрую память.

— Как ты сюда попал, может, с Гагариным спустился с небес?

— Я же тоже чабан. Приехал поучиться у вас, набраться передового опыта. С вашим мужем познакомился в Кызыле, на совещании. Он меня и пригласил.

— Мужчины найдут способ познакомиться — то на собрании, то на заседании...

— Ты не думала, Шончалай, что я приеду сюда?

— Нет, не думала. Правда, Сюр-оол всегда говорит о знакомствах.

— А я никак не предполагал, что встречу тебя, Шончалай. И Сюр-оол ни слова о тебе. Ты после десятилетки исчезла куда-то бесследно...

Шончалай тяжело вздохнула:

— Вам, мужчинам, хорошо. Собрания, командировки...

— Верно. Я езжу, а жена моя все делает за меня. Я же на примете, меня хвалит начальство, обо мне пишут в газетах.

— Разве плохо, когда хвалят?

— О женщинах надо больше писать.

— Вы думаете, о женщинах не пишут?

— Мало пишут, — сказал я.

Шончалай расхохоталась, будто серебряные колокольчики рассыпались вокруг.

— Мы не просим, чтоб о нас писали, зачем это нужно?

Потом мы долго говорили о нашей школьной жизни. Перебрали всех своих однокашников. Смотрю, мы с Шончалай остались одни. А отара ушла. Алый шар весеннего солнца медленно садился на хребты гор. Я чуть не забыл о цветке. Подошел к нему и позвал:

— Шончалай, смотри, что это?

Шончалай быстро подошла ко мне, и, увидев цветок, радостно воскликнула:

— Ой, шончалай! Как ты увидел его?

— Когда шел сюда, приметил.

— Я не забыла, как ты мне сказал, что любишь цветок шончалая.

— А ты марьины коренья любишь, — сказал я.

— Эх, приехал бы сюда летом, я б тебе показала красоту здешних мест.

— Я и сейчас вижу пионы, — возразил я ей.

— Выкапывать будешь цветок шончалая?

— Никогда его не выкапываю.

Шончалай внимательно посмотрела на меня и пошла к своему коню. Потом мы пошли по направлению к дому. Голова лошади была между нами. Шончалай молчала, думая о чем-то своем. Мне было как-то неловко. Что мог подумать о нас Сюр-оол, если он уже дома?

Но Сюр-оол еще не вернулся. Приехал он позже. Я же в гости ехал и, конечно, прихватил с собой вина. Не одну чарку за вечер подняли мы. Обо всем переговорили. Не оставили без внимания и нашу совместную учебу с Шончалай. Услышав об этом, Сюр-оол очень обрадовался. В следующий раз я обещал приехать к ним с женой.

Сюр-оол с женой вышли дров напилить, меня не взяли. Подвыпившая мать Шончалай сообщила мне, что сразу меня узнала по фотографии, которую ее дочка долго берегла.

— Многие сватали ее, но она долго не сдавалась, — жаловалась старуха. — Все кого-то ждала, ждала... Да ведь люди у нас есть еще всякие. Стали ее обзывать перестарком. Старики мне покоя не давали, что Шончалай в девках сидит, частушки о ней стали петь злые языки.

Шончалай, конечно, переживала и решила выйти замуж. И вот уже шесть лет замужем. Парень хоть куда. Такой же трудяга, как она. Хороший человек Сюр-оол. Такой же, как ты, — разоткровенничалась старушка и добавила:

— Забирай жену, детей и приезжай к нам летом. Живите дружно. В дружбе и жить и трудиться легче.

Мне захотелось побыть одному. Я сказал, что пойду поколю дров.

Назавтра целый день я знакомился с работой Сюр-оола. Через день он уехал в Кызыл на сессию, а меня довез до центральной усадьбы объединенной овцеводческой бригады. Сам немедленно укатил в Кызыл. Я целый день был в бригаде. Утром за мной приехал тот же шофер. И я, попрощавшись с членами бригады, уехал.

Я попросил шофера заехать к Сюр-оолу.

— Как угодно, — сказал он, и подкатил прямо к дверям дома.

Шончалай меня встретила у дома. Издалека я не узнал ее. Думал, кто-нибудь из города приехал, родня или врач. Но когда вышел из машины — передо мной была она, Шончалай. Она была прекрасной, как тогда, давно, в дни нашей юности. Нет, пожалуй, даже прекрасней. Она напоминала распустившийся цветок.

Шофер копался в машине, что-то поправляя, а сынишка Шончалай активно «помогал» ему ремонтировать ее.

Шончалай приготовила обед. Мать свою она попросила приглядеть за отарой.

Пообедав, я начал прощаться. В моей руке крепкая ладонь Шончалай. Я снова сильно сжал ее руку, потом взял ее тонкие пальцы левой рукой. Шончалай и вторую руку сама положила на мою. Четырьмя руками прощались мы. Горячее дыхание ее обдавало мое лицо. Губы ее в этот момент ничем не отличались от спелой клубники.

— До свиданья, Шончалай!

— До свиданья,— улынулась она.— Летом к нам приезжайте вдвоем с женой.

К нам подбежал ее сын и сердито сказал: «Никто не прощается в четыре руки!»

Мальчик соединил в пожатье две наших руки.

— Вот так надо прощаться,— поучал малыш.

Мы, смеясь, вышли из дому. Я сел в машину, и мы поехали. Шончалай подняла в приветственном жесте свою смуглую руку. Сынишка повторил жест своей матери. Снова в пути мысли о Шончалай одолевали меня. Не успел оглянуться, как доехали до поселка.

После обеда автобусом поехал домой. Вершины гор Эзерлига пылали золотым огнем. Белые облака низко спустились и, медленно плывя, задевали головы хребтов. На душе было тепло и радостно. Я чувствовал какос-то просветление. И одно мысленно я повторял, повторял, повторял: «Прощай, моя Шончалай!»

Александр ТЕМИР

ДЕД АИР И АЯ

(Рассказ)

1.

Верховья речушек Тапса и Черби — благодатный уголок Тувы. В годы 1918—1919, когда на Енисее шли бои за власть рабочих и крестьян, сюда разными путями заходили новые люди. Девственная тайга в горных ущельях — питомник пушного зверя, дичи, орехов, ягод, лечебных трав и целебной воды,— хорошо послужила партизанам, а для раненых была природным госпиталем и здравницей.

Случалось, к верховьям Тапсы и Чербей добирались и белые каратели по следам партизан, ушедших на время в горы. Бывало и так: в медвежьих пещеры залегали бывшие сановные люди — пососать лапу и переждать. Повыше к снежным вершинам подавались густобородые старожилы с дородными женщинами в древних кокошниках, длинноволосыми парнями в оленьих унтах и красными девицами в сарафанах петровских времен, рядом с беглыми крепостными обживали обетованную землю, постигли: из этой земли бьют родники-аржаны — живой и мертвой воды.

С западных кочевий пришел сюда еще в прошлом столетии кузнец Аир — своим, трудным путем. После разгрома народного восстания в сумоне, прославившемся «шестьюдесятью богатырями», он перекочевал с уцелевшими родными на Тапсу. Здесь больше тридцати лет работал кузнецом. Приходилось и плотничать. Вместе с русскими поселенцами строил первую мельницу. Много жарких лет и холодных зим прибавилось к прежней кочевой жизни.

Пришел день летом 1919 года, когда Аиру исполнилось сто семь лет. Мастер Аир — старейший житель таежного поселка в чудесной Чербинской долине.

Молодые кузнецы сошлись на одном: не давать Аиру в руки молота, не подпускать его к большой наковальне; пусть учит кузнечным и слесарным хитростям на своей маленькой наковальне и на своих малень-

ких молоточках. Пришлось Аиру грубое кузнечество оставить и работать только слесарным и резальным инструментом, как положено «тонкому» умельцу.

Кто-либо из приезжих спросит Аира: «Сколько у тебя в юрте душ?»— он сначала назовет казненного сына и всех, с кем разлучиться пришлось навеки, потом расскажет, где живут и что делают живые внуки и внучки с женами, мужьями и наследниками, а под конец просияет, пропоеет низким грудным голосом, хитро щурясь: «А в юрте со мной живет моя самая большая хозяйка».

Зовут «хозяйку» Ая*. Это двухлетняя худенькая быстроглазая девочка. Она «хозяйничает» не в юрте, а в маленьком домике при кузнице — вместе с прадедушкой Аиром. Домик маленький, но крепкий, ладно срублен из лиственниц, фундамент каменный. Хороший домик — с трубой, с окном, с дверью, с крылечком. Похож на большую шкатулку: нет крыши, зато потолочный настил присыпан землей и примазан глиной — в бурю, как с гуся вода, не сорвет и не промочит.

Отец и мать «хозяйки» уехали из поселка, сказав Ае:

— Папа и мама погонят коней в горы. Папа и мама привезут Ае орехов и ягод. Ая будет послушная. Деда будет Ае делать игрушки. Ая с дедой будет играть. До свидания.

Аиру они сказали:

— Дедушка, смотри не болей. И не вздумай к нам подниматься на аржан**. Береги Аю.

2.

В домике тихо. Но удержи дыхание, вслушайся: ты узнаешь, где и что за темным окном шумит — голос подает.

Кочевнику в тайге не привыкать держать ухо остро — тем более, когда он скинул с плеч первую сотню кочевых зим и встречает оседлые весны в новеньком доме.

Внизу, шагах в полтораста к восходу солнца — в правом рукаве горной речки, у плотины — шипит вода. Навостришь ухо — поймешь: не вся вода шипит по-змеиному; в ее слитном гуле тьма высоких и низеньких, густых и жиденьких, светлых и мрачных звуков и отзвуков. Как змея, она шипит в тесном шлюзе — только что вышла из омута и ползет к жерновам. Выше, на перекате, — неугомонно верещит и стрекочет, как саранча; еще повыше — словно голубиный выводок с ветреной стайкой трясогузок, — воркует и щебечет. Зато внизу, одолев замшелое колесо с тряскими приводами и упрямыми жерновками, забывает нежные песни и бросается в пропасть.

Обо всем припомнишь и все передумаешь, прислушиваясь глухой ночью к далекому грому: дрожит и скрежещет мельница, беснуется водопад.

Но сейчас мельница не гремит. Вода подходит к запруде широким плесом, переливается через плотину тихо, неспеша. Мост высокий, добротный — подстать скалистым берегам — готов устоять на сваях, обваренных бурой смолой, не только в безмятежную летнюю ночь, но даже в страшный день паводка, когда разом открываются снежные кладовые тайги, и потоп угрожает всякой переправе — пешком, на олене и на коне.

Лежит Аир на полу против окна, рядом с низеньким топчаном. Укрытая простыней, на топчане вертится и чмокает во сне Ая.

У входа кирпичная лежанка с широкой трубой. В правом переднем углу — столик с инструментом.

* Ая — буквально: «Лук-самострел».

** А р ж а н — минеральный источник.

В другом углу — коробка с игрушками.

На все эти препятствия Аир натывается в потемках, когда «хозяйка» привскочит на топчане, и ей что-нибудь вдруг понадобится.

Чаще всего пропадает Аина привозная соска с колечком и роговым кружком. Напрасно Ая старается убаюкать пустышку-малышку. Пустышка-глупышка не слушает Аю: захочет скатиться на пол — покажется (когда Ая зевнет), захочет быть самострелом — «выстрелит» (когда Ае приснится смешной сон). Вместо «авай» Ая крикнет, проснувшись: «а-а-пай!»* Хныкнет: «а-а-чай!»** Пискнет: «и-и-эй»*** Шепнет: «деда!» Дедушка-прадедушка тут как тут.

— Пожалуй-ка домой, сосочка-крошечка! Ложись-ка, милая, к Аиному ушку — на Аину подушку. С маленькой Аинькой спи-засыпай. Баю ба-аю, бай...

Аир спит и бодрствует. В глубине острова, за мельничным шлюзом, дозорный ветерок прохаживается по маковкам стросвых лиственниц, охрипшим голоском перекликается с гремучей рекой.

Покриком дикой кошки-манулы дал о себе знать пучеглазый филин. Его слепые глаза прозрели. Но полосатенький бурундучок тоже не прост. Пучеглазый филин, должно быть, промахнулся. Пришлось вернуться в бойницу — на хвойную башню. «Снова сиди в засаде, не шевелись!»

На крыльчке засрзал, почесывая шею, сторожевой пес. Его зовут Чагай****. Больше всего заботы Чагаю будет утром, когда встанет «хозяйка» — попробуй послушаться ее!.. Зевнул. Отряхнулся и сбежал с крыльца. Отдохнувшей грудью залаял — с каждым разом слышнее — на весь дворик с кузницей, поселок с окрестными стойбищами, на все кручи и пади в тайге...

3.

Ирей Аир сидит на корточках у окна. Протягивает руку к тумбочке с инструментами.

В ящиках и коробках спят любимцы ирея Аира. Хитрый мастер их разместил так: добрым вещам всегда лежать у «хозяйки» на виду, а злым — из потайных берлог и нор на свет не вылезать.

Ая согласилась различать любимцев ирея Аира.

Очень хорошие: шкурки, платочки, ленточки, лоскутки.

Хорошие: железки, медяшки, пуговики, деревяшки.

Плохие: сверла, долота, гайки, напильники, гвозди, винты.

Очень плохие: ножики, ножницы, иголки-приколки, разбойник-топор, ведьма-пила.

Синий халат Аира висит на стене. Аиру тепло работать в нижней рубахе с расстегнутым воротом. Ая лежит без соски, раскинув руки, и глубоко дышит. Аину подушку скоро покрасит заря. Надо успеть смастерить два китайских замка с потайными ключами — один, большущий, для амбара с хлебом и солью, чаем и табаком, горьким вином и далембой, другой, крошечный, — для Аиной шкатулки.

У дедушки Аира пальцы-закорючки, на суставах — вроде стареньких железных пуговиц — ржавые пупырки. Но людям давно известно: Аир не только мастер на разные поделки. Он и хитрый сказитель с полтысячью сказаний-преданий, старых и новых сказов о богатырях, чародеях и фокусниках. И сам он богатырь. И сам он чародей. И сам он фокусник. Заколдует замок — не отопрет никто: у замка — три тайны, у ключа —

* А в а й — мама.

** А ч а й — папа.

*** И р е й — дед.

**** Ч а г а й — буквально: «дородный, добротный, прекрасный».

три загадки; к тому же не ошибись — по солнцу сколько раз повернуть ключ и сколько раз — против солнца; заговорит флейту — лимби — захлнет с досады соловей, заговорит скрипку — игиль — заплачет от зависти красавица-певица.

С первыми лучиками нового утра из потайных берлог выползают любимцы Аира. Вот хорошие: железки, медяшки, пуговицы, деревяшки. Вот плохие: сверла, долота, гайки, напильники, гвозди, винты. Вот вам и те, что хуже всех: иголки-приколки, ножи-ножницы. Даже топор и пила просятся в руки, но мастер-фокусник ведьму с разбойником не берет: «Тук-тук, не стучи! Жи-жи, не визжи! Ти-ше, тш-тш!»

«Лежите, не шевелитесь. Ая встанет — и вы намотаетесь. Я же вам не хозяйин!» — говорит прищуренный глаз Аира.

4.

Посмотришь мастеру на руки — нет пальцев у мастера. Железки-медяшки, крючочки и бляшки сами собою ходят-мелькают под рукой. Мастер глядит исподлобья, сопит и шепчет:

— Живей пили, долби-руби. Сначала примерь — справа-слева отмерь. Потом приладь, мягкой шкуркой пригладь.

Присел ирею у окна, прижал золотую железку одной рукой, зажал злую пилку в другой руке. Покосился на занавеску, покрутил железные и золотые волоски на подбородке, высоко поднял правую бровь, закусил нижнюю губу — и злая пилка пошла свистеть...

И Ая проснулась... Некоторое время она себя не обнаруживала: не плакала и не смеялась, не прыгала, не кувыркалась.

Ая стоит на топчане, вытянув шею. Смотрит поверх занавески на покрашенное солнцем окошко, на игрушки Аира.

У Аи волосы черные, но дедушка недавно сбрил Аины волосы. Голова у Аи не черная — у Аи серая голоза, и теперь она как у маленькой мышки-полевки. Зато Аины брови-ресницы стали еще чернее. Аины глазки — спелые черемушки стали еще спелее. И Аины ушки — золотые ракушки стали еще розовее. И Аины щечки — аленькие цветочки стали еще алее. И Аин носик-курносик стал будто длиннее.

Не будем рассказывать о том, как мастер Аир испугался, что разбудил Аю, и обрадовался, увидев, что она хитрит: хочет, чтобы «и-и-эй» не догадался, что Ая уже встала; как они вместе одевались, умывались, пили чай, бегали вперегонки с Чагаем, играли с детьми поменьше и побольше Аи — во дворе, на улице и на речке; ходили в поле, где по канавам и арыкам вода сама бежит, а потом работали много и весело в мастерской ирея Аира, чтобы в Аину зеленую шкатулку с узорчатой росписью-позолотой положить новых зверей из алебаstra — медведика, слоника и зайца.

Но всему, как известно, приходит конец. И вот наступил день, когда произошла перемена.

5.

Аир давно видел, что тучи с темным свинцовым блеском обволакивают степь и предгорье, нависают над глиняными кровлями и дымовыми отверстиями юрт.

Однако по-прежнему ясным оставалось небо, днем — голубым, как незабудки у мельничной заводи, по утрам и по вечерам — рыжим и пунцовым, как ягоды шиповника на острове за плотиной и горные маки у аржана, по ночам — черным, как тьма крошечная — над смолистым искрометным костром.

Где же тогда Аир увидел темные свинцовые тучи? Откуда слышит

удары грома? Оплочал глазами — ушами?.. Потерял рассудок? Есть такой маленький грех, но рассудка Аир не терял. Кое-что от людей слышал, кое-что видел сам. Старался правильно смекнуть, толком рассудить, какое принять решение...

Заходили во двор приезжие араты в халатах из коричневой и синей далембы, перепоясанные щедро, в несколько оборотов, цветными поясами — одни простоволосые, стриженные и с косами, другие в колпаках и тюбетейках, и местные жители в разной одежде, но больше в рубахах и солдатских гимнастерках — тузинцы, русские, хакасы, а также корейские и китайские переселенцы — все, кого судьба собрала в Чербийской долине с разных концов Танну-Тувы, из Европейской России, Сибири и с Дальнего Востока. Размещались по-домашнему, кто где — на завалинках перед амбаром и кузницей, на своих телегах, на крылечке у мастера Аира. Между делом перекликались, продолжали дорожные разговоры:

— К нам, в Сесерлиг, приехал новый кузнец.

— Рыжий?

— Ага... Ну, силен! Из его бороды навязал бы силков — куропаток ловить.

— А где их ловить-то?

— Где? По кустам, у дороги.

— Рассказывай!

— А чо?

— Куст пырнешь вилами — из него выскочит, схватившись за бок, не куропатка, а знатный рябчик.

Дурак он рябчик под кустом сидеть и тебя поджидать да еще у самой дороги!

— А где ему теперь, как не в кустах сидеть? Сапоги со шпорами, фуражка — с бляхой на лбу. Да как ни прячься — усы из куста все равно торчат...

— Годик пожили без «рябчиков». Отошли. А теперь их валит больше прежнего — и русские, и монгольские, и китайские, дальше, видать, заморские — из Америки и Японии...

— Везде так: и в Монголии, и в Китае, и за морем.

— Что за морем-то?

— Беспорядки.

— Не беспорядки, а беззаконие — виселицы, электрические кресла. Негров вешают.

— То-то и оно.

— А с бородой чо?

— Да ничо. Лавку открыл — заведение. Вином промышляет... Святым угодникам с большевиками спасибо говорит.

— Угодникам — это пусть. А большевикам за чо? Поясни, паря.

— За то же самое: вовремя надоумили пятаки дегтем намазать, через Саяны махнуть. Купцам в Урянхае спокойнее: ближе к ханам и богдыханам. А главное — интерес, здешние барыши...

— Верно, паря!

— Кабы не так и люди бы не смеялись над новым заведением: «Водка российская, селедка каспийская, табаки китайские — барыши урянхайские...»

Аир отошел к песчаной куче, на которой играет Ая с подружками.

6.

Вернулся к своему крылечку Аир. На крылечке разговор продолжается.

— Насчет дегтя сказать — береза повсюду растет; дегтю накурить недолго и для вашей бороды.

— К нему не пристаёт.

— Некрещеный, что ли?

— Хоть бы и крещеный. А есть ли на ём крест — сам посуди. Мне, говорит, пришло видение: «Дочку выдай за танну-тувинского святителя».

— Брось трепаться, паря.

— Ей богу. Свадьбу сыграли. Урянхайским обрядом сочетались.

— С кем сочетались-то?

— С Антошкой-охотником.

— Ах, ты леший! Шутник, паря! «Танну-тувинский святитель!» Во-первых, он православный...

— А, во-вторых, ламский святой.

— Постой, постой, не греши...

— Чего грешить-то. Время пришло трудное. Людей много перебили. Дороги запутались: какая ведет в рай, какая в ад — не разберешь. Опять же кто-то надоумил Антошку: «Не отказывайся, будь святым. Язык мало-мало знаешь. Между прочим, святому не обязательно говорить с людьми. Беседуй про себя с богом, как бог на душу положит. А людям одно говори: «Так, мол, и так. Я переродился в бесчисленный раз. По виду я — Антон Колюжный, грешный человек, а душа в Антоне святая. Вошла она в Антона неспроста: блуждала тысячи лет по разным созданиям — людям и зверям — и решила под конец обрести бранный сосуд в соболином охотнике, в рабе божьем Антоне.

Открылись мне теперь все глаголы земные — русские и урянхайские, индийские и тибетские. Душа моя до последнего дня жила не обязательно в человеке — вернее всего, в марале. Однако марал и есть самый святой зверь; его пантами, когда новые подрастают рога, можно вылечить сухотку и любое бесплодие. Марал умеет оборачиваться всеми созданиями и говорить на всех языках...»

— Хитро придумал, мил-человек! Ай, грех какой!

— Уговорили Антона: «Скажи, что я, мол, собственной души не имею. Живет во мне чужая душа. Мне она перепоручена. Вроде бы сам бог сказал: храни святую душу, а не дай бог помрешь, мы тебя опростаем, другой сосуд найдем — опять же человека или зверя — ему и перепоручим».

— Однако, паря, не прогадал твой барышник.

— К чему разговор — зятя бесценного обрел. Святой среди святых — раз. Охотник среди охотников — два. Разом двух зайцев ухлопал. Попробуй к нему подступиться. «Новых российских порядков знать не знаю. Танну-тувинских законов ведать не ведаю. Честь имею... Заезжай, торговый гость! А со старым законом да с божьей помощью как-нибудь угожу — и вашим, и нашим, и омским правителям, и урянхайским святителям. Бью челом. Ныне и присно и вовеки веков. Раб божий... Во как!..

7.

Услышал Аир от заезжих людей важные новости. Одним эти новости по душе, другим не по нутру.

Там, на Урале и в Сибири, отважно действуют красные войска и отряды партизан. Здесь, в Танну-Туве, хемчикские араты восстали против колчаковских «рябчиков» и торговых оборотней, побратавшихся с нойонами и кегенами.

С весны араты-партизаны по талому снегу двигались маленькими

группами в несколько человек, а теперь, когда степи обросли высоким ковылем, соединяются в большие отряды. Среди вожаков народного восстания Аир знает Саин-оола, Бадыхапа и Баячика — Длинные Ноги. Он желает своим товарищам и землякам благополучия в пути, успеха в освободительной борьбе.

У хищников нет ничего святого. У них есть логово, есть потайные ходы к берлогам. Колчак тайно вызвал из Танну-Тувы святителя Чамзы, назначил верховным ламой Урянхайского края, выдал святителю на корм белым «рябчикам» секретный багаж в кожаных кулях — двадцать тысяч рублей серебром. Кроме того, на подмогу «рябчикам» везут оружие под названием черные пушки.

Иным словам Аир верил, другим — нет. Порой трудно распознать сон и явь, ложь и правду. Есть охотники точить от скуки зубы, пощелкивая калсные кедряшки. Бывает, со зла, а то и без всякой надобности, выдумает человек чертовскую небылицу. Но своему мастерскому глазу и товарищам, испытанным в беде, Аир верить привык.

Да, Аир знал полную цену мудрости: «Младенец состарится — ненависть не стареет».

У сына были умные, смелые любящие глаза. Сначала глаза вырвал палач, а потом потянулся к топору. У сына перед смертью были пустые глазницы. Умирая, он уже не мог взглянуть на свет.

Но сейчас Аир видит живое лицо, и глаза, умные, заботливые, влюбленные в честную отважную жизнь.

Аир всматривается в глаза собеседнику, вслушивается в его голос и старается правильно оценить нового человека: куда пойдет он в решающий миг — к собратям с гневными и скорбными лицами, в чью сторону покатилась голова казненного, или же к надменным господам, с чьей стороны замахивался палач.

И еще в сокровенных мыслях Аира живет вторая тайна, которая руководит его поступками. Большая, как земля, с небом, на котором уместились и солнце, и месяц, и путеводная звезда Шолбан. И свеглая, как утро в горах, до которых облакам невозможно подняться. Тайна старого-престарого сердца. Тайна молодого-размолодого счастья.

Аир хочет подумать о своих стареньких-престареньких глазах — и они уже смотрят, чтобы Ае со всеми ее товарищами сегодня и завтра было хорошо. Аир хочет подумать о своих хрустких ногах — и они уже бегут к Ае, чтобы ей не сидеть в темном углу, когда заходит солнце, а выглянуть поскорей на свет и увидеть, как прощается с тайгой красавица — вечерняя заря. Аир хочет подумать о своих руках с пальцами-закорючками — и они уже мастерят новую игру Ае и хитрым Аиным подружкам-противницам, с которыми она играет и дерется.

8.

Но в этот день Аир не захотел показать Ае вечернюю зарю и ничего не захотел смастерить Ае с ее подружками. Ирей Аир понес Аю в гости.

Аир идет быстро, не дает срывать по дороге самых крупных ягод с нижних веток черной смородины. Ае приходится срывать ягоды на ходу и зажимать в руку какую-то полужеленую мелочь с верхних сучков.

Выйдя из кустов, Аир опустил Аю на край дороги, запрокинул голову и отдышался. Теперь Ая пойдет сама по главной дороге на другой край поселка, где живет бывший «золотой» мельник — раненый на войне пасечник Алексей и рядом с ним — «вороненый» кузнец Георгий.

У Алексея с Георгием общий двор. В двух передних углах — четырехстенные избы, рубленые по местному обычаю, с земляным и глиня-

ным накатом. Вход со двора на крыльцо с перилами и тремя широкими плахами на приступках. Крытые сени. Во дворе колодец без журавля, с валом и цепью. Несколько тополсей. В заднем углу, направо от ворот — курная баня. В другом углу — скотная стайка и землянка для домашней птицы. На огороде, среди подсолнухов и маков, чинно расселись молоденькие кочаники в огромных капустных чашах, маленькие помидоры на высоких тычках, нарядные репки, редьки, морковки, толстые пучки лука, чеснока. За огородом — пасека с амбаром и сеновалом.

Их увидел сначала «голубиный охотник» Костя. На его позывные «Дедушка Аир! Аечка-Маечка!» — откликнулось несколько голосов — со двора, с огорода, с пасеки. Уже все тут — посреди двора. Хозяева здороваются с Аиром и не знают, как выше подкинуть Аю на руках и глубже заглянуть в Аины спелые черемушки. Даже не знают, куда вести дальше гостей — в Алексееву или в Георгиеву избу. И вот подходят еще четыре друга семьи Аира — семья табунщика Шевера, но без мамы, оставшейся в юрте за пасекой, — коренастый, широкоплечий папа Шевер, шестилетний худощавый Баир, четырехлетний крепыш Сарыг и ровесница Аи — толстенная Чечек.

В глазах Аи отсвечивается залитый солнцем двор с колодцем:

Блестящее ведро с цепью. Движущиеся руки. И разные лица. Они одно за другим приближаются к Аиным глазам, и глаза у всех становятся большими — кроме них в Аиных черемушках ничего не умещается. Но у всех глаза прищурены и зрачки одинаково маленькие — в них Ая видит себя. Вокруг зрачков, как у ягод, — блестящая кожаца, сотканная из многих тысяч цветков с разноцветными лепестками, из разнолистных травинков и корешков. Чуть отдалятся глаза — уже нет в них самотканых ковриков из таежных и степных цветов, трав, корней. У всех обыкновенные глаза: у Алексея с Костей и Зоей — светло-голубые, у Полины — серые, у Веры и Георгия — (они сестра с братом, по прозвищу цыганы) — жгучие черные с густыми бровями и ресницами, у Оли — темно-лиловые, у папы Шевера с двумя мальчиками и одной девочкой — карие, как спелые обжаренные кедряшки...

Ирей Аир куда-то спешит. Не входит с Аей в первую и во вторую избу, не прогуливается с ней по двору, не показывает Ае сизых и пегих голубей, рябых и рыжих кур, белых уток и белой козы с козлятами. Не выносит Аю на пасеку с гречихой, где пахнет медом, цветами и сеном, а пчелы умеют жужжать, вылетая из ульев, похожих на Аину большую шкатулку с игрушками.

Дядя Леша тоже спешит провожать ирея Аира. Провожать ирея собираются еще табунщик Шевер и кузнец Георгий — дядя Юра. Пока Ая ходила на пасеку смотреть, как полосатые пчелы умеют заползать в цветки-кувшинки, ирей Аир с пасечником Алексеем, табунщиком Шевером и кузнецом Георгием заседлали четырех коней деревянными седлами с глубоким сидением и высокими луками. Они поехали промять коней и надыхаться терпким полынным воздухом на верхней степной дороге. Может быть, удастся узнать, где «рябчики» спят и куда поутру собираются лететь.

Ая долго играла в гостях у тети Веры, мальчика Кости и девочки Зои. Наигралась Ая — навеселилась и наплакалась, напилась козьего молока и заснула. До утра Ая спала на большой подушке вместе с подругой Зоей.

9.

Утром ирей Аир вернулся с пасечником Алексеем, а кузнец Георгий с табунщиком Шевером не возвращались: поехали дальше к Улуг-Хему. Они хотят узнать, что происходит на нижнем и верхнем пароме.

Араты, кочующие летом с юртами и скотом на правом берегу, и паромщики, работающие у Тонмас-Суга и на Виланах, могут знать, куда передвигаются транспорты Турчанинова...

Тетя Вера вскинула на плечо большую деревянную шайку с бельем и тяжелой колотушкой. Понесла скрученное белье на реку полоскать в пенистой воде и колотушкой воду из белья выколачивать.

Ирей Аир присел у окна с дороги отдохнуть и посмотреть, кто первая проснется — Ая или Зоя...

О жизни думает Аир и о смерти...

Хорошо бы узнать все:

Сколько у Турчанинова живой силы, коней, оружия?

Что слышно о горных пушках?

Куда идет войско Ян Ши-чао?

С кем больше дружат урянхайские князья — с Турчаниновым или с Ян Ши-чао?

Где находятся родные и земляки Аира, взятые в плен и ставшие заложниками белогвардейцев?

Где стоят партизаны?

Аир не думал, что легко получить ответ на эти вопросы. Но он твердо знал по урокам своей жизни, что ничего не высидишь, если будешь на пригорке сидеть и в небо табачные облака пускать. Не лучше ли с пригорка сойти и податься поближе к цели своего путешествия. Однако Аир не знал, как велики расстояния на земле, сколько на ней гор и пригорков, морей и рек, народов и племен.

Зато Аир с детских лет примерялся к мере времени, движения. Кто хоть немного подрос, тому уже известно, как долго большой и малой чаше парного молока сгоять на огне, чтобы закипеть. Сколько больших и малых чаш пройдет с восхода до восхода солнца — за одни сутки. Сколько суток — холодных и жарких, ясных и с дождем-снегом, тихих и с бурями-вьюгами — пройдет с весны до весны — за один год.

Кроме того, когда еще бегали взапуски, играли в бабки-костяшки, в палочки-закидалочки, в ремешки-узелки, и в замечательную игру сайзанак* те, кого давно нет в живых, — уже тогда, в родном сумоне на Хемчике, Аир перенял от людей, как измерять лунами годы и годами века по тибетскому счету.

По другому счету умеет считать время кузнец Георгий — от рождества Христова. Сегодня год тысяча девятьсот девятнадцатый, месяц восьмой — август, день — двадцать шестой.

Не кипятит молока Георгий ни в больших, ни в малых чашах и не вникает долго ли, коротко ли держит хозяйка на огне котелок с молоком.

По счету Георгия скоро исполнится два года жизни в Советской России — пойдет третий год новой, ленинской жизни.

Ая родилась двадцать четвертого июня тысяча девятьсот семнадцатого года, когда уже не было белого царя, а город Хем-Бельдир у приезжих людей по-прежнему назывался Белоцарском. Родилась в восемь часов утра в коричневой юрте.

Месяц спустя родилась Верина Зоя. Еще через несколько дней — девочка Чечек, а потом уже самая младшая — Оля.

Аир вел счет Аиным дням и следил за успехами Зои, Чечек и Оли — не по календарю. Не вмешивался Аир в родительский счет. Он вел свой, отдельный, прадедовский счет Аиным дням — чересчур быстрыми днями своими и чересчур долгими ночами. Ревниво засекал он успехи в росте, в умении ползать, ходить, бегать, и прыгать, говорить и думать, вести себя в доме и в юрте, во дворе, на речке и в степи...

* С а й з а н а к — детская игра в постройку.

ХЕМ-БЕЛЬДИР*

(Рассказ)

Григорий Иванович Михайлов, давно обещавший рассказать что-нибудь интересное из истории Кызыла, улыбнулся, по привычке подержал свой посеребренный ус и начал:

— Был я еще мальчишкой, когда партизанская армия Щетинкина и Кравченко собиралась уходить из Тувы. В сентябре девятнадцатого года мы перевозили раненых партизан из Бай-Хака в Кызыл. Тогда город по-русски Красным назывался.

Обоз наш двигался медленно и растянулся на целую версту. Взобравшись на песчаное взгорье Шолы, он остановился. Пока начальник госпиталя Анна Михайловна Сафьянова делала перевязки, порошки давала, поправляла постели, я, остановив свосго Гнедка, взбежал на самый высокий холм, чтобы полюбоваться открывавшейся впереди долиной Енисея. Мне впервые довелось увидеть эту великую реку. Поэтому не терпелось взглянуть. Не терпелось посмотреть и на город, где недавно партизаны разбили белоказаков.

Выбежал, смотрю: у подножий далеких гор темнеет лишь извилистая нитка зелени, кое-где прерванная белыми пятнами. Это и есть Енисей. Ближе от реки лежала серая степь да холмы, а дальше — бесчисленное множество гор. Их белые вершины дыбились в небо. «Красиво», — подумал я.

— Хем-Бельдиром любишься, Гришка? — раздался голос моего соседа по Атамановке Ужара, который неторопливо взбирался ко мне на холм. Был он коренаст и широкоплеч, с короткими ногами и большим торсом. Непокрытая голова его была совершенно гола.

— Так какой же это город, дядя? Наша Атамановка и то больше, — возразил я. Я представлял себе город таким большим, а тут... Домов полста, не больше.

— Тебе сколько лет? — вдруг спросил Ужар.

— Тринадцать. А что?

— А то, что городу этому только пять. Ты же не будешь вечно с барашка. Вырастешь. И город вырастет.

От обоза кто-то крикнул, и он тронулся. Мы пошли к своим телегам.

Лошади шли медленно. Под колесами звонко скрипел песок. На одной телеге стонал и бредил партизан. С ним рядом, увязая в песке, шла Анна Михайловна и изредка накладывала ему на лоб мокрую тряпку. Она была уже немолодая. Но то ли от возбуждения, то ли от солнца, которое припекало, на ее щеках красной зорькой горел румянец. «Присесть бы ей, — думал я. — Устала, да где же: на телеге лежат двое. Места нет. И отойти нельзя. Вот и мается, сердешная...»

Мы с Ужаром шли сторонкой. Он рассказывал:

— У Вавилина я жил в работниках, пас лошадей, когда началось строительство города. Верстах в пяти от Хем-Бельдира вверх по Пий-Хему у моего хозяина было хозяйство — дворы там всякие, амбары, конюшни. И мы, пастухи, там жили. Платил он ровно столько, чтобы с голоду не подошли. Жадный был, собака. Работники из русских у него не задерживались: чуть что — выгонял или сами уходили. Все же мы у него держались. Мы знали, что идти к какому-нибудь феодалу вроде

* Хем-Бельдир — слияние рек.

нашего Ажикая — не слаще будет. Вавилин хоть не бил, а наши не стеснялись. Жаловаться некому.

Так вот. Когда началось строительство города, я и подался туда. Сначала глину месил, кирпичи делал, потом плотничал...

Меж тем обоз наш волочился помаленьку с холма на холм. От Шольского ключа уже поднялись в гору, а Хем-Бельдира все не было видно. Я внимательно слушал Ужара. Он шел рядом со мной, заложив руки за спину и улыбаясь:

— Интересное было время! В апреле четырнадцатого года возвратилась из Петрограда наша делегация и привезла указ русского царя. Говорили, что Россия взяла под защиту наш край. Я, когда услышал об этом, подумал: «Попробуй теперь кто нас обидеть — сдачи получит».

Дружба с русскими крестьянами, что жили здесь, у нас завязалась уже давно. Мы учились у них жить. А тут вышло, что мы граждане одного государства, да какого — России! Ужар восторженно бросил вверх руку, как оратор на митинге, и счастливо улыбался.

Мне было интересно слушать этого бородача. Зная его по Атамановке, я и не представлял, что он разбирается в таких больших делах. Подумать только! Мне такое и в голову не приходило, поэтому я слушал, стараясь не пропустить ни слова.

Вот тогда развернулось строительство, — продолжал Ужар. Первым делом нужен был город. Потянули сюда телеграфный провод. Открыли Усинский тракт и повезли товары: пилы, топоры, плуги, ткани и все такое. И строители понаехали: плотники, пильщики, столяры, стекольщики, печники — словом, кто нуждался в работе и нужен был городу. Дело и завертелось, и пошло! Здешние плотогоны Елисеев, Нагибин и другие погнали по Пий-Хему и Каа-Хему лес для строек. Для меня это было ново. Я и не знал, что реки могут заменять лошадей. Чудно! Все шло хорошо. Как говорят русские, дома в городе росли, как грибы. Так ведь? — спросил он. Я кивнул. — Заработки были хорошие. У меня появились первые деньги, и я купил для семьи обновки. Жена и ребятишки рады были. До этого они ходили в шубах на голое тело, а тут на тебе: ситец, сатин, красная кожа на идики*. Если б не война, — понизив голос, грустно произнес Ужар, — может быть, город теперь построили. Но летом того года многих строителей позабрали на германскую войну, и строительство сильно ослабло. А когда началась революция, тут уж и вовсе было не до строительства.

— Разбежались все? — спросил я.

— Какой там разбежались! Строители-то и дали по шапкам здешнему начальству. Совет свой создали. Буржуев потрясли. У нашего хозяина, Вавилина, всех лошадей забрали. А лошади были, знаешь, высокие да сильные, не то, что наши с тобой клячи. Скот и все, что было в его магазинах, тоже конфисковали. Правда, белые вскоре разгромили этот Совет, а большевиков арестовали, избили да на плоту в Минусинск отправили, в тюрьму. Некоторым, правда, — уточнил он, — удалось скрыться.

Коснувшись этой темы, Ужар не мог удержаться от своих воспоминаний. Он рассказывал о том, как и ему в отряде красногвардейцев самому пришлось участвовать в реквизиции богатства русских колонизаторов, проживавших в крае, в том числе и своего хозяина — Вавилина.

— Тогда мы, тувинцы, и своих чиновников хотели потрясти, да не советовали нам русские товарищи: рано еще, говорили они. И верно. Тронь тогда мы своих, они бы еще ближе снюхались с колчаковцами.

* Идики — обувь.

— Щетинкин-то когда пришел, веселее, небось, стало,— вставил я.
— Хэ, брат! Щетинкин русских беляков подчистил тут здорово! Да и наши нойоны присмирели. А вот теперь уходит партизаны. Что будет — не знаю. Надежные люди из русских тоже со Щетинкиным уходят.

— Не все-е,— протянул я.— У нас в Атамановке разве мало мужиков? Они за буржуев не пойдут.

Так и шагали мы по обочине дороги рядом с обозом.

В город пришли, когда уже темнело. Раненых и больных перенесли в какой-то дом, школу, кажется. Анна Михайловна простилась с нами и ушла туда же. И мы поехали ночевать.

Дом, у которого мы стояли, был самый крайний. Дальше к увалу лежала степь, усыпанная кустами караганника да терезина. На противоположной стороне не было ни одного дома и лишь вниз по Енисею стояли три-четыре домика окошками на север — тут и вся улица. Ближе к реке вразброс несколько одноэтажных домов да остовы сожженных белоказаками административных зданий. Вот и весь был город.

«Город-невеличка», — подумал я. И вдруг почувствовал, что на мое плечо опустилась чья-то тяжелая рука. Обернулся.

— Ну, здравствуй, Гриша!

Я был ошеломлен. Передо мной стоял Иван Ильич Накладов, с которым у костра на берегу Элгеста довелось мне провести немало вечеров.

— Здравствуйте, дядя Ваня,— пролепетал я в смущении.— А я думал, что вы уже уехали...

— Скоро уедем, дружок. Давай попрощаемся...

— Так, может быть, вместе поедем, — неуверенно сказал я.

— Вряд ли.

Иван Ильич, высокий, широкоплечий, улыбаясь, смотрел на меня своими синими-синими глазами. Фуражки у него не было, и легкий ветерок шевелил его русые кудри. Я был влюблен в него, кажется, больше, чем в отца, и хотел во всем походить на него.

Вспомнились его рассказы у костра, когда мы с ним были на рыбалке. Появился он в Атамановке весной 1919 года. «В отпуску я», — говорил. Одним он помогал сеять хлеб, другим строить избу, забор чинить, отменно косил траву и вязал снопы. Часто уезжал в соседние поселки на день-другой, а по вечерам с ребятишками моего возраста ходил рыбачить на речку. Несколько раз мы были с ним вдвоем. И вот рассказал он тогда:

— Ты, дружок, о том, что сейчас услышишь, никому ни слова. Упави тебя Христос! — и засмеялся. До этого он нам частенько рассказывал, как попы обманывают народ насчет бога, анекдоты да сказки разные про попов.

— Так вот, — говорит, — никому, стало быть, ни слова, — еще раз предупредил, и начал.

— Никакой я не географ и не учитель. Четыре класса у меня образование. И не в отпуске я. А дело вот в чем. Жили мы в деревне Маклаково. Это вниз по Енисею. Тайга там непроходимая. До войны жили у нас в деревне ссыльные большевики. Встречались мы с ними часто. Узнали от них правду о житье-бытье. Я и три мои брата тоже стали большевиками. На войне мы побывали. Один брат погиб. А мы трое вернулись домой. Потом революция. Советы были созданы во всех городах и селах Енисейской губернии. И у нас в Маклакове тоже. Повеселел народ, ожил! И вдруг эта проклятая колчаковщина... Сил-то у нас оказалось маловато. Пришлось партизанить. В последнем бою они нас разбили. И мы кто куда. Вот я и забрался к вам в Урянхай.

Все это промелькнуло в моей памяти, пока стояли мы с Иваном Ильичом — малый и большой. Иван Ильич сказал:

— Вот что, Гриш. Пойдем-ка. Я покажу тебе, где мы похоронили наших, павших в бою за этот город. Кто знает, сохранится ли тот памятник, что мы поставили им на могиле. А ты, в случае чего, не забудь. И придет время — поставите памятник настоящий.

К братской могиле мы шли мимо пепелищ бывшего переселенческого управления и церкви, как рассказывал Иван Ильич.

— Эти здания бляки подожгли из пушек. Вон с тех гор палили по городу, — показал он на ребристый склон горы за Енисеем, где еле заметной змейкой извивалась дорога на Туран. — Другие здания они подожгли, когда мы их приперли здесь...

Подожгли к братской могиле. Квадратный холмик свежей земли возвышался над прахом героев. Между двух столбов через всю большую могилу на брусках был укреплен щит из листового железа, на котором белыми были написаны имена тех, кто отдал жизнь за свободу.

— Вот и все, Гриша. Теперь прощаемся. Иван Ильич, как взрослому, прогянул мне руку. — Оберегайте здесь то, за что сложили головы партизаны. Храните память о них...

Подъехал молодой партизан, ведя в поводу оседланную лошадь.

— Товарищ командир, — звонко обратился он к Накладову, — получен приказ выступать.

Иван Ильич еще раз обнял меня, потом торопливо, будто опасаясь, что я задержу его, вскочил в седло, и они умчались вниз по берегу, к переправе.

Прошло пять лет, и я снова оказался в городе. С Васькой Быковым, моим дружкой, мы решили подзаработать денег, чтобы принарядиться. Считались первыми парнями на деревне, а ходили в грубых шароварах из домотканного холста. Имели мы и по паре латанных-перелатанных бродней, в которых приходилось и работать, и отплясывать трепака в праздничные дни.

Был март, всюду еще лежал снег. Строительство пока не развернулось. За пять лет в городе мало что изменилось. Новое было лишь то, что все помещения были заняты. В одних жили, в других размещались разные учреждения. Среди домов стояли юрты. Здесь же бродил скот.

— Ну и город! — воскликнул Васька. — Табор какой-то!

Мы вышли на самое оживленное тогда место — на Енисей. На всем его берегу громоздились штабеля леса и поленицы дров. И всюду работали люди: пилили дрова, тесали бревна, на лошадях и верблюдах возили их в город.

В здании без крыши, бывшей туберкулезной больнице, разместилась вся городская «индустрия»: мастерские, кузница, лесопилка, мельница. Старенький локомобиль весело пощелкивал и нещадно дымил. Этот «самовар», как метко окрестил его Васька, давал жизнь и лесопилке, и мельнице, освещал домов пятнадцать-двадцать (по очереди). Люди были благодарны за то, что он своим гудком поутру будил и звал их на работу, извещал о перерыве на обед и конце рабочего дня. Ведь мало у кого были тогда часы!

Я был восхищен работой «самовара». «Какая силища», — думал я, ожидая, что и друг мой разделяет мое мнение. Но он только острил:

— Насморк, должно быть, у него — все-то чихает!

Я не соглашался. Для меня это было что-то непостижимое: пятьдесят лошадиных сил! Но механик Полещук, когда мы говорили с ним насчет работы, между прочим, заметил:

— Это же хлопушка, а не двигатель!

— А говорили, что у него пятьдесят лошадиных сил! — злорадствовал Васька.

— Да, пятьдесят. Но он стар, как земля. Поэтому и наполовину не тянет. Нам же нужно для города не пятьдесят, а сто пятьдесят лошадиных сил. Понял, голова? — сказал механик насмешлику.

— Вот что, хлопцы, — смягчился Полешук. — Если хотите работать, бегите в исполком. Там набирают бригаду для поездки в Кара-Хем за большим двигателем для нас.

Мы обрадовались и даже забыли поблагодарить механика. В тот же день мы выехали в Кара-Хем — на прииск Железнова, где до революции драгой добывали золото.

...Восемь троек лошадей, одна впряженная за другой, потянули пузатый котел за шестьдесят верст. В корень был запряжен гривастый вороной мерин. Говорили, что это битюг, специально приведенный из Минусинска или еще откуда-то. Должно быть, это правда, потому что здесь таких могучих лошадей с косматыми ногами никто не выдвзл.

Мы, подгоняя пристяжных к битюгу лошадей, дивились его исплинской мощи. Толстенные оглобли, прикованные к саням, в которые был запряжен Воронок, как любовно называли битюга, на поворотах гнулись, как тростинки. И лишь изредка многотонная махина, укрепленная на санях, не поддавалась силе Воронка. Тогда сани скользили в сторону дороги, а восемь троек бились неистово на месте, не в силах сдвинуть их. Люди с помощью ваг орудовали под возгласы: «Раз, два, взяли!», направляли груз в нужном направлении, и тройки устремлялись вперед.

Когда подвезли котел к берегу Енисея, мужики заспорили, выдержит ли лед. Но ждать было нельзя. Еще одно усилие и тяжелые муки остались позади. Котел выволокли на берег и оставили на санях рядом с лесопилкой, где он стоял многие годы, пока нашлись нужные детали, чтобы запустить его в работу.

Гостиниц и общежитий никто для нас еще не настроил, а знакомых в городе не было. Наутро мой дружок сбегал туда-сюда, потом говорит:

— Мы с тобой мастера на все руки. Давай-ка пилить дрова. Полтора рубля сажень: напилить, наколоть, сложить в поленницу. Вода бесплатно, сухари свои, постель не покупать. Живи не тужи!

И мы начали. Рядом десятки таких же горемык, как мы. Беда была всеобщей: нечем было наточить пилу. Изготовленного в мастерской напильника едва хватало выточить лишь половину ее зубьев. Но и такие напильники были, как говорят, на вес золота.

— А мы камнем наточим! — не унывал мой Васька.

И было, точили камнем.

Так прошла неделя. Чтобы поставить четыре сажени дров, пришлось работать от зари до зари. Вторую неделю мы работали на сушке зерна для помолы. Сорок кулей надо рассыпать на площадку для просушки, а вечером затарить зерно и поднять на мельницу. Заработок, как и на распиловке дров, порядочный. И спать разрешали в мельнице: тепло! Но мы дальше работать не могли. Шестипудовые кули нам были не по силам. Болела поясница, ломило руки и ноги.

Пришлось сменить профессию. Вася как-то узнал, что горный отдел ищет сапожников. Нужно шить бродни. Цена четыре рубля за пару. И мы стали сапожниками. Сшить две пары в день нам было не трудно. А восемь рублей для нас были большие деньги.

Мастерская — комнатка в доме жителя Кызыла Рощина была рядом со столовой, которую держал кореец Ли Сан Хо и Семениха. Там готовили пельмени, бойко торговали брагой. Вечерами в столовой было особенно шумно: бражничали все, кто выпить не дурак. Веселые песни

в перемешку с матерщиной частенько заканчивались скандалами и мордобоем.

В это заведение вечерами мы не ходили. Любимым местом отдыха молодсжи был клуб. Но пойти туда мы не могли: в броднях с завороченными голенищами и шароварах из мешковины да в рубашках из красной далембы как пойдешь? Поэтому гуляли по берегу Енисея. Там на плотках говорливо играла гармонь, девушки пели, щемя тоской молодые сердца...

Как-то под вечер мы шли к Енисею. Смотрим, на улице Щетинкина остановился верблюд, запряженный в телегу, и орет, ожесточенно харкая по сторонам. Когда мы подошли, я увидел Ужара с Оюн-оолом. Они хлестали упрямца вожжами, но тот, кроме визгливого крика да харканья, никак на это не реагировал.

— Что это, дядя Ужар, он куражится? — спросил я.

Глаза старика блестели гневом.

— Не хочет, черт, даже порожнюю телегу везти! Оюн-оол дрова на нем подвозил к зданию правительства, хотел отогнать его на двор, а он заупрямился. Попробовал я, да ничего тоже не получается. Хсть, кулугур*! — хлестнув верблюда, зло крикнул Ужар. Но тот откликнулся на это очередной порцией зеленой слюны и ревом.

Васька захохотал.

— Это чей верблюд-то? — спросил он старика.

— Домзаковский, — ответил тот.

— Ну, тогда, брат, у тебя ничего не выйдет, не поднимешь, — авторитетно заключил мой дружок.

— Это почему?

— А ты что, не знал? — смеялся Васька.

— Говори, что ты знаешь — уже с обидой в голосе произнес тот.

— Дело тут простое, — отрезал Василий. — Это тюремщик так приучил верблюда: услышит гудок на обед, укладывает его и уходит. Так же и в конце дня: пронесся гудок с лесопилки — верблюд ему не нужен. Где придется, там и распряжет. Вот и привык верблюд. Теперь хоть убей, не встанет. Он знает, что в городе работают по часам. Так что выпрягай — и баста.

Ужар был удручен таким оборотом дела. Хлестнул упрямца еще дважды и, не добившись успеха, велел Оюн-оолу распрягать.

Когда Оюн-оол выпряг верблюда, тот спокойно и величаво пошел к кусту караганника и начал уплетать его ветки за обе щеки. Ужар показал на край города.

— Смотрите, ребята, наша армия едет!

От Тонмас-Суга эскадронами ехали бойцы. В голове колонны развевалось красное знамя. Военный оркестр в несколько труб играл какой-то марш. Гулко ухал барабан. Мы залюбовались.

— Откуда это они, дядя Ужар? — спросил я.

— Как откуда? С Хемчика. Банда там была. Кончили ее, вот и возвращаются.

Из всех домов и юрт на улицу высыпал народ, когда эскадроны остановились у дома правительства, люди плотно окружили воинов. Начался митинг. Бойцов поздравляли с победой, обнимали и целовали.

---

* Кулугур — проклятие.

КОМСОМОЛЬЦЫ

(Отрывок из повести «Простая история»)

В начале девятого Николай Осипенко, немного робея, открыл дверь комитета, за которой слышались оживленные голоса.

— Заходи, Николай, — приветливо закивал ему головой Широков — приземистый остролицый парень. В Ак-Довураке Широкова уважали за его веселый, с запальчивой живинкой, нрав, за то, что он был неизменным молодежным заводилой на воскресниках и на массовках, — в любом добром деле. И все, что он делал, было без наигрыша, естественным, как шаг человека по земле. И даже когда он излишне громко «шумел» на собраниях по адресу хозяйственников или, поверив кому-то на слово, повторял вслед за ним явно приукрашенный эпизод, делал он это без тени притворства или плохого умысла, а просто потому, что такая уж у него была натура — впечатлительная, еще не перебурлившая. И хотя не раз упрекал его Чурсин за «фольклорные» увлечения и другие грешки, но про себя думал: «Зато не сухарь, парень. А это главное».

Широков сидел среди ребят, а его место за секретарским столом было свободно, отчасти и этим он хотел подчеркнуть, что идет непринужденная беседа, а не официальное заседание с председательствующим и повесткой дня.

Николай подсел к Насте Желтовой и смущенно огляделся. Рядом с Желтовой вразвалку сидел заведующий клубом Клим Тригорьев, а дальше в том же ряду — трое совсем незнакомых девчат, пришедших сюда, судя по забрызганным известью комбинезонам, прямо с работы. Вера Шевалова устроилась возле Маши Савицкой и плотника — комсорга жилучастка Оюна Кандана. Узнал среди собравшихся Николай и маркшейдера Сашу Пескова, мастера цеха металлоконструкций Вотюю Груздина, комсорга КПП кызыльчанку Галю Мурову.

Говорила Валя Никулина, ее обычно добродушное личико сейчас горело негодованием. Сделав в связи с приходом Николая паузу, она резко опустила полуподнятую руку на стол:

— Ведь нас на фабрике уже пить отучили! Воды нигде, кроме столовой, нет. А туда ходить — сколько времени потеряешь, да и придешь — двери закрыты. Просишь-просишь, когда выпросишь, а когда и нет.

— Безобразие, — поддержала ее Настя Желтова, подталкивая Николая локтем. — Придется к кабинету Венчатова «молнию» приколачивать. Изобразить его в виде водовоза с бочкой без дна и приписать: «Без воды — и туды, и сюды».

Анатолий Широков пристально посмотрел на Настю. Как она быстро повзрослела, похорошела — не узнать! Но ее характер, бесспорно, остался такой же, какой и был — занозистый, воинственный. И к ее характеру шел взбитый надо лбом хохолок, напоминавший петушиный гребень. «Нужно ее пожурить, — решил Широков, — чтобы она у себя на участке так же хорошо видела недостатки, как и на других». И Анатолий подбросил в огонек новое «поленце», и оно сразу разгорелось.

— Правильно, воды нужно добиваться. И не только для питья. На «постоянном» даже раствор нечем разбавить, если загустеет. Я видел, каким раствором вел кладку Ибрагим Ахмедов — рассыпается и не схватывает. Но и тебя, Анастасия, надо спросить — почему на жилучастке у вас разбрасывают, бьют кирпич?

— Верно. И цемент у вас, Настя, по глине рассыпают, — быстро зататорила Маша Савицкая, боясь что ее перебьют.

— Я вот как-то читала воспоминания путиловского рабочего про Сергея Мироновича. Пришел Киров на завод, видит — по всему двору кирпич раскидан. Спрашивает директора: «Сколько стоит один кирпич?» Тот отвечает: «Десять копеек». Сергей Миронович опять: «Ну, а если бы здесь были рассыпаны гривенники, неужели бы не собрали?» «Конечно, собрали бы». «Ну вот и собирайте». А у нас?..

— А у нас в Ак-Довураке не гривенники, а целковые кругом валяются! — подхватил Машину мысль Оюн Кандан. — Кирпич возим из Черногорки, считай, за восемьсот километров, через Саяны. Каждый обходится в булку хлеба.

— А плиты из Красноярска по железной дороге, потом на автомашинах, — сказал Волода Груздин. — Сама плита в два раза дешевле, чем ее транспортировка.

— Ну вот, — решил подытожить Широков, — и спросите ребят, как Киров. Разве допустили бы они, чтобы булки хлеба под ногами валялись? Спросите и наведите порядок. Верно? — обратился он, улыбаясь, к девочкам в комбинезонах. Две девушки потупились от смущения, а третья, побойчее, подтвердила:

— Что верно, то верно. Цемент с глиной смешать — это уже не цемент. Силу теряет.

— Вот тебе и «безобразия!» — подражая голосу Желтовой, воскликнул Клим Тригорьев.

Все рассмеялись, а Настя вспыхнула:

— Ой, да вы чего это все на меня уставились?! Посмотрите лучше, что делается на ваших объектах? Кучи!.. Россыпи!.. Свалка!.. Целые механизмы можно извлечь. Что скажут про вас археологи лет через триста?

— Настя, Настя! — тоненьким голоском нараспев произнес Широков, укоризненно покачивая головой. — Куда же это ты самокритику зачала? В цемент? Он силу теряет, как от глины...

— Но я правду говорю, Анатолий? Правду! А у себя на жилучастке мы наведем порядок.

— Везде нужно навести порядок, — сказала Савицкая, строго оглядывая собравшихся. — Леша Михайлин в отпуску, так ты, Вера, за секретаря на фабрике за делами присматривай. «Прожектористам» нашим тоже нужно освещать поярче эти свалки и бесхозяйственность, — здесь Маша строго посмотрела на Николая. — Многое от нас самих зависит, а не только от хозяйственников.

Маша сделала паузу и, подумав, решила сказать еще несколько поучительных слов:

— Сбережение материалов это не только экономика, но и воспитание. На этом проверяется, как комсомолец относится к народному добру. И вот...

Кто знает, сколько бы еще высказала Маша очень правильных мыслей, но ее перебила темпераментная Настя. Она не слушала Савицкую.

— Вот что, ребята, скажут про нас археологи...

Тут все дружно прыснули. А Настя продолжала:

— Они скажут: «Как много было стройматериалов у наших предков. Они избытки в землю закапывали».

— Нет, — возразила Шевалова, — они скажут, Настя, что среди их предков были расточительные люди. Когда же, товарищи, наш кирпичный завод круглогодичным будет?

— Круглогодичный завод — штука сложная. Не баран чихнул, — назидательно ответил Вере Тригорьев. — У нас в Чадане тоже своего кирпича не хватает. Прикупают в Кызыле, а привозят бой.

Клим Тригорьев сравнительно недавно прибыл в Ак-Довурак. Он быстро освоился и даже завоевал некоторую популярность, чем немало гордился. Ходил он неизменно в полуспортивной форме, что несколько скрадывало его небольшой рост. На затылке у него подсвечивала лысина, а сзади редкие волосы сплетались в жиденькую гривку, которой Клим хотел подчеркнуть свою принадлежность к миру искусства.

— Смотрите-ка! — иронически воскликнул Володя Груздин. — И наш культурник разбирается в стройматериалах. Ну да, аналогия некоторая есть: кирпичи рассыпаются и кружки в клубе тоже рассыпаются.

Клим пропустил мимо ушей эту филиппику и дипломатично предложил:

— А что если на эту бесхозяйственную тему сочинить частушки?

— Верно! — поддержала его Галина Мурова. — Нужны частушки. А вот скажи, когда мы услышим нашу «Лирическую ак-довуракскую»?

— Да, частушки — это попроще, — насмешливо поддержала подругу Маша Савицкая. — «Лесчук капусту полюбил и все время ей твердил...»

Упоминание про начальника отдела рабочего снабжения, у которого не клеилось дело с заготовкой овощей на зиму, вызвало общий смехок и колочие реплики.

Маша предложила:

— Давайте официально запишем Климу и Славе Скаткову сочинить песню в месячный срок в порядке комсомольского поручения?

— Записывать не стоит, — возразила Настя. — Он тогда еще на комитет частушки сочинит. А вот поторопить Клима не грех. Берешь, сокол, обязательство?

— Беру! Будет песня, — заверил Клим.

— И когда же? — спросила Вера Шевалова.

— Это дело творческое. Тут план не установишь.

— Творческое, значит резину тянуть можно? — строго спросил Оюн.

— Да ты знаешь, как нам своя песня нужна? — продолжала свое наступление Настя.

— Да вы что?! — вскочил Клим. — Белены объелись? Прошел месяц, как вы заказ дали, а уже за горло хватаете, песню на-гора требуете. Я ее еще, быть может, вы-на-шиваю!

Дальше ему говорить не дали. Все хохотали над взъерошенным Климом и его надрывным «вынашиваю».

— Так вы меня только за этим сюда и звали? — обиженно спросил Клим у Широкова, когда смех приутих.

— Нет, Клим. Еще дело есть. Тихо, тихо, товарищи! Вы знаете бригаду Ура-Базыра. Она у нас почти целиком комсомольская.

— У них выработка на каждого — тысяча рублей в месяц, — заметила Валя Никулина, листая блокнот и морща лоб, припоминая, что еще следует добавить к словам секретаря о бригаде. — Особенно отличаются там Сарыглар Чонга, Сендажи Сергей, Монгуш Кок-оол, Десла Кужугет...

— Вот что значит производственный сектор! — с похвалой отозвался Оюн. — А я думал, что ты только своих фабричных знаешь.

— Все мои, все наши, — ответила Валя, не скрывая, что похвала Оюна ей пришлась по душе.

Иначе отреагировал на дополнение Никулиной Широков. Постукивая карандашом по столу, он серьезно и даже с упреком сказал:

— Опять Валя называет нам только комсомольцев, а из старых производственников — никого. Это неверно.

Никулина потупилась и, скручивая блокнот в трубочку, чуть слышно произнесла:

— Мне и Чурсин это же говорил. Учу...

— Говорил? И правильно! — воскликнул Широков. — Нельзя нам забывать про рабочих — стажистов. Это они нас пестуют, линию рабочую во всем держат. Кто из вас знает Олега Ноган-оола из базырской бригады? Ну вот — один Оюн. Ну еще Маша. А его еще в пятьдесят восьмом году, когда началось строительство комбината, пригласили в райком и как коммунисту порекомендовали работать в Ак-Довураке. Он согласился. Тогда ему говорят: «Но как быть — ты чабан, строительной специальности у тебя нет». Отвечает: «Приобрету». Ему опять: «Жилья нет». «Буду жить пока в юрте». «Правильно решаешь, — сказал тогда ему секретарь райкома. — Ты теперь рабочий. Будешь строить на своей земле комбинат, нужный всей стране. Желаем успеха, строитель!» Прошло четыре года, и он стал, — Анатолий принялся загибать пальцы, — плотником, каменщиком, бетонщиком, штукатуром, кровельщиком.

— Ну, ко мне это не относится, — тихо буркнул Клим, но Широков услышал.

— Нет, относится, — распалился Широков. — Вот про таких надо песни складывать, про их жизнь и труд живым словом молодежи рассказывать, в пример ставить. Это же его величество тувинский рабочий класс. И Ноган-оол, и Ура-Базыр, и Кужугет Эртне и сотни других. Его не было — теперь он формируется и дает о себе знать. В этой бригаде позавчера на собрании приняли обращение о соревновании в честь сорок пятой годовщины Октября. Партком одобрил и поручил нам включиться в это дело. Комсомольцам надо быть смелее. А то кое-кто из начальников побаивается брать высокие обязательства. Пусть они почувствуют, что мы поможем выполнить все, что примет коллектив.

— Уже есть хороший отклик. Бригада Колоскова решила дать за смену сто квадратов опалубки, — сказала Валя Никулина, записывая что-то в блокнот.

— А у нас на ТЭС бригада Андреева решила соревноваться с бригадой Руклинского на «постоянном» и давать четыреста кубов кладки в месяц, — торжественно сообщил Валентин Уткин и обвел всех глазами — дескать, знай наших.

Клим, хотя и плохо представлял себе квадраты опалубки и кубы кладки, но решил солидаризироваться с Уткиным и воскликнул:

— Ого! Вот это рывок! Не то, что сто ваших квадратов на фабрике. В четыре раза больше!

Все рассмеялись.

В этот момент в комнату вошел секретарь парткома. За руку он вел смущенного Володю Чернева.

— Добрый вечер, товарищи. Беседуйте. Я на огонек и на смешок заглянул. Иду, смотрю — Володя сиротинушкой стоит.

— Ждет кого-то, сердешный! — притворно вздохнула Настя.

— Не дело тебе от масс отрываться, Володя. Ты у нас — ударник, тебе везде почетное место — сказал полусушня Чурсин и усадил Чернева неспроста возле Вали Никулиной, а сам присел у входа и спросил Тригорьева:

— Над тобой смеются?

— Надо мной...

— А клуб строят?

— Медленно. На картинке хорошо разрисовано. А в натуре — одни коробочки. — И он указал на проект реконструкции клуба, висевший на стене. К плану старого здания были причерчены два больших пря-

моугольника; на одном надпись — «Спортзал», на другом — «Широкоэкранный». Над промежутком, образовавшимся между этими крылами-пристройками было схематично изображено перекрытие, а под ним тоже надпись — «Танцзал». Это была большая мечта комсомольцев Ак-Довурака. И чтобы она стала явью, комсомольцы поочередно работали вечерами на стройке. Правда, за последнее время их пыл поубавился.

После того, как ребята пошумели, Чурсин обратился к ним:

— Расширение клуба — ваша инициатива. Ослабления работ допускать нельзя. Нужно в этом году хотя бы фойе отделать. И для физкультурников тогда будет маленький уголок на зиму.

— Правильно, — одобрила Галя Мурова. — К новому году мы хоть раз в клубе сдадим пальто в гардероб и потанцуем со спокойной душой.

— Ну положим, когда вы танцуете — про все забываете, — с улыбкой заметил Груздин.

— Представь себе — нет, — Галя подняла на Груздина смеющиеся глаза. — Танцуешь и думаешь: не сбежала ли твоя одежка, оставленная где придется?

— Вы, Михаил Алексеевич, неспроста к нам пришли? Ведь так? — спросил Володя Груздин.

— Пожалуй, что так, — согласился, улыбаясь, Чурсин. — Лесчук сделал хорошее дело — завез в магазины электролампы. Надо помочь ему распродать товар.

— Непонятно, Михаил Алексеевич... — разочарованно промолвила Желтова. — Что же нам лампоношами быть?

— А знаете, это интересно! — сказала Галя Мурова и стала развивать идею Чурсина о распродаже электротоваров по-своему: — Обещаться всем лампами, как гирляндами...

— И к сети подключиться, — в тон ей продолжил Тригорьев.

Анатолий Широков знал, в чем была «соль» предложения парторга, но помалкивал. Первой догадалась Шевалова:

— Вы хотите, чтобы мы помогли заменить большие лампы на маленькие? — спросила она Чурсина.

— Вот именно. Это мне вчера в бригаде Колоскова подсказали. Энергии не хватает, а даже у вас, смотрите, вон какая красуется — упадет, голову проломит. Проведем рейд, соберем в конторах, домах и сараях лампы-прожектора, а взамен дадим что поменьше. Приучим всех к бережливости — меньше будет жалоб на нехватку энергии. Договорились?

— Договорились, — чуть не хором подтвердили комсомольцы. Некоторые были готовы начать этот рейд хоть сейчас.

— Завтра мы все обмозгуем, распределим людей, проинструктируем и начнем «электрический» рейд. Но, чур, разъяснить и добровольность соблюдать! — сказал Широков.

— А если не подчинятся — вывертывать и все! — решительно заявила Желтова.

— Ни в коем случае! — возразил Чурсин. — Запиши адрес и сообщи работникам ЖКО. Они предупредят об отключении от сети. Но таких будет немного, если вы все толком объясните. Ведь стройка задыхается, а в коровниках чуть не в тысячу свечей лампы горят. Все собранное — на техсклад. Оттуда оно растеклось, туда и сдадим.

— Поясните, что на коров это влияет отрицательно, — вставил слово Тригорьев. — Молока меньше дают. У коров мол, тоже есть своя нервная система.

— Это одно, — продолжал Чурсин, не обращая внимания на слова Тригорьева. — Второе. Под боком у нас поселок, где живут тувинские рабочие.

— Шангыр? — спросила Никулина.

— Шангыр. Хорошо бы его радиофицировать, товарищи, комсомольцы!

— Сделаем! — заверил Широков и сокрушенно покачал головой. — И как это мы не доглядели?

— Конечно, радиофицируем, — поддержали его Песков и Груздин.

— Вот и прекрасно! — заключил Чурсин. — У меня все, Маша.

— Тогда перейдем к «персональному делу» Вали и Володи, — объявила новый вопрос Маша.

Раздались возгласы: «Оженить — и все тут!» Давно уже все догадывались о скорой свадьбе Никулиной и Чернева, поэтому посыпались поздравления, шуточные пожелания. Валя отбивалась бойко, а русоголовый Володя только краснел и кивал головой.

— Есть предложение, — Широков поднялся и пересел поближе к молодым, — сыграть комсомольскую свадьбу прямо на фабрике, в рабочей столовой. Маша организует. Согласны?

— Это даже как-то символично! — восторженно, заглушая гул одобрения, воскликнула Настя Желтова.

— Что Маша — организатор? — спросил вьедливый Тригорьев.

— Да нет! Володя начал строить фабрику. Здесь же и свадьба. Может быть, ему придется и последний кубик бетона укладывать через год на седьмом этаже? Нет, что ни говорите — это здорово!

— Он уже и сейчас на седьмом небе, — сострил Клим. — А столовку сносить не будем, устроим там музей Чернева.

— Тебе придется готовить музыкальное оформление свадьбы, Тригорьев, — сказала Савицкая, решив сразу же приступить к делу.

— Тише! Тише! — попросил Широков, услышавший сквозь шум трезвон телефона. — Вас, — сказал он Чурсину, протягивая трубку. Разговор по телефону был кратким. Окончив его, Чурсин обвел собравшихся многозначительным взглядом и развел руки, словно желая заключить всех в крепкое объятие.

— Друзья! В День строителя вы приняли многих хороших ребят в комсомол. А Настю, Оюна и Машу рекомендовали в партию. Только что мне сообщили, что завтра в райкоме будут вручать партийные билеты. Поздравляю тебя, Оюн, тебя, Настя, и тебя, Маша, с высоким званием коммуниста.

Чурсин крепко пожал им руки. Комсомольцы обступили молодых коммунистов, глаза у всех светились радостью.

Владимир ЕРМОЛАЕВ

ЭЛЕСКОЙ

(Маленькая повесть)

Несчастье свалилось на Кирилла Гурьянова неожиданно-негаданно. Жена родила первого долгожданного ребенка. Казалось, роды прошли благополучно: состояние матери и ребенка не вызывало тревоги. И вдруг Настеньку стали мучить страшные боли. Она металась, кричала не своим голосом, искусала себе руки и так и умерла в нечеловеческих муках.

Кирилл чуть с ума не сошел. Да и как было не убиваться мужику — всего два года пожил он со своей Настенькой. Два коротких счастливых года пролетели, как веселая песня. Любил он жену крепко, хорошей мо-

лодой любовью, не знающей ревности, не омраченной мелочами крестьянского быта.

Тяжко переживая потерю, Кирилл уходил из дому и целыми днями бродил с дробовиком по лесу. В неистовой обиде на весь белый свет, он стрелял в синее небо, пугая ни в чем не повинных птиц. Не раз приходила мысль остановить пулей свое тосковавшее сердце. Он садился на землю и, впившись закрубелыми жесткими пальцами в русые кудри, вновь и вновь думал-передумывал о днях и месяцах жизни с Настенькой.

Несколько дней после смерти жены он и близко не подходил к зыбке своего первенца, подсознательно считая его причиной гибели Настеньки. Кристина Ивановна, мать Кирилла, приняла на свои старые руки осиротевшего внука.

Первое время ребенок не давал ей покоя ни днем, ни ночью, требуя материнской груди. Кормила она маленького коровьим молоком из рожка, да жвзанинкой из хлебного мякиша.

Не советуясь с сыном, Кристина Ивановна назвала мальчика Алешей. И когда однажды Кирилл проходил мимо завешенной пологом зыбки, она остановила его и укоризненно сказала:

— Ты бы хоть глянул на своего Алешу-то!

Кирилл хмуро спросил:

— Его разве Алексеем зовут?

— Алексеем... Как твоего отца. В его память окрестила.

Кирилл нерешительно приподнял полог и заглянул в зыбку.

Маленькое личико ребенка чем-то неуловимо напомнило ему Настеньку. Дрогнуло отцовское сердце, и две скупые мужские слезинки капнули в зыбку...

А Кристина Ивановна говорила:

— Что делать будем, Кирюша, — парню-то нашему женское молоко требуется, а где взять — ума не приложу. Говорят, у Торлажика жена родила ребеночка, и молока будто у ней мно.о... Ты бы сходил к ним, поговорил бы. Все равно они такие же люди. А что нехристи, так бог с ними, — матери все одинаковы. Я сама в молодости выкормила одного сиротинку-соетеночка, — и ничего мне не сделалось, хоть он и некрещеный был.

Кирилл с удивлением посмотрел на мать и ласково пообещал:

— Ладно, мама, схожу.

У Кирилла была давняя дружба с Торлажиком. Хозяйственные недостатки их были почти что одинаковы: имели по паре лошадей, по две дойных коровы и понемногу овец. Разница была в том, что один из них жил в юрте, а другой в избе. Они вместе охотились и рыбачили. А когда приходила к тому или другому нужда, — помогали друг другу.

Торлажик встретил Кирилла, как всегда, приветливо. Усадил гостя рядом с собой и велел жене налить им хойтпаку.

— Я пришел к тебе, Соржумаа, — сказал Кирилл, обращаясь к хозяйке. — Выручи из беды, покорми моего парнишку своей грудью... Бек буду тебя благодарить.

Соржумаа погупилась. Ее смутила необычная просьба Кирилла. Она не знала, можно ли кормить чужого ребенка, не будет ли от этого худо ее мальчику? А вдруг лама узнает? Он проклянет ее и маленького Тажи... Она умоляюще посмотрела на мужа и тихо промолвила:

— Я боюсь...

Торлажик успокоительно кивнул ей и, обращаясь к гостю, сказал:

— Для друга все надо сделать. Приноси своего сироту, жена будет его кормить вместе с нашим Тажи. Утром принесешь, а вечером обратно возьмешь. На ночь вашего мальчика в юрте нельзя оставлять, он непривычен, в юрте простыть может.

— Спасибо вам, добрые люди, спасибо!— говорил растроганный Кирилл.

— Ничего, ничего, сосед, помогать надо друг другу. Люди — все люди, что русские, что тувинские. Твой сын от тувинского молока крепким богатырем будет! — сказал, улыбаясь, Торлажик.

— Ты не бойся, — говорил Торлажик жене, когда вышел Кирилл. — Ничего плохого не будет. Жена у Кирилла была хорошая женщина, она всегда приглашала нас к столу — не так, как другие заимщики: подают тувинцам кусок у порога, как нищему...

* * *

Прошло три года. На радость бабушки и отца Алеша быстро подрастал, рано стал говорить, бегал, шалил. Но чем больше он рос, тем труднее было Кристине Ивановне справляться с ним. Не раз намскала она Кириллу о женитьбе, но тот отмалчивался или хмуро отвечал:

— После Настеньки мне никого не надо...

Однажды Кристина Ивановна заболела и слегла в постель. Несколько дней Кириллу пришлось самому управляться в хозяйстве и водиться с сыном. Он почувствовал всю сложность этого дела и свою неспособность, решил, что пора искать хозяйку для дома и няньку для сына.

Поняв его настроение, Кристина Ивановна стала убеждать его:

— Доколь же будешь вдовым ходить? Хозяйство может нарушиться... И так уже непорядки везде: в чулане не метено, в подполье прошлогодняя картошка не убрана, во дворах — срам смотреть... Стара ведь я, — сколь могла работала, а теперь чувствую, плохи мои дела... Случись со мной беда, останетесь вы с Алешенькой круглыми сиротами. Что тогда будешь делать? Достатки твои не велики, нанимать — не на что...

Так оно и случилось. Через год после этого разговора не стало у Алеша доброй бабушки. В троицын день после обеда легла она отдохнуть, да так и не встала.

Растерялся Кирилл: дом остался без хозяйки, ребенок — без матери. Даже при похоронах некому было бы обиходить бабушку, если бы не пришла на выручку соседка по заимке — старая вдова Матрена Захаровна Шипицына.

Хозяева заимок-хуторов расселялись в долинах Уюка и Турана по принципу: кто где успел, тот там и сел... Селились не деревней, а порознь. Даже близкие родственники старались захватить свой участок земли.

Братья Шипицыны были одними из первых, поселившихся по Уюку. С годами их заимки обрастали надворными постройками, поскотинами, избушками и юртами работников. Шипицыны развели скота, наловили маралов и организовали выгодное дело — мараловодство. С местным населением вели долговую торговлю, наживались на бедности аратов.

Маркел Шипицын, муж Матрены Захаровны, умер, оставив большое хозяйство жене, трем сыновьям и пятерым дочерям. Перед смертью он успел распisać свое богатство, наделив каждого члена семьи своей долей.

Узнала Матрена о смерти Кристины Ивановны. Недолго думая, села верхом на коня и раньше всех соседей прискакала на гурьяновскую заимку, благо до нее всего три версты. Она помогла похоронить старушку по всем правилам, справила поминки. А когда соседи разъехались после похорон по домам, сказала Кириллу:

— Пока я побуду тут. Дома у меня три девки, справятся с хозяй-

ством и без меня — не маленькие. А за твоим хозяйством и ребенком догляд нужен.

Больше месяца прожила Матрена. Навела всюду порядок и чистоту. С Алешей она обращалась, как с родным внуком. Несколько раз приезжали проведать ее дочери. Среди них выделялась старшая — Лепестинья. Высокая, румяная, черноглазая девка. Она вносила в дом свежесть и веселье.

Однажды Матрена сказала Кириллу:

— Погостила я у тебя, Кирилл Алексеевич, пора и честь знать. Домой девки зовут меня... Только вот, не знаю, как ты тут останешься один.

— Поживи, Матрена Захаровна, еще чуток, я за это время подыщу женщину. Спасибо тебе, что столько пожила, помаялась с хозяйством нашим. Мы с Алешкой привыкли к тебе, вроде родной ты нам стала.

Матрена подумала и ответила:

— Ладно. Неделю еще проживу у тебя, а больше не могу, не взыщи. А ты вот что, друг любезный Кирилл Алексеевич, жениться тебе надобно. Не то плохи твои дела будут. Разоришь свое хозяйство, прахом пойдет. Какую-нибудь шляющую няньку найдешь, что хорошего из того получится? Ничего. Парнишку твоему не нянька нужна, а мать. Материнской ласки он просит. А кто ему даст ее? Твоя жена. Да что говорить, раз нет хозяйки в доме, нет ни порядка, ни достатка. Правильно я говорю или нет?

— Правильно, Матрена Захаровна, правильно, — вздохнул Кирилл.

— Я тебе без обиняков скажу: женись на моей Лепестинье. Девка она в самом соку, нынче двадцатый пошел. И с лица не дурна, и характером покладиста, а уж хозяйка — хоть куда. Это я могу не хвастаясь тебе сказать. Хорошей была бы тебе Лепестинья женой, людям на зависть. А Алешеньку она, как родного сына, примет к своей груди, обласкает... Подумай, Кирилл Алексеевич. Не пустое тебе говорю.

Кирилл ответил не сразу. Он сидел, повесив голову, собираясь с мыслями.

Матрена Захаровна забеспокоилась:

— Что ж молчишь? Аль не нравится тебе Лепестинья?

— Что ты, что ты, Матрена Захаровна. Очень нравится мне Лепестинья. Не о том я думаю. Вы люди богатые, а я? Видишь, какие мои достатки... Старики недаром говорят: бедный муж у богатой жены — в подворотню лазит... А я хоть и скудно живу, но все ж привык в ворота ходить.

— Напрасно ты так толкуешь. Не при чем тут богатство. Была б промеж вас любовь да согласие, а богатство — дело наживное. Вы оба молодые, потрудитесь — вот и богатство у вас. Одно скажу тебе, Лепестинья будет тебе покорной женой, а сыну твоему — родной матерью.

— А сама-то Лепестинья, может, и не думает обо мне...

— Что ты! Она с радостью пойдет за такого молодца. Об этом тебе нечего заботиться.

Матрена поднялась и подала руку Кириллу:

— Значит — по рукам?

Кирилл тоже встал и пожал ей руку.

— Выходит, по рукам. Только все же Лепестинья...

— Говорю тебе, не думай об этом. Моя забота... Лучше потолкуем о свадьбе. Хозяйство твое оттяжки не терпит. Сразу после покрова свадьбу и сыграем.

* * *

Пришла ясная прохладная осень. Заимщики и араты убрали хлеба. Над золотистыми щетками жнивья и побуревшей травой — то тут, то там вспыхивают фонтанчики зерна — это провеивают на ветру зер-

но. А возле заимок погромыхивают решетами «сортовки», очищая тяжелые пшеничные зерна от семян сорняков.

Только богатые заимщики имели конные молотилки, остальные молотили хлеб по-тувински: раскладывали по кругу на утрамбованную землю снопы и гоняли по ним лошадей или быков.

Кирилл еще не имел своего амбара, поэтому намолоченное зерно засыпал в яму в земле, как это делают араты. Ему еще далеко было тянуться до тех заимщиков, у которых кладки хлеба оставались до весны. У них по двадцать-тридцать десятин посевов, а Кириллу с одной десятины нечего было оставлять на зиму.

— Ничего,— говорила Матрена,— не одним хлебом богатеют люди,— займешь у Медведева товару, будешь приторговывать с тувинцами, дела-то пойдут, как по маслу... Сам не умеешь торговать,— Лепестинья может этим заняться, она к торговле привычна. С Лепестиньей дам тебе пару коней, при твоём хозяйстве это будет большая подмога. Конечно, придется работника держать,— одному-то трудно со всем управиться. У тебя есть кто на примете? Вот хоть тот же Торлажик, найми его, пусть он тебе помогает...

День за днем наговаривала Матрена своему будущему зятю, как правильно вести хозяйство, как на копейку рубль наживать...

Поверил ей Кирилл, поверил в свое будущее богатство.

В покров Кирилл справил свою вторую свадьбу. Большая часть забот выпала на долю Матрены. Поп жил в селе Усинском и на заимки, разбросанные по Уюку и Турану, наезжал осенью и веснами. От заимки к заимке трусили они с дьячком, отпевали давно похороненных покойников, крестили полугодовалых ребятишек, отпускали за барана любой грех, причащали брусничным соком с малой толикой патоки... Самое выгодное дело для попа были свадьбы. В зависимости от зажиточности и нетерпения брачующихся, он назначал плату. Венчание совершалось в Усинской церкви.

Гурьяновская свадьба была не из пышных, но Матрена постаралась не ударить в грязь лицом перед соседями. Пять троек прошумели-прогремели по окрестным деревням и заимкам, которых почему-то много оказалось на пути свадебного «поезда».

Когда кончились пьяные празднества, для Алеши наступило счастливое время... Отец и мачеха были к нему внимательны, ласкали, баловали. Не зная своей матери, мальчик скоро привязался к Лепестинье и полюбил ее, как родную.

Иногда его увозили к бабушке Матрене Захаровне, и там веселые девки тормошили его, хватили из рук друг у друга, щекотали и вообще обращались с ним, как с игрушкой. Алеше это не нравилось, и он просился домой. Любил он бывать в юрте у Торлажика. Там он играл с Тажки — своим молочным братом — в коней, бегал и резвился на воле.

Через два года, когда на свет появилась Таня, Кирилл и Лепестинья, сами того не замечая, стали меньше заботиться о мальчике, уделяя все внимание новорожденной. По целым дням он бегал в лесу, в степи, уходил в юрты к знакомым ребятишкам и даже ночевал иногда у них.

Бывало, Кирилл замечал, что Алеша грязен, оборван и не умыт. Тогда он говорил жене с ласковой укоризной:

— Ты, Липа, совсем забыла об Алеше. Посмотри, какой он грязный. Наверное, целый месяц не умывался...

В первое время Лепестинья спохватывалась: вымоет мальчика, причешет, сменит рубашку. Сама сокрушается:

— Да как же это я забыла про тебя! Вот тебе сахарок, покушай.

Но все реже и реже доставалась Алеше ее ласка. Таня росла и завладевала матерью целиком. В три года она делала, что хотела, дер-

гала своего братика за волосы под улыбки родителей, поднимала крик и рев, если мальчик противился таким играм.

Как-то Лепестинья сказала Алеше:

— Тебе уже шесть годов. Перестань бегать где попало, седи дома и водись с Таней.

Жизнь Алеши стала еще хуже. Он не мог поиграть со своими друзьями — тувинскими ребятами. Лепестинья не пускала их даже во двор. Она сумела настроить Кирилла против соседей так, что он перестал дружить с Торлажиком.

— Теперь ты ему не чета,— говорила она мужу,— таких оборванцев вокруг — хоть пруд пруди. Какой он тебе приятель?

Раз во время обеда открылась дверь и в избу вошел Тажи. Обеспокоенный долгим отсутствием своего друга, Тажи пришел проведать его. Он робко остановился у порога и, застенчиво улыбаясь, смотрел на Алешу.

— Ты зачем явился? Кто тебя звал? Проваливай! — закричала на него Лепестинья.

Мальчик повернулся, чтобы уйти. Алеша, сидевший за столом, вскочил и крикнул:

— Тажи! Подожди, я сейчас...

Мачеха ударила его по голове ложкой.

— Молчи! Никуда не пойдешь!

Кирилл заступился за сына:

— За что ты его! Нельзя так бить мальчишку, хоть он тебе и не родной.

Он погладил сына по голове и пообещал:

— Расти скорее, будем с тобой на охоту вместе ездить. А ты — обратился он к жене,— подумала бы, с кем же Алешке играть? У него друзей одни только тувинята, русских-то ребятшек на пять верст вокруг нету.

— Пускай с Танькой играет,— огрызнулась Лепестинья.— Нечего по юртам шляться, вшей набирать.

— Нет, видно уж неродная, так неродная и есть...— с досадой проговорил Кирилл и вышел из-за стола.

Тажи уже не было. Вместо него на пороге стоял сам Торлажик. Он молча оглядывал избу, будто впервые зашел в нее.

— За что моего парнишку выгнал?

Кирилл кивнул на жену.

— У нее вот спроси...

— Разве ты, Кирилл, не хозяин в своем доме?

Кирилл хотел что-то ответить, но Лепестинья предупредила его, подошла вплотную к Торлажику и, подбоченившись, спросила:

— А ты кто такой? Сват? Брат?

Торлажик даже не взглянул на нее. Он продолжал, обращаясь к хозяину:

— Не думал я, что ты так легко выбросишь нашу дружбу. Женился на богатой — и друга забыл. Ты выгнал моего сына — это все равно, что меня самого. Разве добрые соседи так делают? Когда умерла твоя жена, мы приняли ее мальчика, как родного...

Упоминание о Настеньке окончательно вывело из себя Лепестинью, она истошно закричала на мужа:

— Чего стоишь? Гони его в шею! Гони, чтоб глаза мои не видели его!..

— Меня гнать?! — вскипел Торлажик.— Я сам уйду. Пускай вам волки будут друзьями!

Он вышел, не закрыв за собой дверь...

С охоты Кирилл вернулся поздно вечером. Таня уже спала, Алеша не хотел ложиться — дождался отца, обещавшего привезти ему козынь рожки. Когда отец вошел в избу, он бросился к нему с радостным лицом и, ухватив полу отцовского полушубка, спросил:

— Тятя! Привез рожки?

— погоди, сынок, дай раздеться. Да не прижимайся, видишь, полушубок запачканный. Рожки завтра получишь, сам выберешь, какие тебе понравятся.

Кирилл разделся и, подхватив Алешу под мышки, приподнял над полом.

— Ишь, какой большой стал за три-то дня, пока я охотился! И весь-то ты в свою мать... Видела бы Настенька...

Лепестинья вскочила, бросила шитье на пол, убежала в горницу.

— Ты чего, Липа,— удивился Кирилл, оставил сына и поспешил за ней.

Лепестинья лежала ничком на кровати, плечи ее нервно вздрагивали.

— Что с тобой?— спрашивал он в полном недоумении.

— Ничего. Иголкой палец уколола...

Не сказала, какую боль причиняет он ей каждый раз, упоминая имя первой жены. Не открыла, какая дикая неприязнь в это время поднимается в ее сердце против пасынка...

Все чаще стала бить Лепестинья мальчика. Первое время тайком, а потом и на глазах Кирилла. Он иногда заступался за Алешу, но мачеху это только еще больше раззадоривало.

Больше всего Алеша страдал от холодности отца. День ото дня Кирилл становился суровее к нему, все реже слышал мальчик ласковое отцовское слово. Алеша убегал в соседние юрты. Домой являлся только вечером. По-тувински он говорил лучше, чем по-русски, потому что среди товарищей его игр не было ни одного русского. Часто в разговоре он вставлял в русскую речь тувинские слова, за это Лепестинья рвала ему уши и шипела:

— Соетенок паршивый! Совсем нехристом стал, по-русски разучился говорить!

Был у Алеша веселый друг — собака Шарик. Отец привез его в рукавице и вытряхнул щенка прямо под ноги ошеломленному мальчику. С тех пор Алеша не расставался с ним.

Чтобы попасть к Тажи, Алеше надо было пройти вдоль берега и перейти по свалившейся лиственнице на ту сторону реки. Шарик следовал за ним, повизгивая от страха, он тоже переходил по дереву и, спрыгнув на землю, с громким лаем носился по полю. Возле юрты их встречал Тажи и обязательно сообщал какую-нибудь новость. Иногда он, размахивая попавшим в петлю сусликом, хвалился:

— Эй, Алешка, смотри, какого я большого ургана поймал!

Осенью ребята устраивали охоту на куропаток. Рано утром, стараясь быть незамеченным мачехой, Алеша убегал к Тажи. Из старого бредня они сооружали ловушку и загоняли в нее выводок куропаток, которых по долине было множество.

... В воскресный день Кирилл уехал на соседнюю заимку на гулянку. Лепестинья осталась домовничать с ребяташками. Дети играли в коней. Таня обуздала Алешу веревочкой и ездила на нем из кухни в горницу и обратно. На всем скаку лихой рысак запнулся за порог и растянулся на полу. Наскочившая на него с разбега, Таня ударилась носом в Алешину голову и заревела.

И надо же было так случиться. Когда Лепестинья схватила Таню

на руки и начала причитать над ней, в дверях показался Кирилл. Пошатываясь, он прошел к столу и сел на лавку.

— Чего ревете?— заплетающимся языком спросил он.

— Полюбуйся на работу своего сынка: девчонка вся в синяках, он ей косточки переломал, варнак...

И хотя все косточки у Тани были целехоньки и даже синяков не было, пьяный Кирилл поверил жене. Он снял с себя тяжелый шелковый пояс и хрипло позвал Алешу:

— А ну-ка, поди сюда!..

От страха у мальчика ноги будто приросли к полу, и он с ужасом смотрел на отцовскую руку, в которой дрожал и переливался всеми цветами радуги широченный пояс. Он видел, как отец одним ударом этого пояса убил однажды напраказившую кошку...

— Поди, говорю, сюда!— дико крикнул Кирилл, вскочил с лавки и, схватив мальчика за плечи, сунул его голову себе меж ног. Сдернув с Алеши штанишки и задрав рубашку, отец начал его хлестать изо всех своих пьяных сил... Алеша извивался в его руках, умолял:

— Тятенька, миленький, за что ты меня бьешь! Не бей меня! Ой, больно!..

Лепестинья бегала вокруг и иступленно кричала:

— Так его, так!..

Вдруг Алеша перестал плакать, его маленькое тело обмякло и повисло в руках отца. Кирилл разжал колени, и Алеша упал ничком с неловко подвернутой рукой...

Лепестинья зачерпнула ковш воды и брызнула на пасынка. Алеша очнулся, заплакал и пополз под стол...

Кирилл стоял посреди избы и пьяными, налитыми кровью глазами следил за сыном. Потом он подошел к жене, замахнулся на нее кулаком, но не ударил, лишь скрипнул зубами и угрожающе произнес:

— У-ух ты-ы!..

* * *

Рано утром Лепестинья зажгла лампу, оделась и разбудила мужа.

— Ты по сено собирался, кажись... Светать скоро начнет. Вставай.

Она отрезала хлеба и, взяв подойник, пошла доить коров. Кирилл тоже встал и поспешно вышел. Запрягая лошадей, он вспомнил вчерашнее и ему стало не по себе. Вернулся в избу, постучал кнутовищем по доскам полатей и позвал:

— Эй, мужик, поедем по сено!

В другой раз Алеша кубарем скатился бы с полатей,— он любил ездить по сено, за дровами, куда угодно, только бы с отцом, а на этот раз даже не отозвался.

— Молчишь? Обиделся? Ну ладно, спи. Поеду один.

Начались уже первые ноябрьские морозы. Снегу было еще мало. Сегодня выпал небольшой, но если поднимется ветер — оголится земля и опять на саях нельзя никуда поехать... Кирилл не спешил. Он ехал без дороги, прямо через замерзшее болото, выбирая путь меж островками высоких кочек. Когда выехал на степь, сани то и дело стали скрежетать на плохо прикрытых снегом камнях. Кругом было пустынно: ни юрт, ни скота, ни людей.

На душе у Кирилла было беспокойно. «Зря избил парнишку... Обиделся, даже по сено не поехал. Вот чертова баба, сбила меня с толку...» Подъехав к зароду, привязал коней и разобрал одну сторону остожья. Накладывая пласты слежавшегося сена на сани, Кирилл продолжал думать о сыне. Подрастет Алешка, будем вдвоем работать... Завтра съезжу к Медведевским, куплю ему новую шапку...»

Солнце показывало уже послеобеденное время. Ворота открыла Ле-

пестинья. Когда Кирилл провел лошадей во двор, сзади раздался голос жены:

— А Алешка где?

Кирилл обернулся, в недоумении посмотрел на жену. Что-то защемило в груди, кровь ударила в голову.

— Так ведь он дома остался. Со мной не поехал.

— Не знаю, куда он мог деться... Юрт теперь нету, разве к нашим упорол... — растерянно говорила Лепестинья.

Не сметывая сена, Кирилл распряг лошадей и привязал на выстойку, а сам поспешил за Лепестиньей в дом.

— Когда хватилась-то его? Рассказывай по порядку.

— Только ты выехал, я зашла в избу с ведрами и стала цедить молоко в кринки. Слышу, Таня заплакала. Я крикнула Алеше, чтобы поводился с ней. Он молчит. Я громче сказала. Опять молчит. Заглянула на полаты, а его и след простыл... Туда, сюда, все обыскала, нигде нету. Ну, думаю, значит с тобой уехал. И Шарика дома нет, видно, с ним убежал...

Кирилл собрался на поиски. Расхомутив одного коня, набросил на него седло, выехал за ворота. Вскоре наткнулся на следы беглеца: на снегу видны были отпечатки маленьких валенок. Они вывели Кирилла на берег реки. Впереди зачернела большая полынья. Следы шли прямо к ней, но у самого края потерялись — их затоптали овцы, которых кто-то недавно прогнал через реку.

Кирилл долго кружил возле реки, пытаясь «обрезать» след, но тщетно. В горы уходила широкая тропа, испещренная сотнями овечьих ног. Кирилл проехал по ней до самого ущелья, где она поднималась к далеким зимникам, но Алешиных следов так и не нашел. Он повернул на заимку к Матрене.

Солнце уже укладывалось на ночлег. Красно-зеленый закат его обещал морозную ночь и ясный завтрашний день.

— Здравствуй, здравствуй, зятек дорогой! Далеко ли покатыл?

— К вам я. Алеша у нас потерялся. С утра его нет...

— Мать пресвятая богородица! Да куда же он делся, как это вы не углядели?

— Думал, у вас он, но, видно, зря ехал...

— Да ты проходи в дом...

— В другой раз. Поеду по заимкам, может, кто и видел его...

Подъезжая к дому, увидел в окнах свет. Мелькнула надежда: «Может пришел, чай пьет...» Кирилл подстегнул лошадь. Рысью въехал во двор и, привязав коня, торопливо вошел в дом.

За столом сидели Лепестинья и Таня, Алеша не было.

— Не нашел? — спросила Лепестинья.

Кирилл не заметил беспокойства в голосе жены и поэтому ответил грубо:

— Спрашиваешь, будто телка, а не сына искал... Из-за тебя, из-за твоей злости избил парнишку... Куда теперь идти? Где искать?

Переменив коня, Кирилл опять уехал на поиски сына. Вернулся перед утром. Он объездил ближние заимки, замучил коня, но об Алеше ничего не узнал, его никто не видел. Мрачный, разбитый душой и телом, Кирилл бросил на пол доху и, не раздеваясь, лег.

На заре Лепестинья затопила печь, подбила в квашне опару и пошла с подойником во двор. Легкий пуховый снежок припорошил землю. Начинался рассвет. Было морозно. Воздух казался подсиненным и легким.

Спускаясь с крыльца, Лепестинья чуть не упала, запнувшись за Шарика. Тот жалобно заскулил, пытался вскочить, но не мог.

— О, чтоб тебя лешак забрал! — испуганно вскрикнула она и хо-

тела пнуть Шарика ногой, как вдруг увидела на белом воротнике собаки темные сгустки крови.

— Господи исусе! — зашептала она, роняя подойник. — Кирюша! Кирюша! Выйди скорее, посмотри, что с Шариком!..

Кирилл выскочил в одной рубашке и наклонился над собакой.

Шерсть у Шарика обледенела, торчала клочьями, шея и спина вспухли и кровоточили. Он тихо повизгивал и все делал попытки приподняться.

Заметив, что Кирилл не одетый, Лепестинья сбегала в избу, принесла полушубок.

— Надень, Кирюша, простынешь.

Кирилл отмахнулся от нее и пошел к воротам, куда вел след приползшего Шарика. У подворотни темнела кровь. Дальше след терялся под свежавыпавшим снегом.

Подавленный, сгорбившийся Кирилл вернулся в избу. Проснулась Таня. Увидев отца, сидевшего у стола с поникшей головой, она обратилась к нему на колени и спросила:

— Тятя, Алеску волки съели? Ага?

Лепестинья прикрикнула на нее:

— Чего ты мелешь, дурочка, беду накликаешь!..

— Накликали уже!.. — с болью в голосе проговорил Кирилл и еще ниже опустил голову.

В тот же день Шарик околел. Кирилл вывез его в степь и положил под куст караганника.

Много дней и ночей провел Кирилл Гурьянов в пути, разыскивая сына. Он объездил все займки по Уюку, стойбища аратов, но никто не мог утешить несчастного отца даже маленькой надеждой. Отчаявшись, он нанял усниского попа отслужить молебен «за упокой души отрока Алексея». Устроил поминки и с тех пор начал беспробудное пьянство.

Покатился Кирилл под гору... Потекло его хозяйство вместе с приданным жены в разные стороны. Распродавал добро и заливал свое горе вином до тех пор, пока не оказался нищим. Все, что было накоплено годами труда, — промотал, пропил в одну зиму.

Похудела, осунулась Лепестинья. Познала она горькое житье с мужем-пьяницей. Бил ее Кирилл смертным боем.

Не вынесла Лепестинья такого житья, бросила дом, взяла Таню и ушла к матери.

Отвернулись от Кирилла друзья-займщики. Увидев его, запирали ворота, спускали с цепи собак, а при встрече сворачивали в сторону. Новых друзей нашел Кирилл в кабаке за бутылкой «монополки». Встретился ему старый приискатель Наумов, сговорились и ушли искать счастья в горы, в тайгу...

Прошел год, и два, и пять... Бродила по Саянам, продираясь сквозь дикие дебри и глухие ущелья, артель вольных золотоискателей. Жизнь артели — то веселая, сытая, пьяная, то голодная и нищая... Полтора десятка людей объединяла страсть к золоту, к вольной жизни бродяг.

В те времена чаще всего оправдывалась пословица: «На ловца и зверь бежит». Долго бродила артель в поисках золотого счастья и где-то на окольных путях повстречала белогвардейскую банду. Прихватили бандиты артельщиков с собой и стали таскать по тайге, заставляя добывать золото на пользу разбойной шайки...

Кусали локти артельщики, ругались меж собой: «Не хотели, дураки, продавать золотишко за деньги, так теперь задаром отдаем...»

* * *

Уснул Алеша в тот злополучный вечер не скоро. Уткнувшись в подушку, он неслышно плакал. Иссеченная спина сильно болела, но еще сильнее болела тяжело раненная душа его. Он не мог понять, почему отец

избил его ни за что. Нет, плохо жить на этом свете... Бабушка Матрена Захаровна говорила, что где-то есть «тот свет». Всегда там светло, тепло, никто не дерется и не ругается...

На полатах, где лежал Алеша, было жарко. Над головой на потолке шуршали тараканы и часто падали — то на грудь, то на лицо, бегали по шее. Раньше он не сильно пугался их, — ловил и бросал на пол, а теперь вздрагивал от каждого прикосновения. Скорее бы светало — думал он, вглядываясь в тусклый квадрат окна... И когда, наконец, окно засинело, Алеша тихонько спустился с полатей.

Боясь кого-нибудь разбудить неосторожным движением, ощупью разыскал валенки, полушубок и шапку. Оделся, подпоясался стареньким шарфом, взял со стола калач и, сунув его за пазуху, бесшумно выскользнул во двор.

У крыльца Алешу встретил Шарик. Он прыгнул мальчику на грудь и, лизнув подбородок, с визгом понесся к воротам.

Алеша не знал, куда ему идти. Ему было все равно, лишь бы подальше от мачехи, от пьяного отца. Вопрос решил Шарик, — он побежал к речке, куда чаще всего бегал с Алешей. Мальчик последовал за ним, боязливо оглядывая черные кусты караганника.

Займки было уже не видно — ее скрыли перелески и тополя, а мальчик все оглядывался, опасаясь погони. Но вокруг никого не было, лишь белая морозная пустыня расстилалась впереди и позади.

На востоке из тумана показалось холодное солнце. На снегу то и дело попадались следы зверьков. Одни бегали тут ночью, другие только что оставили отпечатки своих лапок. В другое время Алеша пошел бы по следам колонка, искал бы его нору, а сейчас он шел, не останавливаясь, все дальше и дальше.

Впереди на реке показалась большая полынья. Алеша спустился на лед и стал смотреть в темную пропасть бурлящей воды... Возле кромки полыньи на снегу отпечатались крупные лапы. Отец однажды показывал ему такие следы и говорил, что это волчьи. Волков Алеша видел только мертвых, которых отец привозил с охоты. Он не боялся их, даже гладил по шерсти, а сейчас холодный страх сжал маленькое сердце...

— Шарик, Шарик! — позвал Алеша, беспомощно озираясь вокруг. И когда тот вылетел к нему из кустов, мальчик обнял его и заторопился на берег.

Вскоре они наткнулись на тропу, уходящую в горы. Не раздумывая, Алеша пошел по ней. Солнце было уже высоко, когда тропа вступила в узкое ущелье, где протекал незамерзающий ручей. По берегам росли тополи. Возле одного из них Алеша сел отдохнуть. Вынул калач, разломил его пополам и протянул половину Шарик. Тот немедленно разделался с ней и, облизываясь, стал смотреть на Алешу, ожидая, не перепадет ли ему еще кусочек...

Солнце склонилось к закату, а мальчик и собака все шли и шли, углубляясь в горы. В одном месте тропа раздвоилась. Шарик побежал влево, Алеша машинально последовал за ним. Путь здесь оказался более тяжелым: снег, перемешанный с песком, сильно затруднял движение, и скоро мальчик уже еле-еле волочил ноги. Даже Шарик потерял свою жизнерадостность — не бегал по сторонам, не прыгал и кое-как плелся впереди своего хозяина.

Ущелье суживалось, лес остался далеко внизу, крохотный ручеек то показывался из-под снега среди камней, то вновь скрывался, уходил в землю. Стало темно, и на небе засверкали звезды. Подул встречный ветер.

В свистящем шуме ветра Алеше вдруг послышались какие-то особенные звуки. Он не сразу, но все же догадался, что это воют волки.

Он слышал их песни вечерами, когда целыми стаями они собираются в зимнее время к заимке.

Дрожь пробежала по всему телу мальчика, он заторопился, тратя последние силы. Шарик совсем струсил: пропустил вперед Алешу и с поджатым хвостом пошел сзади.

Из-за скалистой горы взошла луна и осветила мрачное ущелье. Впереди слева показался отлогий склон, по которому вилась чуть приметная тропка. Вдруг Алеша увидел, что прямо на него, окутанные снежной пылью, стремительно несутся со склона два громадных зверя. Алеша в ужасе закричал, замахал руками, хотел бежать, но споткнулся и упал лицом в снег...

* * *

Семья готовилась к долгой суровой зиме. Ранним утром Торлажик с сыном направились за дровами в тайгу. Отец посадил Тажи на лошадь, а сам поехал на быке, второго быка он погнал впереди себя.

День осенний короткий, многого не сделаешь. Не так уж далеко лес от зимника, а больше одного раза не съездишь до него. Тажи еще маленький, ему всего семь лет. И хотя он храбро берется за листовничные кряжи, чтобы привьючить их, но силенки у него хватает только на то, чтобы покряхтеть... Торлажик берет с собой сына, чтобы он больше увидел, больше узнал, да и веселее с ним.

Кряжи были заготовлены Торлажиком еще с весны, составлены вокруг толстого дерева и за лето хорошо просохли. Пока отец навьючивал их на быков, Тажи ходил по лесу, присматривался и прислушивался.

Возвращались вечером. Пустив навьюченных быков вперед, отец и сын ехали вдвоем на лошади позади. Лес, куда они ездили, был выше зимника, поэтому обратный путь, даже с грузом, показался короче.

Пока Торлажик развьючивал быков, Тажи не отходил от него, делая попытки хоть чем-нибудь помочь отцу.

— Иди в юрту, грейся! — посылал его отец.

— Не пойду. Тебе одному не управиться.

Соржумаа готовила ужин. В чай надо было налить молока. Она взяла из шкафа деревянное ведерко, заглянула в него и, сокрушенно покачав головой, тихо проговорила:

— Последние капли... Теперь до весны будем без молока.

После ужина каждый занялся своим делом: Торлажик — починкой вьючного седла, Соржумаа — шитьем, а Тажи, пристроившись у порога, мастерил ловушку на колонка.

Было уже совсем поздно, семья собиралась ложиться спать, когда за стеной юрты заворчали собаки и с громким лаем бросились под гору к ущелью.

Все прислушались.

— Кто-то едет, — сказал Торлажик. — Ну-ка, Тажи, посмотри.

Тот поспешно вышел. Высоко в небе стоял месяц и призрачным голубоватым светом освещал заснеженные горы. Тажи прислушался. Из ущелья донесся слабый детский крик. Схватив первую попавшуюся хвостину, он бросился вниз к ручью.

На снегу сидел маленький человек. Тажи издали крикнул:

— Ты кто? Зачем тут ходишь, тебя собаки разорвут...

Маленький человек ответил плачущим голосом:

— Я волков боюсь...

Тажи по голосу узнал своего друга и бросился его поднимать.

А сверху к ним уже спускался Торлажик. Вместе с Тажи они привели обессиленного Алешу в юрту. Едва Соржумаа успела напоить его чашкой горячего чая, как он в ту же минуту заснул.

Торлажик бережно снял с него полушубок и валенки, положил мальчика на кошму и укутал меховым одеялом.

Во сне Алеша плакал, просил кого-то не бить его, звал Шарика...

Утром Торлажик оседлал коня и собрался в дорогу. Алеша проснулся, непонимающе посмотрел вокруг и спросил:

— А Шарик где?.. А волки убежали?.. Тяти нету здесь?..

Соржумаа пощупала его голову.

— У него сильный жар, — сказала она мужу. — Надо ехать скорее за Кириллом...

Услыхав имя отца, Алеша испуганно закричал:

— Нет, нет, не надо! Он опять будет бить меня... Я не поеду домой, я у вас буду жить...

Соржумаа и Торлажик переглянулись. Они и раньше знали о невеселом житье мальчика. Особенно жалела его Соржумаа.

— Не езд, — сказала она мужу. — Пускай мальчик отдохнет у нас.

Несколько дней Алеша не вставал с постели. Иногда он бредил, кликал Шарика, просил спрятать его от отца... Когда ему стало лучше, Торлажик спросил:

— Домой поедешь?

— Не поеду. Я с Тажи буду жить, с вами...

— А если за тобой отец придет?

Мальчик не задумываясь ответил:

— Я убегу в горы... Отец сильно бил меня. Вот... — Алеша завернул рубашку и показал спину.

Соржумаа всплеснула руками:

— Я никогда не думала, что люди могут так бить детей! Волчица и та бережет своих щенят... Пусть у нас будет два сына. Прокормим. Как ты думаешь, старик?

— Я тоже так думаю.

* * *

Прошло одиннадцать лет. Алешу звали уже не Алешей, а Элескеем. Тажи и он выросли, возмужали. Торлажик и Соржумаа относились одинаково к обоим, стараясь воспитать их добрыми и трудолюбивыми.

Постепенно Алеша забыл все, что он пережил в раннем детстве. Бывало, лишь случайно сказанное русское слово встревожит Алешино сердце, и тогда всплывут в его памяти неясными далекими видениями отец, бабушка... Задумается мальчик, но вскоре и успокоится. Ведь детские тревоги так коротки.

Пока Тажи и Элескей росли, жизнь в уэсской долине, да и во всей Туве резко изменилась. Не стало чиновников, купцов, исчезли богатеи-заимщики. Народная власть освободила аратов от байской кабалы, уничтожила феодальные порядки.

Но в горах и по тайге бродили недобитые еще остатки байских и белогвардейских банд. Они нападали на аратские хозяйства, угоняли скот, вредили, как только могли.

Поздней осенью во время белкованья Тажи и Элескей от верховья реки Уюк перебрались к истоку речки Веселой. Туда редко заходили охотники из-за отдаленности. Увлечшись промыслом, ребята спустились вниз по речке почти до старого заброшенного прииска, о существовании которого они ничего не знали.

Ночевать остановились возле талого ручья в густом ельнике. Вскоре они заметили, что их собаки ведут себя беспокойно, то и дело вскакивают и, наострив уши, прислушиваются.

— Наверно, медведь ходит... — сказал Тажи. — Кто-нибудь напугал его или выгнал из берлоги, вот он и бродит всю зиму по тайге, злой...

Когда стемнело, ребята увидели на небе зарево. Элескей захотел посмотреть, взобрался на дерево и вдруг крикнул:

— Тажи, лезь скорее сюда! Посмотри, сколько народу...

В полуверсте от них лес расступался, и на образовавшейся поляне горело много костров. Вокруг них толпились люди, одни ходили, другие стояли или лежали у огня. При свете костров были видны избушки и другие постройки.

— Это, наверное, деревня какая-нибудь, — предположил Тажи. Элескей сказал:

— А может, разбойники? Или банда, о которой нам рассказывал отец?

В один из солнечных дней марта Элескей и Тажи вызвали в сумонное управление. Пожилой военный расспросил ребят о том, что они видели в вершине Веселой, как туда лучше и быстрее проехать. Потом предложил:

— Пойдете к нам в отряд проводниками?

* * *

Тайга была еще в снегу. Но от приисковых построек и от размяченной земли пахло нагретой солнцем кедровой смолой, подгнившей древесины и оттаявшим мхом. Почва под ногами прогибалась, точно резиновая, сочилась снеговой водой и щетинилась чуть приметными ростками травы. Вокруг — на бревнах, на пнях, на крышах землянок — сидели люди. Одни спокойно разговаривали, другие спорили, иные ругались, потрясая в ярости кулаками.

Гурьянов, Наумов и несколько артельщиков в полуземлянке играли в карты. Вместо денег перед ними лежали кучки рассыпного золота. Меркой, которой охотники отмеряют порох и дробь, игроки насыпали золота на кон.

— Ты опять целый фунт наиграл! — с завистью сказал один из игроков, обращаясь к Кириллу. — Счастливый ты, видать, человек...

— Дай бог тебе такого счастья! — зло откликнулся Гурьянов и подгреб к своей кучке золота весь кон. — Было счастье, да все вышло. Семьи нет, один, как сыч... Эх!..

— Кто ж тебя неволит, поезжай в жилое место и женись...

Тронув рукой клочковатую с проседью бороду, Кирилл усмехнулся:

— Нашел жениха... Видишь вот: были русы, да стали бусы...

Снаружи кто-то крикнул:

— Эй, Гурьянов! Поди сюда!

За дверями стоял казак в синих штанах с лампасами.

— Чего тебе? — недовольно спросил Кирилл.

— Поймали какого-то чудака: морда наша, русская, а одет по-советски. Спрашиваем: мол, ты кто? — молчит, как воды в рот набрал...

— Веди к начальству. я-то при чем?

— Так ты же по ихнему мастак говорить. Поди поспроси его, зачем они тут ездили. Их двое было. Под этим коня подбили, а тот ускакал.

Навалившись на дерево, пленник сидел, низко опустив голову. Руки его были связаны за спиной, растрепанные грязно-русые волосы закрывали верхнюю часть лица. Казалось, он спал.

Кирилл пошевелил пленника ногой и спросил по-тувински:

— Кто такой? Откуда?

Тот испуганно вскинул голову и широко раскрытыми глазами посмотрел на него.

— Ну, чего уставился... — начал было Кирилл и осекся. Кровь отлила от его лица, он сделался белым, как снег. — Боже мой! — дрожа-

щим голосом проговорил он.— Неужели... Неужели это ты, Алешенька?! Неужели ты, сынок мой!..

Губы пленника дрогнули, он опустил глаза.

Кирилл бросился к нему и стал развязывать веревки на его затекших руках, бессвязно бормоча: — Да откуда же ты взялся, Алешенька? Где ж ты был-то?.. У-у, стервы, как затаяли мальчику руки!.. Ну скажи мне хоть словечко, Алешенька!..

Освободив Элескея от веревок, Кирилл хотел обнять сына, но тот с ужасом отшатнулся от него и вскочил на ноги.

У Кирилла опустились руки. Он жалостно, с укором сказал:

— Пошто так, сынок? Давай поговорим. Ведь, почитай, больше десятка лет не видались...

Элескей продолжал молча стоять, отвернувшись от отца.

Кирилл, не отрываясь, смотрел на него. В выцветших глазах отца была растерянность и душевная боль. Две слезинки капнули на бороду и скрылись в ее дремучей седине. Он все спрашивал:

— Где же ты был, сыночек? Где скрывался от меня? Как же все случилось, где вырос ты, кто тебя вспоил-вскормил? Ты забыл наш язык, не понимаешь по-нашему? Ну, говори по-тувински. Я вижу, ты меня узнал, так почему же молчишь, почему кознишь меня?

Элескей все так же молча смотрел мимо отца, только крепче прижимался к шершавому стволу дерева. Можно было подумать, что он совсем не слышит голоса отца, или не понимает его, но серая бледность лица и нервная дрожь, пробегавшая по худощавому телу, выдавали его волнение.

А Кирилл продолжал:

— С тех пор, как ты потерялся, таскаюсь я по белу свету... Ни дома у меня, ни родных... Вот ты нашелся, а не хочешь сказать отцу ни доброго, ни злого слова...

Кирилл не замечал, что вокруг собралась уже толпа любопытных. Быстрым военным шагом подошел высокий человек в офицерской шинели.

— Что тут за спектакль? — резко спросил он. — Почему шпиона развязали, кто распорядился?

Из толпы ответили:

— Какой он шпион, это сын Гурьянова...

— Сын или не сын, — это не имеет значения. Ширнев! — немедленно веди его на допрос, — приказал он стоявшему тут же казаку. — И ты, Гурьянов, тоже иди.

Он повернулся и таким же четким шагом быстро удалился.

Казак подобрал с земли веревку и, подойдя к Элескею, с усмешкой сказал:

— А-ну, шпион, складывай ручки назад...

— Брось, Ширнев! — грозно сказал Кирилл, становясь между казком и сыном. — Я беру его на поруки. Дай сюда веревку!

— А может, тебя вместе с твоим сыном связать? — нагло спросил казак, похлопывая нагайкой по голенищу.

Из толпы вышел Наумов, выдернул у Ширнева из рук веревку и стал рядом с Кириллом:

— Сходи-ка, спроси у своего офицера, всех будете вязать подряд, или на выбор?..

Казак посмотрел на толпу и, пожав плечами, примиряюще ответил:

— А я что, я исполняю... Айда! — дернул он за рукав Элескея.

Сзади пошли Кирилл, Наумов и еще несколько человек из толпы.

Допрос вел тот же военный. Кирилл переводил его вопросы Элескею. Но тот, как и прежде, делал вид, что не слышит. Офицеру надоела эта игра, и он сказал Кириллу:

— Если это твой сын, в чем я очень сомневаюсь, скажи ему, пусть дурака не валяет... Если к утру не разговорится,— расстреляем. Отдаю его под твою ответственность. Образумь. Своей головой отвечаешь за него. Идите.

На ночь Элескея поместили в полуземлянке, где жили Кирилл, Наумов и другие золотоискатели.

Прошел слух о возможном нападении красных партизан. Наумов пошел по избушкам — послушать, проверить слухи. Когда стемнело, вернулся и сообщил:

— Удирать собираются наши вояки. Барахлишко из амбара суют в тюки и по рукам раздают своим. Что-то они от нас скрывают! Уж не хотят ли нас пощипать насчет золотишка? Как бы не пришли они нас, ребята. Надо ухо остро держать!

С рассветом началась стрельба. К артельщикам заскочили два вооруженных казака и приказали:

— Все в строй, быстро! У кого нет оружия, бегите к амбару, там выдадут.

Кирилл на минуту замешкался, открыл подполье и насильно столкнул туда Элескея. Захлопнув западню, он выбежал вслед за другими.

Вскоре до слуха пленника долетели глухие удары взрывов и крики. Потом все стихло. Он долго прислушивался, стараясь угадать, что произошло там, наверху. Вдруг послышался скрип открываемой двери и кто-то крикнул по-тувински:

— Эй, кто тут есть, выходи!

Элескей поднял головой крышку подполья и выглянул. В бледном свете раннего утра в открытой двери он увидел человека с винтовкой:

— Вылазь! Стрелять буду!

Элескей узнал кавалериста из эскадрона.

— Удукпен! Не стреляй, это я!

Банда была разгромлена. Только несколькими белым удалось выскочить из окружения и скрыться в тайге. Раненых носили и укладывали на сено возле амбара.

Элескей заметил Наумова, сидевшего на земле с забинтованной левой рукой. Правой он поддерживал голову Кирилла. Кирилл открыл глаза и, увидев сына, едва слышно проговорил:

— Сынок... Алеша... Прости старого...

Со страхом и жалостью глядел Алеша на опухшее окровавленное лицо отца и вдруг, повинувшись безотчетному порыву сердца, наклонился над умирающим, дотронулся до бессильно повисшей руки его и промолвил дорогое, но давно забытое слово:— Тятя!..

Лицо Кирилла дрогнуло, и посиневшие веки сомкнулись...

Николай РАСТРЕПИН

ЖИЗНЬ ХЛОПОТ ПОЛНА

(Главы из документальной повести)

Отовсюду на степь накатывались волны зноя. Шеминская долина тонула в желтовато-серой мгле, над дорогами висели белесые шлейфы никогда не оседающей пыли. словно само солнце скатилось прямо на холмы, разлилось по ним, спалило растительность. Жесткие травы на потрескавшихся белых солончаках сухо трещали под ногами и брызгали все той же удушливой пылью.

Лишь в поймах рек да в прохладных таежных ущельях стояла густая сочная трава — радость шеминских животноводов. Не только радость, а забота и тревога. Травы переставали, грубели, но дела на покосе шли медленно. Будто умышленно кто ломал тракторы и косилки.

После позднего завтрака, уже намаявшись на многих делах, Куулар летел на маленьком, похожем на кобчика, скакуне в местечко Даштыг-Тей. Там особенно плохо работали тракторы. Кое-кто из механизаторов даже не выходил на работу. Раз уговоры не действуют, значит следует строго проучить кого-то.

Злость закипела в груди председателя, когда он приближался к месту покоса. Опять тракторы стояли. Он осадил коня у ближайшей машины и в то же мгновение соскочил на землю. Из-под трактора виднелись длинные ноги в грязном комбинезоне. Председатель узнал: опять этот Анатолий Зобов... Вот его-то и следует прогнать к чертовой бабушке.

— Когда же косить начнешь? Расплодился бездельники, как суслики в степи.

Зобов медленно выползал из-под машины, отталкиваясь руками и приподнимая густо испачканное мазутом лицо. Молчание и медлительность Зобова еще больше бесили председателя.

— Твои трудодни можно подсчитать по пальцам одной руки, — кипел Куулар. — Эх, ты, тунеядец...

Тракторист, встав на ноги, молчал и ошалело смотрел серыми немигающими глазами. А когда услышал обидное «тунеядец» лицо его передернулось, словно от удара хлыстом.

— Сути дела не знаете, а только кричите, — глухо выдавил Зобов, сдерживая себя.

— Пьянствовать надо поменьше. Тогда и дела пойдут. И трудодни в табеле появятся. Вот в чем суть, — точно короткими автоматными очередями палил Куулар по Зобову.

Глаза тракториста потемнели, он встрепенулся, как раненая птица, с силой бросил на землю промасленную тряпку, которой вытирал руки, и выпалил:

— Если я бездельничаю и пьянствую, то все... То мне наплевать на ваш колхоз!

— Идите, не держу! — Куулар вскочил в седло и поскакал прочь.

Зобов не был членом колхоза, и он, конечно, тут же зашагал в поселок с мыслью подыскать другое место работы. Специалист он хороший — председатель об этом знал.

Поступив так с Зобовым, Куулар хотел пристрастить других. Пусть знают, что он не намерен нянчиться с теми, кто плохо работает. Нет, он не будет добреньким, как прежний председатель!

Два дня не показывался Куулар у механизаторов на покосе. Два дня не утихала в нем буря. Под конец он скорее сердился на себя, чем на трактористов, потому что не мог подавить в себе досаду.

А на третий день все же поехал в Даштыг-Тей. Подмывало желание узнать, как подействовала участь Зобова на других.

Уже много трав было скошено. Уже сгребали сухие рядки в копны. Председатель подчеркнута весело здоровался с механизаторами, хвалил, подбадривал их.

С одним он задержался в беседе.

— Поспешайте, друзья. Там уже хлеба подходят... Ты же, Кодур-оол, не против того, чтобы побольше заработать на пшеничке? — говорил Куулар, глядя в спокойные и чистые глаза собеседника.

— Заработать никто не против. Да и враги мы, что ли, своему урожаю?

Кодур-оол помолчал, потом начал о том, что готовился высказать председателю целых два дня:

— Зря вы так поступили с Зобовым, дарга. Парень он хороший, работающий. А специалист? Другого такого я не знаю. Наговорили вам на него какой-то чепухи. Трудодней он не заработал потому, что больше месяца провозился с разбитым «С-80».

— Зря, говоришь? — насторожился Куулар.

— Зря. Я его давно знаю...

— Как же так, зря? Ведь ваши же односельчане про него сказали, что он пьяница.

— Наговорить могут... Разные люди есть в колхозе.

Как бы предоставляя председателю возможность разобраться во всем самому, Кодур-оол поднялся с травы, где они сидели, сказал.

— Ну, я поехал.

Теперь что-то новое, не менее тяжелое, накопало на сердце Куулара. Он побрел к речке, возке которой щипал траву его конь.

Опустившись на кочковатый берег у топольника, Куулар задумался. Как горяч ты, молодой председатель, как еще неумело разбираешься в людях! В сущности, ты только еще подходишь к ним. Ты больше имел дело с бумагами. Полгода сидел колхозным счетоводом в Чиргаке, еще меньше помощником секретаря в райкоме, потом там же заведовал отделом... Вот только работа в Хорум-Даге кое-что дала. Сушую малость...

Мечется, весело бежит в извилистых берегах говорливая и светлая Шеми, точно успокаивая удрученного неудачами председателя: «Смотри, я едва заметной началась в далеких лесных дебрях, обошла все коряги, пробилась через каменные завалы, пробежала по знойной степи — и не устала...»

А он все больше наполнялся гневом и раздражительностью. Фыркнула рядом лошадь — ему показалось, кто-то подсмеивается над ним. Куулар встал, поднял глаза к полинялому небу. Так захотелось, чтобы в эту минуту налетел грозовой ливень, чтобы хлестал и хлестал по лицу, чтобы стало холодно и больно, чтобы освежил всего насквозь.

Он нагнулся над стремительным потоком и торопливо стал черпать пригоршнями холодную воду, омывать лицо и шею. Потом жадно глотнул несколько раз, смачивая пересохший рот.

Через минуту вскочил на коня, комочком сжался в седле и покачал навстречу жгучему солнцу.

Там, за холмом, гуляет отара Сангыспаа Ховалыга. Вот его уважают не только в Шеми, но и во всей Туве. Крупный, основательный человек этот чабан. Повсюду называют его не полным именем и не по фамилии, а просто — Сангыспаа. И звучит это особенно уважительно. Вот с такими надо советоваться, у таких учиться жизни.

Юрта чабана стояла на открытом месте. Овцы редко рассыпались по сухой луговине, как будто кто-то аккуратно разложил серые комочки. Возле отары была, похоже, жена чабана. Самого не видно.

— Здравствуй, Сангыспаа! — проговорил Куулар, найдя чабана в юрте.

Рад Сангыспаа гостю. Сразу вскочил, кинулся навстречу, приглашая откушать чаю.

Распросив о состоянии отары, Куулар заговорил о том, что его больше всего волновало, что пригнало сейчас к Ховалыгу. Как быть, как поступить, когда дисциплина в колхозе расшатана?

Пожилой чабан любит распашную беседу, особенно когда с ним советуются. Он видел: председатель молод и по возрасту, и по опыту, но не пустозвон какой-нибудь. И уж если напрямик советуется, значит, дела артельные захватили его, значит, приехал он в Шеми не время отбывать...

— Что сказать тебе, друг, — как-то очень серьезно начал Хова-

лыг.— Животные, кажется, все одинаковые, а овечка овечке — рознь. Выходит, даже их надо изучать, если хочешь крепко сбить отару. А люди сложнее... К ним подход нужно иметь.

Держа в ладони широкую, чуть дымящуюся пиалу, Сангыспаа вдруг спросил:

— Ты не охотник?

— Так, немного увлекаюсь, но охотником себя не назову.

— О, какие места у нас есть для охоты,— воскликнул Ховалыг.— Это я так, к слову... В работе с людьми нужна охотничья страсть и такое же терпение. Главное — терпение, потому что люди, сам знаешь, разные, кнутом повиновать не заставишь...

Точно школьник учителя слушал Куулар чабана, разглядывая черты и черточки на его лице. Приметил характерность: после каждого слова или фразы Сангыспаа плотно сжимал губы, отчего лицо становилось строгим, даже надменным. Он как будто постоянно кого-то укоряет в чем-то. Эта черта находилась в противоречии с добротой чабана.

Успокоился Куулар у Ховалыга, исчезло тягостное состояние.

С пастбища он проехал посмотреть хлеба, долго мотался по полям, прежде чем вернулся в поселок. Узнал, что у Анатолия Зобова были в колхозе недруги. Они-то и сплели паутину вокруг него, в которую сразу угодил новый председатель.

Через несколько дней он пошел к трактористам, честно признался в своей ошибке с Зобовым. Это понравилось механизаторам.

— Кто поначалу не ошибается,— высказался Кодур-оол, первый указавший председателю на его несправедливость.

— Вообще-то наш брат может кровь портить,— заметил пожилой тракторист с землистым лицом.

Пошутили, посмеялись и этим окончательно сняли тяжесть с сердца председателя.

В тот же день Куулар навел справки, не уехал ли из поселка Зобов. Оказалось, нет, сидит дома, нигде не показывается. Куулар пригласил его для разговора один на один.

— Извиняй меня, Анатолий Тихонович, за грубый наскок. Взорвался, понимаешь, я тогда... Сам, небось, видел, как трудно шли дела. В горячке и ударил, как говорится, не по цели. Давай, друг, забудем тот случай... Нужен ты колхозу. Возвращайся, механиком поставим.

Долго молчал Зобов, глядя не на председателя, а куда-то мимо. Потом сказал:

— Ну что ж, я вернусь. Только не механиком... Образования у меня нет. Тут ведь инженер нужен...

На этот раз Зобов произвел совсем другое впечатление. Есть в нем что-то мягкое, душевное, искреннее. Даже недавно отпущенные смешные усы делали его еще более добродушным и открытым.

От встречи к встрече, от случая к случаю Куулар стал убеждаться в том, что надо председателю уметь работать с людьми. Часто вспоминал слова Ховалыга. Да, если найдешь нужный ключик к сердцу каждого, успех в твоих руках. Но этих ключиков никто не подает тебе в виде связки. Их надо искать в каждом отдельном случае.

Стало ясно и другое: на первых порах, пока ты не уверен в людях, надо проверять то, что ты им поручил.

Как-то председатель вспомнил, что зоотехнику Максиму Мойдуну поручалось организовать купание овец в тайге Шеми-Бажи. Куулар поехал туда с плотником Иваном Уванхавовичем Кокеем.

На полпути, в чайлаге — ферма. В летнюю пору она пустовала. Можно бы и проехать мимо, но характер у председателя такой, что он непременно заглянет даже в пустой шалаш.

Он открыл дверь в теплушку и от неожиданности оба с Кокеем они

оторопели. На широкой грязной скамье сидели Мойдун и заведующий животноводством Кара-Сал, распивали водку. Не сразу нашелся председатель, что сказать... Подошел поближе и заговорил:

— Хорошее местечко нашли, ничего не скажешь, но не совсем светлое... Придется пригласить вас в более удобное место... К восьми вечера приезжайте на заседание правления.

А по пути с фермы думал: «Что же это такое? Как разобраться? Ведь Максим показался скромным человеком, работягой. Да он и есть такой. Механизатор хороший, любую машину знает... Или это саботаж по случаю приезда нового председателя?»

В Шеми-Бажи выяснилось, что никто и не думал начинать купание свец.

На заседаниях члены правления долго не решались говорить. У всех на лицах отражалась какая-то внутренняя борьба. Не поворачивался язык ни обрушиться на провинившихся, ни защищать их. Куулар это молчание сильно тревожило.

Молчал даже секретарь партийной организации Монгуш. Сенгилуэр Монгуш — человек боевой, решительный, появился в Шеми одновременно с Кууларом. До этого он был инструктором в том же отделе, которым заведовал Куулар. Райком решил тогда укрепить в отстающем колхозе и хозяйственное и партийное руководство. Монгуш принял предложение бюро райкома с желанием и с первых дней как-то очень быстро и запросто сблизился со многими шеминцами, чему Куулар втайне завидовал. Если он, председатель, осторожно, исподволь присматривался к людям, со многими был в официальных отношениях, то с парторгом многие вели себя как со своим односельчанином.

Может потому и молчал Сенгилуэр, что он лучше председателя знал людей и не хотел допустить ошибки при разбирательстве поведения Мойдуна и Кара-Сала. Может, выпивка в чайлаге была просто случайным эпизодом? Но и не наказывать их нельзя. Оставить этот случай без последствий, значит утвердить ту вольницу, которая сложилась в артели.

— Как же поступим с нашими командирами? — второй раз спрашивал Куулар у тишины.

Мало-помалу разговорились. С разболтанностью надо кончать — это сказали все.

Максима Мойдуна сняли с должности, а его собутыльника здорово пропесочили. Зоотехником утвердили Тимофея Тогуса.

Жизнь подсовывала председателю все новые задачи со многими неизвестными. Временами он путался в них, как в неразберихе таежного бурелома.

Еще не миновал сенокос, а уже нагрянула жатва и перепашка паров. Всюду нужны тракторы, а их не хватало. Куулар решил, что пары могут подождать. Агроном Коннова считала перепашку первоочередным делом.

— Вы смотрите на пары с пренебрежением и этим делаете непросчитательную ошибку, — горячилась она, расхаживая в волнении по кабинету. Голос ее звенел и срывался. Молодое лицо от загара постарело.

Куулар спокойно сидел за письменным столом и листал календарь. Казалось, он оставался безучастным к разговору, что еще больше раздражало Коннову. Как агроном, он тоже знал цену парам, но сознательно отодвигал их на второй план, заботясь побыстрее закончить другие дела.

Чтобы оправдать свое решение, председатель высказал Конновой первую мелькнувшую в голове мысль:

— Вообще, Лариса Ильинична, сейчас о черных парах в центре

другое мнение. Оно вам известно... Не они, одним словом, делают погоду.

Коннова остановилась перед столом и удивленно посмотрела на Куулара:

— Неужели вы всерьез говорите это? Вы голосуете за самый пагубный шаблон! Мы что с вами живем и сеем на земле, которую дожди замучили? Надо же отличать засушливую зону от увлажненной!.. Я прошу этот вопрос решить на заседании правления.

Председатель пошел на это. К началу заседания он готов был согласиться с доводами Конновой, его мучили только заботы о том, как справиться со всеми делами одновременно.

— Я настаиваю, — доказывала Коннова членам правления, — сейчас же направить тракторы на Хову-Аксынское поле. Если мы запоздаем с перепашкой паров, то сорняки обронят семена, и тогда не жди урожая.

В сущности, с Ларисой Ильиничной никто не спорил. Она постепенно успокоилась и вместе со всеми искала пути более разумного использования тракторов.

Поздней ночью, шагая к дому, Куулар думал: «Хорошо, когда человек переживает за свое дело, как Коннова. Если бы все были такими». Его провожало миллионноглазое небо.

* * *

Уже вся семья собралась в Шеми. Зоя, пользуясь летним отпуском, целые дни проводила с Любой и Юркой, изучала с ними неповторимую своим разнообразием рощу, речку, поселок. Молчаливая, покорная по своей натуре мать Шулуу, тетка Дарима, как ее многие звали, с утра до вечера возилась по хозяйству, не спеша устраивая все на новом месте.

Шеминцы с любопытством и пристрастием приглядывались ко всем членам новой семьи, обменивались наблюдениями, слухами, предположениями.

— Председательша интеллигентна, высокого образования. Детей наших будет учить. Они уже ватагой за ней ходят.

— Говорят в квартире у них культура городская...

— А сам-то крутой, спуску никому не дает...

Больше всего, естественно, вели разговоры о самом Кууларе. Честные и справедливые отзывались с удовлетворением. Лодыри, рвачи, пьяницы подбадривали себя резкими выкриками по его адресу.

Учетчик молочнотоварной фермы Манчын-оол давно слыл разухабистым парнем с неукротимым характером. Он жил по закону: сам себе хозяин. Когда бы ни появилось желание выпить — напивался. Ему очень понравилась услышанная от кого-то шутка: «Если водка мешает работе — брось работу». Он любил всякому повторять ее, ожидая одобрительного хохота. Не хотел Манчын-оол выходить на работу — не выходил. Являлся на ферму под хмельком — и тогда доярки трепещите!

И на этот раз загулял Манчын-оол. Два дня вовсе не показывался на ферме, а на третий пришел такой «подогретый», что доярки не стерпели, обрушили на него весь накопившийся гнев.

— Ну, подожди: вот председатель возьмется за тебя!

— Кланяйтесь своему председателю, а я наплевал на него, — учетчик сплюнул себе под ноги и обвел женщин покрасневшими, мутными глазами. — Всяких я видел!..

— Запоешь, по-другому запоешь, парень. Мы уже доложили, что запустил учет, тормозишь всю нашу работу.

— Манчын-оол вольная птица, а не ваш работник...

Он издевательски свистнул и подошел к стоявшему у привязи коню. Взобрался в седло, изо всей силы ударил ногами по животу лошади, та съезжилась, запрядала ушами и рванулась на дорогу.

— Учетчик ваш хочет прогуляться в поселок! — выкрикнул Манчын-оол и умчался.

Куда, зачем скакал Манчын-оол, он и сам не знал. Просто хотелось показать всем на свете, что он никого не боится, волен делать все, что захочет.

В поселке он пустил коня шагом, выпрямился в седле и крутил головой направо-налево, как на каком-нибудь смотре. Между тем мало кто смотрел на него. Был тот полуденный час рабочей поры, когда поселок точно спал под тихим зноем.

На середине улицы Манчын-оолу неожиданно повстречался председатель.

— Ты чего раскатываешься, как на празднике? Почему два дня на работу не выходил?

— А твое какое дело? — сверкнул глазами Манчын-оол. Ноздри у него подрагивали, все лицо перекосилось от гнева. Он с силой рванул поводья и направил коня на Куулара. Задрав от боли голову и крутнув хвостом, лошадь угрожающе нависла над председателем. Куулар отскочил на обочину дороги. А Манчын-оол видно вошел в раж — снова наступал на председателя. Конь вздыбился и чуть-чуть не опустил передние ноги на голову Куулару.

Внезапно разыгравшуюся сцену заметили двое пожилых шеминцев. Они подскочили к седоку, выкрикивая ругательства, спешили его и отобрали коня. А председатель, не придав особого значения происшествию, пошел своей дорогой.

Вечером, когда Шулуу вернулся домой, мать и Зоя смотрели на него встревоженно.

— Загубят тебя тут, Шулуу, — горестно проговорила Дарима.

Зоя молча, осторожно смотрела на мужа. Сдвинулись ее брови, складка озабоченности появилась между ними. Но в ответ Шулуу только улыбнулся широко и мило. И сразу тревога у жены куда-то улетела и моментально разгладилась складка над переносицей.

— Ну, что вы... Это все пустяки. Я есть захотел, как волк.

Он быстро снял рубашку, подошел к умывальнику и стал плескаться. Женщинам ничего не оставалось, как приняться собирать ужин.

«Неугомонный, — думала Зоя. Откуда в нем столько энергии? Всегда, как появляется в доме, темп жизни начинается иной...»

А Шулуу, вытираясь жестким вафельным полотенцем, подошел к кроваткам детей, посмотрел, как они тихо спят, улыбнулся и вернулся на кухню.

«Каждое событие в поселке он освещает каким-то своим светом, — продолжала думать жена. — И свет этот радостный...»

После короткого и беспокойного сна Куулар вскочил и кинулся к часам. В комнате было уже светло, хотя солнце еще не взошло. Стрелки часов показывали без пяти четыре.

«Сейчас должен подбехать шофер», — подумал Шулуу и стал осторожно, чтобы никого не разбудить, одеваться. Он бесшумно вышел на крылечко, плотно прикрыл дверь, направился на дорогу. В это время послышался шум подъезжающей машины.

«Хороший человек этот Очур-оол Монгуш, — думал Куулар о шофере. — Аккуратный — часы по нему можно проверять».

Очур-оол с чистым, розовым лицом, точно у девушки, постоянно был в хорошем настроении. Его спокойствию можно было позавидовать. Подстать его ясному, открытому лицу и характер. В душе шофера, казалось,

не было никаких грязных тайников — она распахнута до конца. Его уважительность председателю не таила в себе никаких задних мыслей.

— На дальше?— спросил Очур-оол, как только уселся рядом с ним председатель.

— Да.

На дальше — значит на пшеничное поле, где работают комбайны, откуда идет хлеб. Урожай там удался неплохой, надо спешить с уборкой. От других хозяйств района колхоз не отстал, идет даже впереди, но быстрое поспевание хлебов сразу на всех массивах тревожило.

В это раннее утро председатель думал о времени, когда колхоз будет передовым, образцовым хозяйством, а колхозники составят дружный коллектив и не станет ни одного такого, как вчерашний воинственный пьяница...

Очур-оол знал, что когда, низко опустившись, председатель полулежал на сиденьи, мешать его мыслям не надо. В таком случае шофер никогда не нарушит молчания. Но на этот раз его подмывало заговорить. Точно подслушав председательские мысли, шофер промолвил:

— Ну и петух этот учетчик!

— Просто заяц во хмелю, — равнодушно отозвался Куулар.

— Надо бы проучить его. Так оставлять нельзя...

Председатель не ответил, видно, снова погрузился в мысли о хозяйстве. Замолчал и шофер.

Из-за груды едва различимых на горизонте гор поднималось рыжее солнце. Вся долина, по которой бежала машина, вспыхнула золотом. В пшеничном море темнели пятнышки комбайнов и подборщиков.

Дорога с обочины круто свернула вправо и нырнула в хлеба. Куулар попросил остановиться, вышел из машины. И сразу перед ним выросла стена жаркой, ослепительно желтой пшеницы. Он взял в горсть несколько колочих колосьев, стукнул ими о другую ладонь, на нее упали сухие зерна. Пора убирать напрямую. Постоит два-три дня — потечет на корню.

В разных местах призывно, весело затрещали моторы комбайнов-жатоков: один, второй, третий... И звуки эти наполняли сердце бодростью. Куулар переводил взор от одной машины к другой. Подборщики еще молчали, выставив вперед широкие ладони-транспортеры, как бы выпрашивая у кого-то новую порцию пищи. Рядки пока влажные.

Свое мнение председатель проверял на механизаторах. И каждый в создавшейся обстановке видел спасение только в прямом комбайнировании.

Позже Куулар встретил Зобова.

— Надо срочно наладить и пустить на пшеницу два самоходных комбайна, — отдал ему распоряжение председатель.

— Это сделать нетрудно. Сегодня же наладим и пустим.

По сосредоточенному лицу механика председатель догадывался, что тот собирается сказать что-то еще. И не ошибся.

— У меня просьба к вам, Шулуу Даваевич. Переведите меня на комбайн или автомашину. В крайнем случае — бригадиром... Механиком без образования работать тяжело.

— Но с образованием у нас пока никого нет. Опыт у вас богатый. Надо поработать. Сейчас, в разгар уборки, ставить вопрос о переводе, значит бежать с поля боя...

— Но в бою нужны командиры грамотные.

— Все верно, Анатолий Тихонович. Но пока лучшего выхода я не вижу.

«Кажется, ему в самом деле очень трудно. Тяготеет человек должностью. А посади его на комбайн — повеселеет, будет горы vorочать».

Подумав так, Куулар добавил:

— Подвернется человек подготовленный — переставим. А пока ты, Анатолий Тихонович.

Механизатор понимал, что председатель искренне сочувствует его положению.

От комбайнеров председатель поехал посмотреть хлеба на других полях.

По дороге встретился с парторгом. У Сенгилуэра было хорошее настроение.

— Я всех коров на откорм поставил,— заговорил Монгуш тоном человека, совершившего подвиг..

— Как так? — до Куулара смутно доходил смысл этого сообщения.

— Как советуют сверху: скот надо подкармливать зеленой массой. Вот сейчас только вместе со скотниками все стадо загнал на овес.

Будто слово «пожар» долетело до слуха. Перед глазами раскинулось большое поле еще зеленого овса...

В то же мгновение Куулар рванулся вперед и помчался туда, где хозяйничали коровы. Секретарь партийной организации смотрел вслед машине и видел лишь толстую размочаленную веревку, свитую из густой серой пыли.

По овсяному полю широко разбрелось не менее двухсот коров, в стороне стояли два пастуха.

— О чем вы думали, когда пригнали сюда коров! — налетел на пастухов Куулар. — Если вы не сеяли, так вам и не жалко хлеба?! Сейчас же выгоните стадо!

Пастухи оторопело смотрели на председателя. Ведь только полчаса назад их заставил пригнать сюда коров сам партийный секретарь. Но видя, как разгневанный председатель побежал наперерез стаду, они поспешили вслед за ним и стали выгонять животных с поля.

Куулар дождался, пока пастухи довершили дело, подошел к ним и более спокойно, но внушительно сказал:

— Вы могли за несколько дней сгубить сотни центнеров хлеба. Хотя овес и не особенно удался, но можно собрать семьсот-восемьсот центнеров. Наверняка. Понимаете, что это значит?

— Не без понятия... Но как же тут быть, если партийный дарга приказывает, — отозвался, наконец, один из пастухов. — Говорит, указание такое свыше: не только пасти скотину, а кормить зеленым кормом.

— Кормить можно по-разному. Можно выкосить гектар и накормить все стадо. А в другом случае вытопчешь десять гектаров — и впустую.

Разговор, примерно в таком же духе, чуть позже состоялся и с секретарем партийной организации. Тот ничуть не смутился за свое невежество в вопросах животноводства. Больше того, оправдывал свой поступок:

— Все равно овес гиблый. Пропадет, только и всего.

Куулар долгим полным укора взглядом посмотрел на Монгуша и ничего больше не сказал.

Василий ЖУРАВЛЕВ

ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ

(Отрывок из повести)

Петька Самохин, задержавшийся в конторе, приехал на строительную площадку, когда работа шла вовсю. Его бригада находилась на главном корпусе будущего комбината, начинавшего соперничать по вы-

соте с окружающими горами. Чтобы до нее добраться, надо было преодолеть несколько лесенок-временок, поставленных почти вертикально от одного перекрытия к другому. Для новичков такой путь сквозь гущу строительных лесов казался ненадежным, опасным. Петьке всегда было смешно наблюдать за ними. Одни напряженно цеплялись за шаткие дощатые перила, другие становились к сходням боком, словно готовясь к неминуемому прыжку. Ему всегда хотелось крикнуть: «Не бойтесь — сходни сколачивал я со своими товарищами на совесть!»

Петр, чтобы размяться после поездки на машине, одним махом поднялся на пятнадцатиметровую высоту. В бригаде шумел мастер Александр Григорьевич, или Саша, как называли его в большинстве случаев, принимая во внимание его комсомольский возраст. Но сейчас он был Александром Григорьевичем. Это было заметно по растерянному лицу бригадира, по его виновато поникшей фигуре.

— Ты что, в тюрьму решил меня запрягать!? — доносился до Самохина возмущенный голос мастера. — Мало тебе брака, смерти захотелось!? Я тебе и раньше предупреждал, а тебе, оказывается, все до лампочки. Тебе же мне циркачи нашлись! — И уже более спокойно Саша добавил: — На следу щей неделе проведу у вас инструктаж по технике безопасности. Ясно?

— Ясно, — кивнул головой бригадир.

Петькино звено разбирало старую опалубку. Он поспешил к ребятам. Его всегдашний напарник — Степка Белоус — возился у большого щита, намертво приставшего к бетонному перекрытию. Он-то и рассказал Самохину о случившейся истории. Оказывается, звено Кондратьева ставило опалубку на внешнюю арматуру, и парни, забыв надеть поясные ремни для страховки, налаживали щит на самом краю перекрытия. Малейшая случайность — и мог произойти несчастный случай. Это-то и заметил появившийся в бригаде Саша. Сначала он отчитал как следует Кондратьева, а потом и бригадира.

И вот Петька заметил, как бригадир Владимир Чалый жестикулирует руками перед смущенным звеньевым. Хотя из-за шума тарахтевшего рядом компрессора Самохин не мог разобрать слов Володи, он приблизительно представлял себе, какие нравоучения выговаривал раздраженный бригадир. Во-первых, (рука Чалого приподнималась) произошло грубейшее нарушение техники безопасности: во-вторых, (Чалый прижал руку к груди) хоть и обошлось без несчастного случая, это позор на всю бригаду — инициатора предмайского соревнования; в-третьих, (Чалый погрозил указательным пальцем) такая безответственность даром не пройдет, и он, Кондратьев, будет обсуждаться на бригадном собрании. В этот момент компрессор неожиданно затих, и до Петьки долетели последние слова Чалого:

— Пошады тебе не будет!

Самохин усмехнулся: его прогноз разговора был верным. Он хотел сказать об этом Степану, но передумал. Вообще Петька старался меньше говорить о своем отношении к людям или событиям. И не потому, что придерживался поговорки «Молчание — золото», а просто был твердо уверен, что от его «да» или «нет» ничего не изменится, только лишние разговоры. А теперь, когда остались считанные дни до его отъезда со стройки, вообще не стоит ничего близко принимать к сердцу.

Другим был Степан Белоус. Ни одно собрание, ни один спор или деловой разговор не проходили без его активного участия. Он не пропускал ни читательских конференций, ни вечеров вопросов и ответов, организуемых местной библиотекой, ходил на все лекции и беседы. Степан особенно любил комментировать события международной жизни. Это была его слабость. И ее хорошо знали члены бригады. Стоило кому-нибудь начать разговор о международных делах, как тут же по-

являлся Белоус. Он некоторое время прислушивался, шуря свои черные, немного на выкате, глаза, потом начинал подавать реплики, постепенно становясь центром разговора. Говорил Степка неторопливо, рассудительно. Это никак не вязалось с его небольшим ростом, со щуплой мальчишеской фигурой. Степана было трудно вывести из себя.

— Ну что ж,— миролюбиво говорил он несогласному с его точкой зрения,— убедить тебя сейчас нельзя. Время покажет, кто прав.

И если время показывало, что он прав, Степан внутренне торжествуя, добродушно говорил противнику:

— Зря ты кипятился. Я же говорил, что все будет так.

Ребята любили такие импровизированные политинформации. Но недавно они прекратились, лишившись главного их застрельщика — Степана Белоуса. Виноват в этом оказался Колька Ильинский.

Степке казалось, что он поздно родился, что все великие события произошли без его участия. Он завидовал тем, кто брал Зимний в Октябре семнадцатого года, восхищался подвигами бойцов Первой Конной в гражданской войне и строителей первых пятилеток. В мыслях он был с молодогвардейцами Краснодона, с героями целины и космоса. Степка жаждал трудностей, мечтал о подвиге. Он не хотел больше опаздывать. Поэтому и оказался на Всесоюзной, особо важной комсомольской стройке в Туве.

Колька Ильинский, хорошо зная романтическую натуру Белоуса, решил подшутить над ним. Однажды он с несколькими ребятами из бригады поехал за стояками на деревообрабатывающий завод. Часа через полтора ребята вернулись без Николая. Бригадир поинтересовался, где они потеряли Ильинского. Работавший рядом Степан услышал, что звеньевой побежал записываться на строительство не то Асуанской плотины в Египте, не то на сооружение гидростанции на Кубе. От такого сообщения у Белоуса перехватило дыхание. Он отложил в сторону топор, которым вырубал пазы у стояков, и подошел к разговаривающим. Выждав момент, хрипло спросил:

— А где записывают на это самое строительство?

— Кто его знает... Колька, как чумовой, от нас драпанул.

— Откуда же он про запись разнюхал?

— Парень знакомый с мехбазы по секрету шепнул... Да ты что привязался? Вот придет Колька — у него и допытывайся!

Разговор на этом закончился — все разошлись по своим местам. Только Степан продолжал стоять в нерешительности. С одной стороны, ему хотелось тут же отправиться в контору, с другой — надо было дожидаться Ильинского, потому что сведения ребят были слишком расплывчаты. Он снова взялся за топор.

Вскоре на стройплощадке появился Колька Ильинский. Не дожидаясь расспросов он сразу выложил:

— Братцы, Николай Устинович едет на Кубу! Прощальный ужин даю после получения подъемных, а сейчас принимаю заказы на кубинские фрукты в консервированном и натуральном виде. Вы мне посылочку с сибирскими пельменями, я вам — с ананасами и сигарами. Взаимовыгодный товарообмен!

Степановой выдержке пришел конец. Он попросил бригадира.

— Отпусти на полчаса проверить Колькину болтовню.

— Тоже ананасов захотел? — откровенно рассмеялся Чалый.

— С детства обожаю, — в тон бригадиру ответил Степка.

— Ну, тогда валяй!

Попутных машин не оказалось. Белоус отправился в контору пешком — напрямик через гору. Это сокращало путь почти наполовину. Если б он догадался оглянуться, то увидел бы на перекрытии главного корпуса бригаду в полном составе. Ребята хохотали...

...Вернулся из конторы злой, насупленный. Он молча принялся за работу.

— Оформился? — серьезно спросил его Самохин.

— Оформился, — буркнул под нос напарник.

— А с чем нам посылку пришлешь? — не унимался Петька.

— С фигами!

— С финиками, а не с фигами... Кубинец! — Потонул в общем хохоте озорной голос Ильинского. С его легкой руки к Степке приклеилось прозвище «Кубинец».

О поданном Петькой заявлении в отдел кадров никто из бригады не знал. Он хотел предупредить об этом Чалого сразу же после прихода на работу, но помешал случай в звене Кондратьева, а потом Самохин не решился — бригадир ходил сумрачнее зимнего утра. Только перед самым обедом Белоус неожиданно спросил его о причине опоздания.

— Значит, дезертируешь... — уточнил Степка ответ напарника.

— Пошел ты... со своими формулировочками! — отмахнулся Петька. — Много вас таких идейных, а как жареный петух клюнет, небось, вся философия из головы вылетит!

— О чем лай, братцы? — раздался вкрадчивый голос вездесущего Кольки Ильинского.

— О жареных петухах, — сухо обрезал Степка, все еще переживавший, что его легко купили с Кубой.

— Appetit изволите возбуждать? — похлопал Николай по животу Самохина.

— Наоборот, — ответил за Петьку Белоус, — приберегаем его на домашнюю лапшу с курицей, наши столовские щи ему надоели.

— Петр Андреевич! — наигранно воскликнул Ильинский, хватаясь руками за сердце. — Неужели устами Кубинца глаголет истина?! Если так, то у вас губа не дура. Но лично я предпочитаю сибирские пельмени со сметаной. Ух, как усваиваются! — Колька зажмурил глаза и с присвистом стал втягивать через свой утиный нос воздух.

Почуяв, что Ильинский разыгрывает очередную шутку, вокруг стали собираться ребята. Петька понял, что ему лезть на рожон не стоит.

— Ну что вы пристали ко мне? — глядя на Степку умоляюще произнес Самохин. — Я же не так просто... У меня уважительная причина... Колька вон знает про моего отца...

— Да, не позавидуешь его житухе, — серьезно сказал Ильинский. — Слепой он с войны вернулся, братцы, и другие всякие ранения...

— Лучше ногу или руку потерять, чем глаз лишиться, — заметил со вздохом Ипат Арсентьевич Прянишников.

— Конечно, Петру надо ехать домой, — виновато прозвучал голос Белоуса. — Представляю, как трудно ему приходится...

— Духовой оркестр на проводы не обещаю, — улыбнулся Николай, — но гитарист будет. Играет! Струны — целы, сердце — вдребезги!.. А что мы стоим, братцы? Приглашаю к столу!

И всей гурьбой строители направились в столовую.

Петька Самохин, увлекшись работой, не сразу заметил, что за ним внимательно наблюдает бригадир. Он выключил вибратор:

— Что-нибудь не так, Володя?

— Нет, все нормально... Я просто стоял и смотрел. Здорово работаешь! Жалко такого из бригады отпускать. А может передумаешь, Петро, останешься?

Самохин хоть и был подготовлен к такому разговору, но неожиданная похвала Чалого и прямой вопрос смутили парня. Он понимал, что слова Владимира искренние и требуют честного ответа. Петька раздумывал.

— Да ты не торопись, — словно не замечая смущения парня, продолжал бригадир, — ведь уехать-то решил не с бухты-баракты, небось не один день голову ломал. Не советуясь с другими, трудно. По себе знаю...

Чалый вдруг звонко крикнул:

— Прянишников!.. Арсентьич!.. Смени Самохина! Мы с ним перекурим малость...

«Началась агитация» — недовольно подумал Петька, но вместе с Володей прошел к старым щитам, сложенным аккуратно в небольшой штабель, присел рядом с бригадиром.

— Ты вот сейчас думаешь, что я уговаривать тебя буду, — с улыбкой сказал Чалый. — Ведь так?

Самохин неопределенно пожал плечами.

— Сразу скажу, не буду, — рассмеялся бригадир. — Не ты первый, не ты последний. Но совесть моя будет не чиста, если я тебе не выскажу своего мнения...

— Не уговаривай, не останусь, — зло прервал Чалого Петька Самохин. — На подлости я не горазд, а о личном благополучии иногда задумываюсь...

— Так я же тебе добра хочу, — миролюбиво проговорил Владимир.

— Не маленькие, понимаем, — грубовато отрезал Петька и слез с досок. — Хватит, перекурили, работа ждет...

И он, не оглянувшись, направился к Прянишникову.

«Плохо мы друг друга знаем, — думал Чалый, следя за удалявшейся фигурой Самохина. — Не подай Петька заявления, я бы с ним еще, наверное, год не заговорил по душам. Работает хорошо, не прогуливает, ну и ладно. Просмотрел ты, бригадир, человека».

Петька Самохин не дошел до Арсентьича. Путь ему преградил Ильинский...

— Впрягайся, Петюнчик, в достижение первобытной мысли! Передохну малость...

Юноша поставил перед насупленным Самохиным пустую тачку. Петька сжал железные ручки «достижения первобытной мысли» и покатил по насланым доскам к повисшей на стальном тросе бадье. Кондратьев открыл люк: полился в Петькину тачку вязкий бетон.

— Следующий! — командует Иван, с усилием прикрывая люк бадьи.

А Петька, пригнувшись к колыхающейся серой массе, уже катит тачку по охающим от напряжения доскам. Стоп! Вываливай! Радостным гудением встречает вибратор Прянишникова новую порцию бетона. И вновь колесико Петькиной тачки весело подпрыгивает на стыках дощатого пути.

— Следующий!

Ветер, таившийся за соседней горой все утро, выскочил Соловьем разбойником на ошестинившуюся подъемными кранами стройку, заблудился среди бетонных колонн, завыл надсадно от своего бессилия свалить их. Но вот он, найдя выход, засвистел торжествующе, поднимая до пугливых весенних облаков красноватую пыль. Но люди все так же торопились освободить краны от их тяжелой ноши, еще крепче сжимал железные рукоятки тачки Петька Самохин.

— Следующий!..

Степан САРЫГ-ООЛ

БЛАГОДАРНОСТЬ ЛЕНИНУ

1.

Вставали тени на дыбы,
когда в лесной глуши
я разжигал костер борьбы —
костер моей души.
Арат, задавленный судьбой,
в пожаре кумача
я шел на справедливый бой
по зову Ильича.
И, в лютых битвах устояв,
принес в тайгу зарю.
И Ленина за это я,
друзья, благодарю.

2.

Нужду и горе далеко
отбросив навсегда, —
бескрылому спокон веков, —
Ильич мне крылья дал.
И силу дал, чтоб обгонять

всех, кто ушел вперед,
и чтобы землю обновлять
трудом из года в год.
Колхозник — стал крылатым я,
стал сильным — говорю.
За это Ленина, друзья,
навек благодарю.

3.

Строитель и творец поэм,
хозяин жизни всей,
я наш украсил Улуг-Хем —
наш славный Енисей —
рукою собственной своей
погожею порой
из электрических огней
негаснущей зарей.
Так Ленин завещал. И вновь
я в песне Октябрю
несу вождю свою любовь,
его благодарю.

ВЕЛИКАЯ РЕКА

1.

Художник-сентябрь
искусной рукой
раскрасил леса
и берег крутой.
Задумался лес,
теряя листву,
разносят ручьи
лесную молву.
Осыпались вмиг
цветы... Над травой
повис голубик —

туман голубой.
Листочки блестят...
И смотрит из них
с лукавинкой взгляд
багряных брусник.
А небо вдали —
как шелк голубой...
Кричат журавли:
— «Вернемся весной!»
А пихта и кедр
глядят с берегов —
в них зависти нет
к нарядам дружков —

берез, тополей,
теряющих медь...
Кедр хвоей своей
готов их согреть.
Березки чисты,
красивее нет —
сквозь бронзу листвы
яснее их свет.
В зеркальной воде
сверкает, плывет
и гаснет на дне
листвы хоровод...

2.

Родная река
тиха и плавна —
всю резвость весны
забыла она.
Она говорит:
— В союзе с людьми
работать хочу —
на помощь возьми!
Была ли, вовек,
мудрей ее речь?
Как брат-человек,
не гнет она плеч,
не любит петлять,
преградам в обход —
сметет их опять,
прорвется, пройдет!

Руками рабочими, крепкими создан,
стоит

над моею рекой

на посту —

и слово: «рабочий»

сверкает, как звезды —

на каждом пролете

на этом мосту!

Безмерно люблю я

Великую Реку мою!

Дышу ее ветром,

как будто читая стихи,

как матери руку,

ласкаю речную струю,

и волны меня обнимают — чисты и тихи.

Она от себя
ручьи не гнала —
заботясь, любя,
в себе собрала.
Саянский хребет.
Танды ледники —
оттуда исход
Беликой Реки.

3.

Ожерельем из света,
строен, легок и прост,
над волной и над ветром
возвышается мост.
Человека творенье,
он нам радость принес:
шелест тысяч колес,
полной жизни биенье!
Не преграда, поверь,
ты, река, — а подмога:
стала шире теперь
нашей Дружбы Дорога!
Славим, славим навеки мы
неустанных, простых —
тех, кто строит над реками
к Коммунизму мосты!
Так красуйся, река моя,
светлым даром труда:
мост из стали и камня
над тобой навсегда!

ПАМЯТИ ДРУГА

С. П. Гудзенко

1.

Совсем простая нить у мастера в руках —
но вот она ковром становится чудесным,
и радуется сердца, и порождает песни
восторга и хвалы на разных языках.

Что? Мастер умер? Нет, поверить не посмею —
вот сотканное им живое полотно!
Кто бродит по земле, полезного не сея —
тот вправду мертв давно.

Веселый, искренний, горячий и живой,
Туву увидевший открытыми глазами,
— ты, говорят, ушел...
Но вечно вместе с нами
твоя работа, чистый голос твой.

2.

Книжек на полке моей немало —
смирно стоят в кабинетной тиши...
А на твою погляжу — как бывало,
снова на губы улыбка спешит.

Были меж нами Урал и Саяны,
вьюга на рельсах кружила, мела —
не угасало улыбки сиянье,
дружба ослабнуть никак не могла.

Память о друге, ты в сердце не гасни,
как не исчезнет из книги строка —
нет, становясь все ясней и прекрасней,
стой, как крутая скала — на века.

Сергей ПЮРБЮ

ЧЕЧЕК

(Поэма)

ГЛАВА ВТОРАЯ

1.

Закон? Какой уж там закон — как дышло:
как повернул чиновник — так и вышло.
Законы за богатого стоят,
а бедный, хоть и прав, не защитится.
К Дурзун-мейрену привели Хая,
он в черной юрте день и ночь томится.
Здесь бедных истязают допоздна,
здесь и Хая увидел и познал
всех пыток изощренное искусство:
как бьют, как пальцы сдавливают с хрустом.
Казался день невыносимо долгим.
Допрашивали часто и жестоко.
От пыток у Хая опухли щеки,
не мог стоять, подкашивались ноги.
Палач избил манзой¹ с такою злостью,
что от ударов обнажились кости.

¹ М а н з а — орудие пытки.

2.

На шуулган¹ стекается народ
 со всех сторон. Кто едет, кто идет.
 На иноходцах и на рысаках
 качались баи в дорогих шелках,
 от жира и чинов слепыми стали —
 конями чуть прохожих не топтали.
 И бедняки в изодранных тулупах,
 пешком и на волах, жующих тупо,
 и старики медлительные тут,
 и молодежь, проворная, как ртуть.
 Одних лишь женщин не было на чыыше —
 нельзя, они бесправнее мальчишек.
 Чечек, Кара-кадай, всем сердцем вместе,
 с Хая, изнемогающим от мук,
 ловили напряженно каждый звук,
 томились в ожидании известий.

3.

Вот наконец нестройный шум замолк.
 Народ уселся на поляне в круг.
 На возвышении сверкает шелк:
 там богачи сидят с оравой слуг.
 Свистит манза, и этот пьяный сброд:
 — «Бей! Крепче!» — с наслаждением орет.
 А те, что на земле сидели плотно,
 сливаясь с ней одеждой серой, потной,
 как великан израненный, в оковах,
 стонали глухо и к земле склонялись,
 и вздрагивали судорожно, словно
 над их спиною плети поднимались.
 Горело сердце, от тоски сжималось.
 Они смотрели молча на расправу.
 Лишь ненависть, кипящая, как лава,
 сквозь стиснутые зубы прорывалась.

4.

Не раз старик Хая валился с ног.
 Тогда водой холодной отливали,
 и снова избивали и пытали,
 и он опять держался, сколько мог.
 — «Ах ты ничтожный червь! Да как ты смел
 подняться против байского закона
 и против благодетеля-нойона!
 Скажи, с кем тайный сговор заимел?»
 — Огромна ложь, как черная гора,
 но белый камень правды ей не скрыть.
 За что невинных бедняков карать?
 За что меня хотите вы убить?
 Разграбили добро, угнали скот,
 теперь я сам измучен и избит —
 стареет человек, но месть живет:
 пока живу, я не прошу обид.

¹ Шуулган, чыыш — собрание, сборище.

5.

Лишь в сказках да легендах с целым войском
один боец сражается геройски.
В смятении Мерген — что предпринять?
Невольных слез не может он унять.
Ничем Хая не в силах он помочь.
В безмерном горе день прошел, как ночь.
Он навсегда остался для Мергена
тяжелой, жгучей, постоянной болью...
Кипит душа от горечи и гнева,
томится сердце, как орел в неволе.
Был честен наш Хая и справедлив,
и ненавистью страшен богачам.
О подлости и произволе их
он не хотел молчать — рубил с плеча.
И вот он в кандалах идет, без стопа —
отправлен к самому Бээзи-нойону.

6.

Спокойней жить Дурзун-мейрену, если
и слухи о Хая совсем затихли:
и неприятности теперь исчезли,
как далеко умчавшиеся вихри.
Но месть и гнев — не дым. Они упорно,
как глубоко посеянные зерна,
в сердцах друзей Хая надежно зреют,
их никакие вихри не развеют.
Как тихо стало в юрте, где Хая
всю жизнь прожил!.. Какою грустью веет!..
Но в ней живет, надеется и верит
его осиротевшая семья.
— Ведь не Эрлик¹ нас покарал жестокий,
и в этом мире мы не одиноки.
Еще не смерть — Эжена² злого суд,
и нам друзья погибнуть не дадут.

7.

Прозрачна неба чаша голубая.
Висит над степью, золотом сверкая.
Под ней вдали, в холодной белизне,
вершины гор застыли горделиво,
и пожелтевший лес, как конь пугливый—
он ловит каждый шорох в тишине.
Дни осени, торжественно-усталой,
как поздние цветы гвоздики алой,
всем дороги. Как молодежь стремится
в такие дни весельем насладиться!
Тут и свиданья назначать не нужно:
раздастся песня — все приходят дружно.
«Встала в небе полная луна.
Юным игра веселая нужна — песню запоем!
Вон какой на острове тростник!
Вырежь свирель для песенок своих — то-то запоем!»

¹ Эрлик — бог подземного мира (миф.).

² Эжен — властелин земли.

8.

Не до забав Чечек. Она была
 измучена. Все сердце истомилось.
 Но все-таки любовь ее вела
 туда, откуда песня доносилась;
 В ее глазах лучи звезды Шолбан¹
 не гасли от душевных тяжких ран,
 а голос в тишине осенней ночи
 звенит над степью, словно колокольчик:
 «Шестьдесят коней в табуне,
 а Гнедой один всех сильней:
 стройны ноги, крепкая грудь, —
 тянет повод, рвется он в путь.
 Сколько есть парней на земле!
 Только милый смотрит мне вслед,
 он вздыхает так тяжело,
 словно сердце болью ожгло».

9.

Подъехал Монзуле, и, как шакал,
 нетерпеливо рвущийся к кошаре,
 он жадными глазами всех обшарил,
 как будто что-то, потеряв, искал.
 Надменно глядя, выпятив живот,
 он наезжал конем на хоровод.
 Все девушки, его увидя, вмиг
 с тревожным криком в страхе разбегались,
 и лишь совсем немногие из них,
 пред ним заискивая, улыбались.
 Так разъезжая нагло и кичливо,
 к высокой лиственнице он подъехал.
 Там, в звонкой песне, повторенной эхом,
 Чечек знакомый голос различил он.
 Тогда, напыжившись еще сильней,
 с коня он прямо обратился к ней:

10.

— «У лиственницы высока вершина,
 но в ней торчит стрела с пером орлиным.
 Как та стрела, в моей душе навек
 застряла черноглазая Чечек».
 Не вздрогнула Чечек, не покраснела
 от этих слов. Не сдвинулась и с места.
 Насмешливо в глаза его смотрела,
 в лицо, расплывшееся, словно тесто:
 — «Не смейся, не смейся —
 попусту смеешься.
 Попусту смеешься —
 шею себе сломишь».
 — «Хоть коза и быстронога,
 все же ей в степи не скрыться.
 Хоть в Чечек упрямства много —
 все ж она мне покорится».

¹ Шолбан — утренняя звезда; Венера.

11.

— «Чем ты гордишься? Тем, что в юрте бая
 родился и живешь? — Хвальба пустая!
 И жадностью своею не кичись:
 другому я невеста. Отвяжись.»
 — «Кого ты назвала своим любимым?
 Бездомного бродягу, батрака.
 Одумайся! Промчится счастье мимо.
 Иди — я посажу на рысака».
 Чечек противно было. Отвращенье
 переполняло душу. Задрожав,
 она взглянула на него с презреньем,
 и взгляд сверкнул, как лезвие ножа.
 — «Есть милый у меня. Одно лишь слово
 он скажет мне — и я лететь готова
 на крыльях сердца. С ним — хоть до луны.
 А ты и твой скакун мне не нужны».

12.

— «Вот увидишь — не дождешься,
 не придет он на свиданье.
 Вот увидишь — не добьешься,
 не исполнятся желанья».
 В то время удавалось богачам,
 что захотят, того и добиваться.
 Так стоит ли, читатель, удивляться
 таким самонадеянным речам.
 Сын бая, даже самый худосочный,
 себя всех выше и сильнее мнил,
 с желаньями других людей не очень
 считался — что хотел, то и творил.
 И Монзуле, едва волчонком стал,
 уж взрослым волком сам себя считал.
 Уверен, что Чечек в его руках,
 ее к себе рванул он за рукав.

13.

Казалось, нет защиты, нет спасенья.
 Но вывернулась ловкая Чечек,
 и бросилась в кусты быстрее оленя.
 Остался глупый Монзуле ни с чем.
 Разинув рот, злой, жадный и нахальный,
 ее догнал он. Мерзкое дыханье
 и руки грубые его, как вилы,
 как сон кошмарный, девушку давили.
 Из хищных лап, как пойманная птица,
 Чечек рвалась. Все силы собрала.
 Ах, если б умереть она могла —
 уж лучше умереть, чем покориться.
 В глазах темнело, будто ночь настала.
 И все-таки Чечек еще боролась.
 И вдруг знакомый голос услышала,
 и он вернул ей силы — этот голос.

А где Мерген? Коней Дурзун-мейрена
в ночное засветло еще угнал,
чтоб с милой повидаться непременно:
к ней он стремился, с ней свиданья ждал.
Томясь и мучаясь от нетерпенья,
считал он сердцем каждое мгновенье,
все время сдерживая бег его
и торопя гнедого своего.

«С горной вершины не сходит туман,
с верного сердца — любовь.
Все ты, Чечек, не идешь из ума,
все мои думы с тобой.
Резвый Гнедко, словно ветер, лети,
путь сокращая степной.
Вей, ветерок, чтоб скорей донести
песню к моей дорогой!»

15.

Как их любовь, над всей землей, казалось,
большая лиственница возвышалась.
Здесь он Чечек свидание назначил,
но нет ее — тревогою охвачен,
Мерген спешит, торопит рысака,
все сердце от предчувствий истомилось —
и вдруг лицо от гнева исказилось:
он видит лошадь своего врага.
— Эй! Руки прочь! Любовь мою не тронь,
не раздувай вражду! Не лезь в огонь!
Уматывай подальше от греха,
не то... Наверно, обо мне слышал!
— А ну ты! Сволочь нищая! Не лезь!
Смотри, не потеряй маймак дырявый!
А если уж своей гордишься славой —
скажи мне, кто отец твой? Кто он есть?

16.

— А твой отец — Дурзун-мейрен — шакал:
не этим ли ты именем кичишься?
А славою какую ты гордишься?
Тем, что проклятием сумона стал?
— Худой щенок хозяина облает.
Бродяга нищий хуже пса бывает.
Эй, не бесись! Не то наверняка
глаз вышибу ударом кулака!
— Все задираешь нос. А отчего?
Что сын Дурзуна — только и всего.
Заслуга по уму, как раз. А ну —
не суйся в драку: голову сверну!
Не по душе Чечек все это было.
Боясь, что ссора может разрастись,
она Гнедка за повод ухватила
и в сторону хотела увести.

Наверно, знаете повадки волка?
 Чем жертва яростней — тем хищник злей.
 Не лучше был волчонок Монзуле:
 он отступить не хотел без толку,
 и, разгораясь честолюбья пылом,
 Чечек к себе рванул. Не тут-то было!
 Мерген его так за руку схватил,
 что Монзуле, как волк в капкане, **взвыл**.
 И вот уже взялись за кнутовища,
 от ярости скрипят зубами, бьются —
 слышать, как, воздух вспарывая, свищут
 бичи. Удары глухо раздаются.
 И многие в ту ночь издалека
 слышали вопли байского сына,
 потом, с седлом, упавшим под бока,
 пронесся серый конь без седока.

18.

Под лиственницею Чечек с Мергеном
 всю ночь, обнявшись, провели. И что ж —
 им показалось: ночь прошла мгновенно,
 косы одной — и то не заплетешь.
 О чем ни передумали они
 за эту ночь! Каких надежд огни
 издалека светили им — кто знает!
 Кто тайну этой ночи разгадает?
 Как расскажу я о любви высокой?
 Слов не отыщешь нужных в словаре.
 О ней расскажут лишь глаза и щеки,
 подобные пылающей заре.
 Случается у всех пора такая,
 когда мы в будущее проникаем.
 Предчувствуя: надолго растается,
 Мерген любимой в верности клянется.

19.

— «Мерген, что ты наделал! Что с тобой?»
 — «Чечек, родная! Что тебя пугает?»
 — «Как что? Ведь Монзуле поднимет вой,
 они тебя исхлещут шаагаем!»¹
 — «Я драться не хотел. Он спросился
 на драку сам, и своего добился.
 Пусть злобствуют — я не боюсь их мести.
 Мы все равно с тобою будем вместе».
 — «Мерген! Как высоки вершины гор,
 а все-таки и их закрыли тучи.
 Дурзун-мейрен и злобен, и хитер —
 боюсь, что нас с тобою он разлучит.
 И если нам разлука суждена —
 любимый мой, мне без тебя не жить...»
 — «Ты мне одна желанна. Ты одна,
 Чечек, родная, свет моей души».

¹ Ш а а г а й — орудие пытки, простроченная кожа.

— «Чечек, что сделали они с Хая?
он был избит, закован и отправлен
к Бээзи-нойону в ставку на расправу.
Возможно, так же буду схвачен я.
В родном краю, в Овюрской стороне
уж и теперь нет больше места мне.
Ты — в моем сердце. Как расстаться нам?
Не разорвать мне сердце пополам».
— «Мерген, родной! Все думы о тебе лишь.
Как рада я, что мы всегда вдвоем,
как счастлива, что ты со мною делишь
и радости, и горе — день за днем!
Пойдешь на смерть — тебя я не покину,
тебя, как сердце из груди, не выну...
Давай уедем вместе на чужбину,
чсм гнуть перед Дурзун-мейреном спину!»

21.

Осенней, темной ночи покрывало
как будто нехотя приоткрывало
зари сияние. Влюбленных руки
так медленно разжались для разлуки.
Подарками на память обменялись
и, кажется, счастливые, как дети,
к гнедому подходили. Так расстались
Мерген с Чечек любимой на рассвете.
Все горести как будто забывая,
оставили они свой уголок,
где их любви никто мешать не мог,
где только лиственница молодая,
вся в зареве восхода, как в крови,
была одна свидетелем безмолвным
словам и чувствам их, безмерно полным,
их гордой, их пылающей любви.

22.

А по степи, вслед за восходом алым,
уж расползались слухи по аалам:
— «Слыхали, а, что ночью-то стряслось?
Мерген — разбойник — вот собачья кость! —
Дурзун-мейреновского скакуна
загнал. Издохла гордость табуна.
Мейрена сыну в тот же самый вечер
он в дерзкой драке руку изувечил!»
Одни над этим всем в душе смеялись,
— «Вот молодец!» — Мергеном восхищались.
Другие, богача боясь: «Уж он нам!» —
качали головами сокрушенно.
В смятении и в тревоге, молчаливо,
друзья и сверстники Мергена живо
собрались на совет. Уселись кругом,
— «Что делать?» — спрашивали друг у друга.

Совсем расстроилась Кара-кадай.
 Сама не зная, что и как решить,
 с тревогой спрашивала: «Ну, куда
 теперь пойдешь, сынок? Как будешь жить?»
 — «Придет беда — я выйду ей навстречу,
 и за дела свои я сам отвечу.
 Настанет время. А теперь — что проку
 вздыхать и волноваться раньше срока?»
 Чечек страдала. Истомилась болью
 душа. Она с Мергеном не согласна:
 ведь ясно, что один — не воин в поле,
 зачем же погибать ему напрасно?
 — «Погоня, может, за тобой случится —
 но твой скакун быстрее ветра мчится,
 и голод для тебя в пути не страшен:
 ведь щедрость наших гор не истощится».

24.

— «Есть у меня высокие Танды —
 любимых дворцов просторней и богаче.
 Есть у меня гнедой, он быстро скачет,
 умчит меня он от любой беды.
 Но без тебя в разлуке, вдалеке
 мне будет одиноко, горько, тяжело...»
 Кара-кадай сварила в казанке
 чай, и, Мергену подавая чашку,
 сказала: «Время все вокруг меняет,
 и вянет чавылдак — трава степная.
 Сгниют колодки, цепи проржавеют,
 дела мирские тоже постареют.
 Кто нас, безвинных, тронет? Кто осудит?
 Не мучься, не кручинься понапрасну:
 как знать — еще вернешься, сокол ясный,
 еще и в нашей юрте праздник будет».

25.

Едва они у казанка присели,
 по чашке чая выпить не успели, —
 взволнованная вся, Чечек вбежала:
 — «Они! Что делать?» — Из-за перевала
 внезапно появившись, тридцать конных
 все выходы закрыли из аала.
 Мерген вскочил, сорвал ружье с кола,
 взлетел в седло и проскакал долиной,
 и вдруг застыл, недвижим, как скала:
 он ждал врага, как богатырь былинный.
 Пугал он неподвижностью своей
 врагов. Дурзун-мейрен остановился,
 подумал и тихонько в путь пустился,
 все время прячась за спины людей.
 С Мергеном всей душой, Чечек в тревоге,
 едва дыша, стояла на пороге.

Мерген поводья натянул потуже
и, видя, что гнедой на месте кружит,
подумали наймиты, что без боя
Мерген решился сдаться им — и вот,
расправе легкой радуясь, гурьбою
они поспешно двинулись вперед.
И вот уже не больше ста шагов
осталось. Вдруг Мерген чуть наклонился
и налетел, как ястреб, на врагов:
сшибал конем, топтал... Он насмерть бился.
Кто увернуться еле успевал,
а кто, как шапка с головы, слетал.
И сам Дурзун-мейрен поторопился
торжествовать: мешком с коня свалился,
ногой неловко в стремя застрял,
и, обезумев, конь его трепал.

Опомнившись, враги вступили в спор,
крутили головами изумленно...
Мерген далекой точкою по склону
на перевал скакал во весь опор.
Куда же он бежал? И от чего?
И что теперь найдет? Что ждет его?
Нет, не от трудностей Мерген бежал,
и не искал покоя, и не рвался
к беспечной жизни в горы. Не боялся
и умереть — не трусил, не дрожал.
Святая ненависть пылала в нем
тяжелым, жгучим, яростным огнем.
Его, как крылья мощные орла
несли к Танды сверкающим вершинам,
и жажда мстить — одним крылом была,
к свободе страсть — другим крылом орлиным.

Байкара ХОВЕНМЕИ

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

1. ЗАВЕТ ГЕРОЯ

Эту речку вперед будут звать Баян-Колом,
этот гордый народ будут звать Байкара,
ну, а мне отправляться в дорогу пора,—
так сказал богатырь, горькой гордости полон.

Он коня оседлал, словно в юности смел,
и с тех пор его в здешних краях не ищи ты:
сам он правду в борьбе отстоять не сумел
и поехал искать у России защиты.

2. ХАТТЫГ-ТАЙГА

Словно горе видеть не желая
(так была судьба людей горька),
высилась Гора Ветров седая,
на глаза надвинув облака.

Нынче вижу я ее впервые:
сгнула с лица ее печаль,
скинута на плечи голубые
белая сверкающая шаль.

Будто слушает гора хомен
тракторов, рокочущих в полях,
будто видит: ясных звезд светлее
лампы темноте уйти велят.

3. БАЯН-КОЛ

Я зимой над тобой пролетал,
мой любимый, родной Баян-Кол,—
я родные места увидал,
те, что в детстве пешком обошел.

Я взбирался тогда на Хан-Даг,
там, где гнезда скрывают орлят —
ты прекрасна была, но не так,
как сегодня, родная земля!

Вместо троп волокуши — шырга —
вдаль дорога идет — для машин.
Нынче юрта на склонах редка —
да поселки зато хороши!

Где лишь дрофы паслись по степи,
там поля, и поля, и поля,
где никто очага не лепил —
там домами покрылась земля.

В самолете спросил мой сосед:
— Что за речка внизу, далеко?
Я с восторгом воскликнул в ответ:
— Баян-Кол, это мой Баян-Кол!

Юрий КЮНЗЕГЕШ

ОРЕЛ

*Любовь джигита, мужество орла
Не спрашивают, высока ль скала.
(Р. Гамзатов. «Надписи на скалах»).*

Из-за утеса, что гол,
вдаль, где гора высока,
вылетел черный орел,
крепкий, как эта рука.

Молнии вспышка светла.
Мчится орел среди круч,
словно он точит крыла
о глыбы тяжелые туч.

Спорит с ветрами он, смел.
Вот он над бездной парит.
Вот на вершину он сел,
что над горами царит.

Знает он: синий простор
им покорен на века.
К звездам он крылья простер,
крепкий, как эта рука.

ПРОСТАЯ ПОВЕСТЬ

Поэма

Трещит костер, пылают чурки,
взлетают искры в высь, ну в точь
рой светляков, не в меру юркий.
А дед мой сказывал в ту ночь.

И сказки деда были странны:
в них нет чудес и небылиц,
ни лютых псов, что в злобе рьяны,
нет ни драконов, ни цариц.

Но людям, что копнили сено,
за день уставшим, в поздний час,

мысль разжигает постепенно
простецкий дедовский рассказ.

I.

К седлу склоняясь, скачет русский,
Он статный, рослый человек.
А на усах ледышек сгустки
и иней на ресницах век.

То красный партизан—Эккэндий¹.
На шапке — красная звезда.

¹ Эккэндий — искаженное имя — Иннокентий.

Он, знать, ездок был не последний, —
трудна таежная езда!

С ним дед мой — молодец из сказки —
несется вскачь, взмахнув кнутом,
взметая снег, пушистый, вязкий, —
от деда я узнал о том.

Передо мной как бы мелькает
их путь в соседний Кызыл-Чар¹
с письмом об их Тувинском крае,
где запылал войны пожар.

И гололедица Амыла²,
сверканье сабель и штыков, —
вот то, что их в пути томило, —
я в мыслях их спасти готов.

В воображеньи временами
мне представлялась их судьба,
и схватки на пути с врагами,
и неизбежная стрельба.

Но путников тогда спасали
татарка старая, старик
из русских... и враги едва ли
могли узнать, где их тайник.

Когда пурга ночами выла
и глаз едва ль мог видеть рысь,
что по ветвям в тайге скользила, —
друзья к Кызыл-Чару пронеслись.

Кой-где встречались с беляками.
Да можно ль партизан
вспугнуть? —

Себе кинжальными штыками
пробили сквозь Саяны путь.

II.

Весной в Туве бывал обычай:
в день новогодний — шагаа́
богатый пир был всем добычей:
мол, ожила с весной тайга.

И не успеешь скот собрать ты
с проталин, с пастбищ, как уже
цветов и ягод видишь скатерть,
и радугу на рубеже.

А в летний полдень благодатный
согреет солнце — и тогда
тот самый русский, рослый,
статный,
напомнит прежние года.

На вид уже чуть староватый
из-за курчавой бороды.
Но молод взгляд озорноватый:
глаза — озера синь-воды.

Уполномоченный ревкома —
Эккэндий, Иннокентий звать —
Сафьянов — друг наш, друг
знакомый
из-под Салдама... жив он, знать?..

Тогда, в пути из Кызыл-Чара
в бою был ранен, но мой дед
его лечил — соратник старый,
с ним рядом шел тропой побед.

Оглядывали из биноклей
они заоблачную высь,
патроны берегли — и мокли,
и мерзли, но вперед рвались.

Стерег их хитрый Аксак-Чочу,
бандит — «Махно из Барлыка».
Он смуту сеял, злобу волчью, —
исподтишка, издалека.

Пока еще Чамзы с Тактаном³
с поклоном ездил в Ургу⁴
иль в Омск — корыстны, злобны,
чванны, —
и продавали нас врагу.

Главарь белобандитский —
Шмаков
еще губил степной народ,
и с ним Мелегин одинаков;
от зверств их оторопь берет.

Злодейски рыскали ночами, —
и по-теперешнему взять
они и были палачами, —
так называемая — знать.

В ту пору баи расстреляли
весь горсовет, войдя в Кызыл.

¹ Кызыл-Чар — Красноярск (тув.).

² Амыл — река в Саянах.

³ Чамзы, Тактан — высшие ламы Чаданского монастыря.

⁴ Урга — старое название г. Улан-Батора.

Мы и теперь полны печали,—
народ той казни не забыл!

Похоронен Беспалов, Крюков¹
в Кызыле нашем посреди.
За них отмстил — в том честь
порукой —
вожак тувинский Курседь²...

Чредой наступит бабье лето,
что значит: осень на носу,
и дождь польет, и песня спета
про летних пастбищей красу.

И от осенней непогоды
земля потрескалась, хотя
зима не тронула природы.
Мороз ударил не шутя.

А непрерывные события
идут... и всех не передашь...
вот Булаган — могу ль забыть
я?—
скакал в местечко Отгук-Даш.

А там старик ему навстречу
верхом отважно гарцевал,
и — словно паренек — не речью,
а песней боевой встречал:

«Эй, ты, подруженька-винтовка,
я из тебя в бою стрелял.
Был юн, а как сражался ловко;
чанчинам³ шею не склонял!

Эй, в пять зарядов трехлинейка,
с тобой Бельдиру⁴ я служил.
Меня пугалась смерть-злодейка,
от беков⁵ вызволил Кызыл!»

III.

Чанчин китайский Ян Ши-чао⁶
Дул чай, ел мяса жирный кус.
И раболепно все молчало
пред ним... а он входил во вкус...

Бойцы же наши и Эккэндий
к чанчину нарочного шлют

для перемирья... — «Это
бредни!» —
Сказал чанчин, как прежде лют.

И вот сидят бойцы в засаде,
в бинокль глядят: авось, чанчин
пришлет посыльных, пользы
ради,
отбросив к черту важный чин.

«Чего ж он, вредный, время
тянет?
Иль держит камень против
нас?» —
Твердят бойцы, томясь молчаньем
врага в тот сумеречный час.

«Черна́ душа у всех чанчинов! —
Сказал спокойный Булаган:
— Напакостить нам беспричинно
всегда не прочь их злобный
стан!...»

Друзья в потемках не видали,
каким был Булаган в тот миг.
А он грозней был острой стали,
как тигр, врага бы он пристиг...

А в лагере солдат-гаминов⁷
огни погасли неспроста,
и подозрительно пустынно,
и жди беды из-за куста.

Гамины — подлые вояки —
на выстрел подползли ружья.
Их сотни... злобой дышит всякий...
нет, близко их пустить нельзя!

Их больше вдесятеро сила.
Да каждый наш боец не плох!
Сердца гаминов злость давила, —
хотят застичь бойцов врасплох.

Желавшие жестокой драки,
гамины кинулись вперед,
и отползли назад, как раки.
Затараторил пулемет.

¹ Беспалов, Крюков — активные работники первого городского Совета в Кызыле.

² Курседь — один из организаторов ТНРП.

³ Чанчин — генерал (кит.).

⁴ Бельдир — старое название гор. Кызыла (Хем-Бельдир).

⁵ Бек (бег) — феодальный титул.

⁶ Ян Ши-чао — китайский милитарист, командовавший оккупационным отрядом в Туве.

⁷ Гамины — солдаты бело-китайского оккупационного отряда, вторгшегося в Туву.

Один... другой... свистели пули
над головами их: «вжиг-вжиг!»
Мечты гаминов обманули —
разведчики подкрались вмиг.

И из засады тех гаминов
накрыли связками гранат.
И взглянь! — вояки цепью
длинной
позорно пятятся назад.

Потом была еще атака, —
и захлебнулась десять раз.
Наш пулемет не зря татакал! —
Скажу о том я без прикрас.

Не помогла гаминам пушка,
пускавшая огонь и дым.
От грохота тряслась опушка,
но был наш дух непобедим.

Осколок ранил Булагана
в предплечье, в лоб... и кровь
лилась,
но он сражался неустанно
и раненый за нашу власть.

IV.

Нельзя надеяться на милость
захватчика... но нужен мир...
нужда народу в том явилась;
пусть хоть на день, да будет пир!

Но злой чанчин был самодуром.
Вновь битву вызвал, а меж тем
хоть бились день с упорством
хмурым, —
за кем победа? — Ни за кем!..

День угасал угарный, тяжкий,
и солнце скрылось за тайгой.
А у бойцов одни рубашки...
собачий холод... непокой...

Но наши семьдесят отважных
не отказались от борьбы,
встав против тысячи продажных
гаминов, не боясь пальбы.

А враг исподтишка, как ране,
стрелял, не целясь, кто как мог,
и удирал за караганник¹
трусливо, словно бы щенок.

Не утихала до полночи
их бестолковая пальба.
Но был напор врага не прочен,
не помогла и похвальба.

И наши парни победили! —
Они ведь бились за народ.
Им звезды маяками были
и заиграл зари восход.

И к солнцу — утреннему другу —
склоняет красный флаг старик,
что ранен в голову и в руку,
но чей победный дух не сник.

И вдоль реки бурливой, горной,
отряды красных партизан
вздымались по хребтам
проворно, —
и каждый был народом зван...

И мне мерещатся донине
в боях бесстрашные бойцы,
что скачут по речной долине
Амыла — в разные концы...

И после сколько их бесстрашных —
Кечил-оол и Чургуй-оол, —
под Ровно дрались в днях
вчерашних,
за Умань бились... за Оскол....

Сегодня же они — кто плотник,
а кто геолог из бойцов...
но каждый Родины работник,
взяв эстафету у отцов.

* * *

Так вот она — простая повесть,
что нашей жизнью создана,
красивая, — скажу на совесть, —
и продолжается она!..

И слушали в дни сенокоса
ее усталые косцы,
пока лучи ложились косо
за потемневших гор венцы.

И дед мой, слов мешая краски,
точа края своей косы,
рассказывал свои нам сказки
всю ночь,
до утренней росы.

¹ Караганник — колючий кустарник, весьма типичный для степных наго-
рию Тувы.

РУКИ ПРОЧЬ!

Враги коварные грозят
нарушить мир, пойти войной.
Народы крикнут им: «Назад!»—
И войн не будет ни одной.

Им не пролить в Гаване кровь,
не развязать войны там вновь,
им Кубу не спалить в огне,—
не то ударим мы вдвойне!

Не одинока, Куба, нет!—
С тобой весь мир — вот наш ответ.
Врагам мы скажем наперед:
твой друг — советский наш народ!

Пусть детям не грозит печаль.
На Кубу враг пойдет едва ль:
ведь мы стоим настороже
на каждом нашем рубеже.

И пусть посмеет подлый враг
с ружьем в руках сорвать твой
  флаг,—
с тобою рядом встанет друг —
и пусть врагов страшится круг.

Враги, от Кубы руки прочь!—
Не то для вас наступит ночь.
Пусть мирно, радостно живет
кубинский брат, герой-народ!

РУЧЕЙ

Ложбинка есть вблизи Кызыл-Хавака,
а в ней — ручей, прозрачный как хрусталь.
Он и зимой и летом одинаков,—
не стынувший, бежит куда-то вдаль.

Не с радости ль, ручей, поешь так звонко,
не о труде ль ведешь свой разговор;
не ты ль, ручей, струясь вдаль сторонкой,
помог зажечь огней большой костер?

К тебе приду я к горному распадку.
Кругом трава и буйные цветы
напомнят мне народную аратку,
ее халат узорный и черты.

С тобой, ручей, приходит расставанье,—
как в зеркале, гляжусь в твоей воде.
Пусть облик мой живым навечно станет,—
запечатлей его в себе всегда, везде.

Журчи, ручей,— родня реки Чадана.
К тебе придет невеста за водой,
любимая моя, что утром рано
мне, не таясь, промолвит: «мой родной!»

Монгуш КЕНИН-ЛОПСАН

ОТГУК

Поэма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Без матери рос мальчишка Отгук —
сыном отца, умелым и смелым.

Станет что нужно в хозяйстве вдруг—
сам он за все возьмется и сделает.

Морозы сдались. Настала весна.
Холмы раздевались, от жажды млея...
Оттук — у постели отца, без сна:
тяжко старик болеет.

Под утро чуть-чуть отпустил недуг.
Соседи по юртам ушли от больного.
Хаг-оол говорит:
— Послушай, Оттук,
мое последнее слово.

Есть у тебя скакун Борадай —
дружи с ним, люби его, не теряй.
На нем по раздолью Бора-Булак
скакал я. Так было — и будет так.

И ты не покинешь отцовский край.
Не плачь надо мною. Не унывай.
Мой труп не бросай под горой Сарыг-Шат:
пусть кости отца в могиле лежат.

Утке для жизни нужна вода,
нужны сироте для жизни друзья...
Запомни, сынок, что сказал тебе я...—
и старый Хаг-оол заснул навсегда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Для сына страшней преступления нет,
чем грубо нарушить отцовский завет.
Но если бы вышел из гроба Хаг-оол,
он, верно бы сына преступником счел.

Скакун Борадай стал колхозным конем,
а парень — на стане, в степи. За огнем
следит, трактористов встречает с полей
и поит соляжкой железных коней.

И степь не узнал бы он — Бора-Булак:
в ней все изменилось, все стало не так,
плугами изрезана здесь целина,
кипит, словно черные волны, она.

Вот птицы вернулись из дальних краев:
родимая степь — как чужая для дроф,
узнать они нынче ее не смогли,
тревожный меж звезд хоровод повели...

Как прежде хозяйчик, привычный к скоту,
от света колхозов бежал в темноту,
так стаи вожак, испугавшись земли,
увел караван и растаял вдали...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чем ты занят сегодня, парнишка Оттук?
Он к мотору склоняется нежно, как друг,
все детали до блеска начистил, протер—
как в алмазах, в металле дробится костер.

Вот и кончен ремонт, вот и в сумке ключи...
Что за всадник с коня у костра соскочил?
Конь усталый дрожит, разгоревшись, как жар...
Обращается к юноше Самбын-Кагар.

— К нам геологи—умные люди пришли!
Что-то ищут в глубинах родимой земли.
Нужен им проводник, человек боевой.
Соглашайся. Решенье, Оттук, за тобой.

Так учетчик сказал. Соглашаться ли, нет...
Молча ищет Оттук—и находит ответ.
А товарищам жалко его отпускать,
и товарищи к парню подходят опять...

— Ничего, поезжай, поработай пока.
Эти люди приехали издалека,
было б стыдно, что ты им помочь не пошел...—
так сказал ему старший в бригаде, Чаш-оол.

Бригадира слова для Оттука — закон,
на тропу изысканий отправился он.
Вьется, вьется тропа по лесам и горам...
Веселее, Оттук! В путь-дорогу пора!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Скакун Борадай — не для скачек, не для быстрой езды:
он выюк на вершину тащит, натянут ремень узды.
Оттук его тянет за повод, от пены бока мокры,
а путь — от холма до другого, от горы до горы.

Исчезло ясное лето — как не было, не цвело.
Рабам кукушки — удодам молчанье клювы свело.
Кузнечики запевают стройным хором хомус:
тепло они провожают, прощание шлют ему.

Охотников неудача не выгонит из тайги:
здесь мало пушнины — значит, уйдут к отрогам другим.
Вот так геологи бродят повсюду — то там, то тут —
и если здесь не находят — в другом уголке найдут.

На юг улетают птицы — зима их гонит туда.
Геологи вереницей идут, идут на Чадан.
Не знает Оттук, что клада нет в рюкзаках за спиной —
но видит Оттук, что надо возвращаться домой.

Вот сзади ущелья, скалы и девственные леса.
К высшему перевалу отряда путь начался.
Вот каменная старуха — века сторожит на нем.
Полянка: светло и сухо, полынь разрослась кругом.

Руководитель отряда сказал, слезая с коня:
— Хорошее место, ребята, приметное для меня.
Оттук показал нам место — такое сыщешь с трудом.
Кажется мне: уж здесь-то непременно найдем!

Остановились в поле, зажгли костер под горой.
Так для разведки воин отдает свой покой.
Бугрится земля недаром — таится в ней что-нибудь...
Бур кинжальным ударом пронзает земную грудь.

Разбуженная, бунтующая — кто она, друг или враг? —
к небу черным фонтаном стремится кара-довурак,
угольная порода, дар тувинской земли...
Сдалась ты людям, природа, искали они — и нашли!

Знают меткие пчелы, где затаился мед.
Взял первую пробу геолог — и дальше, глубже идет.
Видит Оттук: не трогают могилы его отца —
решил он еще немного помочь им — чтоб до конца.

* * *

В жизни впервые слово «уголь» он услышал —
и снова его, и снова, как маленький, повторял.
Край дедовский, край бедняцкой надежды отца и любви
стал ныне краем богатства — только ковшом греби!

Предки считали адом все, что лежит под землей,
жили и умирали с верой этой пустой.
Знали степные травы — польнь да лучок-кулча —
не знали, что ниже степи — камней и металлов парца.

* * *

Когда доносился с неба грустный напев журавлей,
подсели к костру геологи тесной семьей своей.
С мальчишкой Оттуком рядом начальник — «Баштын-Киж»,
и парню начальник отряда возьми в тот раз и скажи:

— Здесь будет новая шахта, здесь будет радостный гром.
От нас не отстал ни на шаг ты все время, что мы идем.
Оттук, ты нашел нам уголь — не бросай этот путь.
Мы просим тебя, как друга: останься. Шахтером будь.

Как приручал в степи ты диких, гордых коней —
новой, здесь неиспытанной техникой овладей.
Плохо работать руками, если они голы —
мягок машинам камень, когда за рулем — орлы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Чего отец не видел — сын увидит», —
я смысл пословицы давно постиг.
Мой путь рабочего во всем завиден,
о нем и не мечтал отец-старик.

Не как сурок, я вкапываюсь в гору,
под землю не от трудностей бегу —
как богатырь, раскрою горы скоро,
богатство людям подарить смогу!

Что в нынешнем труде кирка, лопата!
Волшебником могучим экскаватор
вскрывает грудь земли — и взгляд людей
чарует силой радостной своей.

Бугры, холмы сметая, как грибы,
машина глыбы в воздух поднимает,
как легкий пух, — и кто не пожелает
себе подобной трудовой судьбы!

Идет бульдозер, как железный вол —
то лбом о землю грозно ударяет,
то вновь назад спокойно отступает —
и вот уже с угля покровы смел!

Не бык — машина. Сравнить с быком
нелепо это чудо трудовое —
но кто же оседлал его, такое?
Аратский сын Оттук — ты с ним знаком.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ну, времена настали для степи Бора-Булак!
Кони давно перестали скакать на ее холмах.
Шоссе холодной рекою в просторах ее спешит,
текут одна за другою живые волны машин.

Бывало, работать люди шли только в солнца лучах.
Табунщика ночью будят — один не спи по ночам,
слушай в горах голодный, отчаянный волчий вой —
утром вздохнешь свободно, страх исчезнет с зарей.

Так бывало когда-то. Но люди росли с тех пор.
Ведет в ночи экскаватор чаданский парень-шахтер.
Спи, отдыхай, Вселенная! Звезды зажги для нас:
выходим в ночную смену, в положенный людям час.

Не в подземелье — шахта: под синим небом зимы,
в открытом карьере — так-то тепло добываем мы.
Экскаватор лопатой, могучим ковшом своим
гребет этот пласт богатый — и что гора перед ним!

Свершает такое чудо шахтер Оттук на земле—
небесных созвездий груды глядят на него во мгле,
завидуют лампам шахтеров в степи, миллионы лет
лежавшей глухой и черной—а ныне рождающей свет.

Могучие самосвалы, глубоко и шумно дыша,
взбираются на увалы, встают под ношу ковша.
Оттук проворен и меток, как воин в цепи атак:
силу тепла и света получит Ак-Довурак.

И вот отъезжает — сытый, тихо урча, самосвал,
но следом за ним сердито другой подает сигнал.
Приходит дневная смена, а с ней — и солнца восход.
Оттук из кабины выходит, товарищу руль отдает.

* * *

Детства просторы былые, милый Бора-Булак!
Огромными вы казались—а нынче стали с кулак.
В автобусе мягком едет Оттук с работы ночной,
смеется, шутит с соседями — народ-то хороший, свой!

Весело человеку, когда человек не один...
Но маленький, сглаженный холмик виднеется впереди:
могила отца... Глубоко в земле старый трут — Хаг-оол* —
а сын — молодое огниво* — дорогу к солнцу нашел.

Отец, дорогой! Изменился твой сын, и родимый край.
В работе я закалился — попробуй меня узнай.
И конь мой — железный, скорый, легко с ним справлюсь я.
Опора моя — шахтеры, трудовая семья.

Отец мой! Твои заветы выполнить я хотел—
но время дохнуло ветром — и мысли уже не те.
Не сприт с лихими конями на скачках твой Борадай —
встает под рабочее знамя чаданский, шахтерский край.

Лежит, как всегда лежала, на месте серая степь.
Холмы стоят величаво — и все же они не те.
Людам служа, гордятся собой родные края.
В этом — мое богатство, в этом — сила моя!

* * *

Отчий край мой! Отныне гудишь ты гимном труда.
Сила твоя расцветает — радостна, молода.
Тува бродила весь век свой кочевницей по горам —
но стала она советской—и счастья пришла пора.

Начальник отряда геологов стал мне вторым отцом.
Мне слово Партии дорого — я вырос ее бойцом.
Я, сын простого араты, невиданный строю мир,
стою примером крылатым перед всеми людьми.

Людам другим и странам теперь я примером стал,
своим пастушьим арканом будущее поймал.
Я коммунизм построю в отцовском, древнем краю—
край мой счастья достоин, творит он судьбу свою.

Леса для строек годятся—они не сгорят в огне:
огненное богатство — уголь дарю стране.
Хозяин страны советской, говорю напрямиком:
гордым, живым и светлым стану я маяком!

Алдын-оол ДАРЖАА

СЛОВО К ГОСТЯМ

Мой край светлее стал и краше,
про ваш приезд заслышав весть:
чтоб легок путь друзьям был нашим,

* Именз отца и сына переводятся с тувинского языка: Хаг — трут, Оттук — огниво (примечание автора).

зажег Семь Ханов* в вашу честь.
Мой край родной из трав зеленых,
из сини рек, из блеска гор
соткет и бросит вам с поклоном
под ноги царственный ковер.
От всей души Тувы просторной
в знак уважения гостей
прольются нежные, зазорные
стихи и песни новых дней.
Кто сможет слушать без волнения
рассказ поэта иль певца
о том, как радость обновления
вошла в аратские сердца?..
Где центр Азии, мы, братья,
воздвигнем дружбыobelisk,
когда, как мать, возьмет в объятия
Москва
Кызыл и Минск.

В ААЛАХ ДРУЗЕЙ

I

Ни облачка в небе синем,
где вольно парит орел.
Волнуют память картины
дорог, по которым брел.

Мне милою остается
любая тропа в былом.
Но в старой песне поется:
«Мужчине — летать орлом!»

Ту песню я пел, бывало,
и зависть мне сердце жгла:
тянуло за перевалы
умчаться быстрее орла!

Но вот лечу в самолете,
как на крылатом коне.
Орлы, вы ниже плывете:
теперь завидуйте мне!

Дороги скорыми стали,
и близок любой аал.
У многих друзей в аале
я за год перебивал.

II

От северного сиянья
мерцает, искрится лед.
Широкой дорогой к знанью
чукотский идет народ.

В почете каждый работник,
и славится в песнях труд.
Меня встречает охотник
по имени Кеулькут.

Он с промысла. Час обеда.
Радушно зовут за стол.
Не умолкает беседа.
Вдруг младший брат подошел:

— Прошу, Кеулькут, ответь мне,
скажи, будь хорошим, брат:
как чукчам жилось на свете
лет тридцать тому назад.

Какими яранги были —
рисунком не передашь?—
И старший с улыбкой милой
берется за карандаш.

Рисует и вспоминает,
как детство текло впотьмах...
— Пускай ребята узнают.
Они родились в домах.

III

Кишлак Ворухи забуду ль,—
таджикский фруктовый рай?
Плодов золотистых груды,
пронизанный солнцем край.

* Семь Ханов — Большая Медведица (Тув.).

В тени я ищу прохлады,
но друг мой спешит ко мне.
С Ходжой мы встретиться рады —
и вот сидим в чайхане.

Дымящимся, свежим пловом
меня угощает друг,
рассказывает о новом;
всего не расскажешь вдруг.

И с блеском в глазах счастливых
он мне говорит:— Взгляни,
как много невест красивых —
все без паранджи они!

IV

Прозрачные катит воды
красавец Нарев-река.
Листвы зеленые своды —
над домиком лесника.

Лесник Беловежской пуши
хозяйство покажет мне.
Там травы сочней и гуще,
чем где-нибудь на земле.

И зубры в довольстве сонном,
о воле забыв былой,
по мягким коврам зеленым
проходят на водопой.

V

Теперь полечу в Элисту.
Пахнет на меня Тувой,
там мясо в чашах душисто,
чай — силы полон живой.

В степи, где знойно и пусто,
я с давней поры привык

владеть уруком* искусно,
не хуже, чем друг-калмык.

VI

В Сеткассы порой осенней
я прибыл к закату дня.
Чувашский поэт Арсений
на «Волге» встречал меня.

В красивом селе старинном
я прежде бывал не раз.
Течет по вольным равнинам
Атал**, на солнце искрясь.

Когда-то, звеня тоскою,
напев над Волгой летел...
Любуясь древней рекою,
Я песню иную спел:

«Атал, простором богатый!
Из края, где я рожден,
привез я тебе от брата —
от Улуг-Хема — поклон».

VII

Я нынче поездил много,
но сладок отчизны дым.
Лежит в небесах дорога
домой, к Саянам седым.

И словно игла у милой
сквозь белую ткань платка,
наш ТУ серебрянокрылый
проходит сквозь облака.

Отчизна лежит под нами,
и радость мне полнит грудь.
Опять — и встречи с друзьями,
и... в новые дали путь!

Алексей АРАПЧОР

ЦВЕТOK В РАССЕЛИНЕ СКАЛЫ

На высоте, где царствуют орлы,
мой взгляд в расселине скалы,
лаская каждый лепесток,
прекрасный разглядел цветок.
То был, казалось, не цветок,
а девушкой оброненный платок.
И тайну ту, куда она ушла,
ревниво берегла скала.

Я все глядел. Так шли часы.
Скатилась капля чистая росы
с багрового, как пламя,
лепестка —
зажглася от нее моя щека.
Слезинкой выглядела капля та...
Вскружила голову не высота —
в душе утихшей заиграла вновь
прекраснейшею бурей любовь!

* Урук — аркан для ловли коней.

** Атал — чувашское название Волги. **Примечание автора.**

КОСТРЫ НА ВЕРШИНАХ

Я помню, с мальчишеских лет
любил я родные просторы,
и розовый утренний свет,
и светлые реки, и горы.

С отросшей густой бородой,
с немного усталой походкой,
геолог, еще молодой,
на карте отметит находку.

И вот на вершинах костры
геологи жгут вечерами.
Тревожно глядят сквозь кусты
маралы большими глазами.

Быть может, уже через год,
преграды круша и сметая,
здесь шумная стройка пойдет
на благо тувинского края.

* * *

Сверкающим арканом без узла
по небу резко молния прошла
и опалила пламенем летучим
густую синь... И плачут горько тучи.

От резких слов на сердце иногда
жестокая ложится борозда.
Ведь слово каждое так много значит!
И сердце долго безутешно плачет...

Тюлюш **КЫЗЫЛ-ООЛ**

ДОЖДЬ

Буйствует и пляшет забулдыга-дождь,
лупит что есть силы в тысячи ладош.

Солнце, улыбаясь, брызжет на покос,
на травинках бусины зажигает рос.

Лиственниц иголками вышитый узор
вместе с небом выглянул в зеркале озер.

Степь с рекою, радуясь,
руки слили в радуге.

ПОДАРОК

Брату я сказал однажды:
— Я племяннику куплю
то, что любит мальчик каждый,—
танк, закованный в броню.
Головою брат качает:
— Сын мой — парень молодец!
Он коня предпочитает
или трактор, как отец.

СОН

Тебя я проводил вчера в полночь до дома.
Пришел к себе, устал, улегся на кровать.
Но спал недолго я, любви пришла истома.
Про дивный сон тебе хочу я рассказать.

Приснилось мне, что мы соединили судьбы.
На свадьбе нашей был веселый людный пир...
Какой прекрасный сон!.. ах, снова мне уснуть бы,
и видеть: ты—жена; с тобой—согласье, мир.

И будто вместе мы работаем на стройке,
и кирпичи кладем, и строим мы завод,
и мы возводим дом — высокий, прочный, стойкий;
полны теперь с тобой одних больших забот.

И ветер наверху нам освежает лица,
а вечерком с тобой гуляем мы в саду.
А там кругом цветы, и сердце веселится;
иль будто по горам с тобой, мой друг, иду.

Приснилось: будто мы растим с тобою сына.
Смеется, прыгает,— такой забавный он...
Какая чудная приснилась мне картина,
но к огорчению: недолго длился сон!

Екатерина ТАНОВА

СТИХИ О ТОДЖЕ

АЗАС

Кто Азаса не видел — Тоджи не видел.
Кто на сказочном озере не бывал,
пусть о Тодже молчит: сразят наповал
люди, едкой насмешкой его обидев.

Ни туристы, ни путники стороной
это светлое озеро не обходят —
каждый длинной дорогой сюда приходит
любоваться прозрачной его волной.

Солнце выглянет утром из-за вершин,
одеяло тумана от волн откиннет,
и проснется Азас, и глаза поднимет,
заколышутся волны его в тиши.

Скоро песни моторок прорежут тишь,
и за ними вода, закипев, всклокочет —
если ты здесь, счастливцев, в лодке сидишь —
то сиди в ней хотя бы до самой ночи.

Ветер встречный, прохладный, сердца зовет,
и как будто они крылатыми стали —
песня рвется от волн в далекие дали,
достигает до самых горных высот.

Если песню влюбленные начинают,
затаенное чувство вложив в слова —
рыбаки им задорные подпевают
и задумчиво слушают острова.

Вот и звезды зажглись, и песня умолкла.
Затихает над озером шум людской,
и Азас отправляется на покой
до зари — ненадолго и ненадолго.

Ясным звездочкам ласково подмигнет,
попрошася нежно с ветром усталым —
и туман над собой опять развернет
как пушистое, мягкое одеяло.

ПОЛЕ ЧАЛЫН

В Тодже нет полей — говорят,
в горной Тодже хлеб не растет?
Не смотри, товарищ, назад —
посмотри скорее вперед!

Есть такое поле — Чалын,
поле спелого ячменя:
там стоят колосья, смуглы,
под осенним ветром звеня.

В Тодже лес, да тундра, да снег...
В Тодже не видали телег —

а теперь комбайны коют,
хлеборобов радостен труд!

Не забыть мне поля Чалын,
золота колосьев на нем.
На меже цветы мне милы —
радужным сверкают огнем!

Если самый лучший букет
ты для милой хочешь набрать —
в Тоджу, друг, придется слетать,
на Чалын — прекраснее нет.

Алексей ХУУРАК

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Как много в мире красоты везде!
Прекрасна неба голубая даль,
прекрасна радуга после дождей,
цветы, проросшие сквозь толщу льда.

Тайга прекрасна — а в тайге зверье,
луга прекрасны — а в лугах стада,
хлеба мои, раздолье ты мое,
моя необозримая страна!

Да, много, много в мире красоты,
всего не счесть —
считай хоть целый век...
Но все-таки всего прекрасней ты,
товарищ мой,
Советский Человек.

Ты мир хранишь на солнечной земле,
ты счастье создаешь своим трудом,
друзьями полон радостный твой дом,
и дружбу не разрушат сотни лет.

Твои — тайга, луга, хлеба, стада...
Работаешь ты, не жалея сил,
чтоб Коммунизм быстрее построен был—
а Коммунизм —
ведь это красота.

КУЗНЕЦ ДОНДУУ

Горн вздыхает, пламя пышет, молот бьет по наковальне.
и летят отковки искры звездным ворохом вокруг.
Оголен по самый пояс, этой кузницы начальник
раскаленное железо целый день кует сам-друг.

Кто же это? Вот загадка! Поскорее разузнать бы...
Ах, то старый да бывалый, богатырь кузнец Дондуу!..
Было людно, было шумно в день воскресный, как в день свадьбы;
я на лыжах по крутизнам с ребятишками иду.

И вдруг вижу, как на крыльях, мне летит навстречу лыжник.
По годам он не ровесник, а скользит как бы на льду.
Кто же это? Вот загадка! Но сказал парнишка ближний:
— Это старый да удалый, дедушка кузнец Дондуу!..

Вечер... сумеречно... тихо... Я сижу в читальном зале.
Вдруг старик явился тут же, сел напротив на виду.
Он в очках, на взгляд — ученый, — так бы все о нем сказали.
Кто же это? Пригляделся. Ба! Опять кузнец Дондуу...

Я зашел под вечер как-то на колхозное собрание.
На трибуне перед всеми речь толково вел дедун:
прекратил все споры разом и словесной схватки брани...
Кто же это? Пригляделся. Ан, опять кузнец Дондуу!

Монгуш ОЛЧЕЙ-ООЛ

НА ПРИЗЫВ ПАРТИИ

Любимая, родная мать,
тебя готов я понимать.
Ты не сердись, что я — твой сын
ушел сюда, в края равнин.

Не разлюбил я город свой, —
ведь он во мне всегда живой.
Труд городской не надоел, —
я не отлынивал от дел!

Но партии родной призыв
во мне еще сильнее жив,
и потому в деревню я
ухеал, милая моя.

Нелегко этот сельский труд.
Порой ночую в поле тут,
и загубела кожа рук. —
Я здесь освоился не вдруг.

Но не из тех я, слышишь, мать,
кто хнычет и готов удрать.
Нет, я горжусь, что я — такой
и мне по сердцу — непокой.

Ты спросишь: «кто же ты, сынок?»
Я — тракторист, я это смог,
чтобы, к земле свой слух склонив,
услышать шумы тучных нив!

НА СЕНОКОСЕ

Как неба ясного прозрачен чистый купол,
как степь раскинулась, — охватишь всю едва ль!

Траву до пояса земля растит не скупю.
Там трактор я веду — и сокращаю даль.

Как работягой тем люблюсь то и дело!..—
Тем сеном сохнувшим целится грудь моя.
Как зубья граблей я ловчусь поднять умело!..—
Там сено копнами надежно ставлю я.

Как запах добрых трав бежит по всей долине,
когда подумаю о снежной я зиме.
Твой образ, милая, в душе таю доньше;—
ты сено в корм овцам даешь,— держу в уме...

Копнит она его, легко беря на вилы.—
Тем сеном ласково овец накормит власть;—
каков нагул у них!.. Она их так взрастила...
Те овцы рожками бодаются, резвясь.

Светлана КОЗЛОВА

КОРЕНЬ

*Памяти Юна Кенден Курседи.
одного из первых коммунистов Тувы.*

Скачут кони степной дорогой.
Плеть, играя, сечет ковыль.
Перед баем, как перед богом,
повалилась аратка в пыль.
Ей, измученной и голодной,
пыль земная забила в рот...

Но ведь эта земля свободна?
Но ведь правит землей народ?
Но ведь красные партизаны
воевали в этом краю?

Пыль клубится перед глазами,
над степями плети поют.

Весь худой и твердый, как корень,
человек на дороге встал.
И болезнь, и голод, и горе —
все на свете он испытал,
в землю кланялся он когда-то
перед богом и богачом...
Но теперь для него, арата,
сказки ламские ничем.
Ни в какого не веря бога,

обращается к людям он:
— Подымайся, народ. Тревога!
Богачи попрали закон!
И народ глаза поднимает —
и непримиримы глаза,
и в кострах горят шаагаи,
плети байские и манза,
присмирившие феодалы
на лохмотья меняют шелк...

И вздохнул человек устало,
и, как корень, в землю ушел.
Дождь хлестал, и солнце палило,
травы встали,
и вырос хлеб...

Мы не знаем его могилы.
Но над ним города и степь,
и горят кузнечные горны
на пути от юрт до ракет...

Трудно в камни вгрызаться
но могучим вырастет кедр. корню —

Анатолий ДМИТРИЕВСКИЙ

МОСТ

Енисей, сибиряк могучий,
океана великий брат,
ты веками бежал по кручам,
не встречая в пути преград.

И когда по весне, бывало,
льды крушил ты и в пух и в прах,
жизнь почтительно замирала
на крутых твоих берегах.

И казалось: так долго будет,
и казалось: сильнее ты нас...
Но пришли к Енисею люди —
коммунисты. Рабочий класс.
Их немного, отважных, было,
но ответ их был сжато-прост:
— Скоро здесь, у ворот Кызыла,
встанет мост!
Енисей, ты не сразу сдался,
ты упрямым и хитрым был
и вперед неустанно рвался

изо всех богатырских сил.
Но сломили тебя, упрямый,
задержали твой бег вперед
люди самой упорной,
самой
не сдающейся из пород.
И сегодня стоим мы гордо
на прямом, как стрела, мосту.
Он теперь навсегда у города
на посту!

Анатолий ЕМЕЛЬЯНОВ

БЕЛЫЙ ПАРУС

1. МОЙ ГОРОД

Ты подтянулся, стал повыше ростом,
красивее, и радостней, и чише.
Не из старинных — но и не подросток
среди соседних городов-мальчишек.
Пожалуй, мы ровесники с тобой
по той поре, что зрелостью зовется:
когда любовь и счастье, труд любой—
все по плечу, все в жизни удается.
Песчаных вихрей усмиряя ярость,
мы встали рядом, и, упорства полон,
ты для меня —
летающий белый парус
среди синих гор,
как среди синих волн.

2. НАЧАЛО

Как все мальчишки, я мечтой о счастье,
как о геройском подвиге, горел:
и меньше, чем на Космос, не согласен —
и больше, чем Чапаев, не хотел.
Но даже и мальчишьям, острым зреньем
не видел я, как ты необходим —
как станешь ты надолго,
на все время
упругим белым парусом моим.
Как это начиналось все?
Постойте.
Здесь важно все припомнить не спеша.
Мы ехали на целину,
на стройки
работать,
верить,
подвиги свершать.
Я тоже ехал.
Просто на работу,
окончив вуз,
семьей обзаведясь.

Хотелось, чтоб подальше,
чтобы что-то,
чего не видел в жизни, отродясь.
Чтоб было все —
и горы, и пустыни,
и темное дыхание тайги.
Чтоб были люди
строгие, простые —
чтоб люди —
а не всмятку сапоги!
Осточертело мне мещан старанье
и интеллектуальное нытье,
о том, что в жизни важно и сознание,
но все-таки важнее бытие.
Хотелось просто жизни настоящей
с тревожным счастьем,
с ворохом забот...
Кызыл?
Вот это, вроде, подходяще,
вот это нам, пожалуй, подойдет!

3. ПУТЬ К ЗВЕЗДАМ

А дальше что?
А дальше будни, проза.
Не верьте, если скажут, что здесь ад,
хоть и ударили в тот год морозы,
перевалив слегка за шестьдесят.
От них мы в шубах спрятались в овчинных,
хоть не было для этого причин —
и — ничего. Прозимовали чинно,
а там уж обходились без овчин.
Но суть не в том.
Обыкновенный город
над синим Енисеем, у Вилан,
как белый парус, раздвигая горы
нацеливался в звездный океан.
Он рвался ввысь,
дерзая,
веря,
строясь.
Был нужен строгий, правильный расчет —
был нужен хлеб,
металл,
любовь и совесть.
Был нужен труд —
и многое еще.
Для этого мы в трудный грунт вгрызались
с таким упорством,
с яростью такой —
всем существом своим —
порой казалось, —
а не ковшом,
не ломом,
не киркой.
Зимой костры горели днем и ночью,
но от жестокой стужи и ветров

мы все-таки отогревали почву
теплом сердец,
а не огнем костров.
Мы дали все тебе —
и хлеб, и воздух.
Ты весь от наших,
от земных трудов...
Теперь выходишь на орбиту к звездам,
в мир будущих
межзвездных городов.

4. КОРНИ

Здесь я оброс детишками, как ветками —
зеленой, нежной, трепетной листвой...
Они еще сильней
корнями цепкими
в тебя вросли.
Ты им совсем родной.
С твоей прозрачной неба невесомостью,
с твоею удивительной судьбой —
с твоей прямой,
рабочей,
чистой совестью,
которая — как солнце над тобой.
Сегодня с сыном я иду по городу,
гляжу на новых зданий этажи,
на все вопросы отвечаю гордо —
всезнающий кызыльский старожил.
Вот улица.
Бригадой комсомольскою
здесь мы сажали лиственницы в ряд.
Как выросли! Я им киваю свойски —
торжественно,
как на посту, стоят.
Вот тополя.
Ну, это — кызыльчане!
Типичные. Они такой народ:
ничто не страшно им —
ни «дождь» песчаный,
ни холодище адский не берет.
Позванивают тоненькими струнками,
все тянутся упрямо в высоту
голубовато-дымчатыми струйками,
и запахом, и красками, и звуками
кызыльскую прозрачную весну
торопят, ждут...
И скоро, словно высвечен
весь изнутри весенней теплотой,
из клейкой почки первый листик выскочит,
а там — весь город зашумит листвой.
А здесь мы с сыном постоим, безмолвствуя,
у памятника красных партизан.
На всадника в папахе с саблей острою
глядит, не отрываясь, мальчуган.
Глядит с особой детской серьезностью.

Так мы однажды, в ранние года,
навек «заболели» краснозвездностью,
и всюду с нами красная звезда.
Я с ней.
Живу — и, кажется, не старюсь,
хоть по годам — не очень молодой,
и горд, и счастлив,
что мой белый парус
летит над енисейскою волной.

Мороз,
мороз.
Опять сорокаградусный.
Туман — голубоватую стеной.
А солнце светит с высоты все радостней,
и как-то пахнет раннею весной.
А вдалеке горят костры большие,
их ясно видно —
поднимись на холм—
и возникают города другие,
и вырастают паруса тугие
среди синих гор,
как среди синих волн.

Мария ХАДАХАНЭ

МОГУЧИЕ КОРНИ

Памяти А. А. Пальмбаха

В 1897 г. в селе Дрисса в Белоруссии в семье провинциального врача родился Саша Пальмбах. Вместе с отцом он побывал в Италии, проехав пол-Европы. Пышная античность Средиземноморья оставила неизгладимые впечатления. Видимо, тогда-то у него впервые зародился интерес к языкам, истории. У него была традиционная черта старой русской интеллигенции — он хорошо знал европейские и восточные языки: немецкий, французский, английский, латынь, китайский, турецкий, тувинский. Много он усвоил от своей матери.

После окончания Витебской гимназии он поступил в Московский археологический институт на отделение русской словесности.

Октябрьскую революцию встретил командиром взвода — артиллеристом на Западном фронте. Три военных года закалили его юность.

После гражданской войны Александр Пальмбаха становится школьным учителем, потом заведующим школой. Нива народного просвещения нашла в лице Пальмбаха доброго пахаря и сеятеля. В стране шла борьба с беспризорностью, голодом и разрухой. В рядах многочисленной армии наркомпросовцев и школьных работников, воспитывавших новое поколение, был и Александр Адольфович.

В 1925 году он переезжает в Москву и становится доцентом кафедры языка в Коммунистическом университете трудящихся Востока, который по своему духу напоминает нынешний Университет дружбы народов. Разноязычная речь слышалась в его аудиториях, здесь встречались негры, арабы, турки, японцы, индусы, монголы, тувинцы и представители народностей Советского государства. Сюда любили приезжать в гости деятели международного рабочего движения, навещался М. Горький. В КУТВе царил атмосфера подлинного интернационализма и дружбы. В спорах, в овладении русской культурой росло молодое племя национальных кадров. Здесь же он близко узнал группу тувинцев, среди которых были С. Тока, Шагдыр-Сюрюн и другие. Тогда и родилась влюбленность молодого пытливого ученого-языковеда в Азию, интерес к далекой Туве, ставшей его судьбой. Его поражала любознательность тувинских парней, их способность упорно и самозабвенно впитывать знания, стремление познать различные науки. Общась с ними, незаметно для себя он стал думать о создании национальной письменности тувинцев. Ему казалось чудовищной несправедливостью, чтобы целый народ веками находился во тьме, не ведая сладости родной письменной речи.

Летом 1930 года по Усинскому тракту семь дней двигался обоз из восьми подвод. Маленькие степные лошадки упрямо тащили поклажу с

оборудованием для типографии, тувинским шрифтом. На одной из повозок в особом ящике хранились свежеепечатанные экземпляры первого тувинского букваря, составленного русскими учеными-тюркологами и отпечатанного в Москве в дар от советского народа. Этот необычный обоз сопровождала специальная экспедиция, посланная советским правительством для оказания непосредственной помощи в развитии тувинской письменности и культуры. В составе экспедиции были экономисты, географы, языковеды и литераторы. Первое, что бросилось им в глаза: в Кызыле не было вывесок, надписей на зданиях правительства, учреждениях, магазинах.

После создания письменности маленькая Тува переживала бурную культурную революцию: все от мала до велика с упоением выводили свои имена, писали письма матерям и любимым, писали всюду — на бересте, на камнях, в дорожной пыли, на снегу, на ладонях, на стенах домов. Доярка с букварем в руках доила корову, пастух — пас стадо.

О молодом ученом стали слагать народные песни, в одной из них говорилось, что «башки Пальмбаха—ученый муж просветил мозги простому люду».

Деятельность его в эти два года многообразна — с 1930 г. он — член ученого комитета, а позже — научный сотрудник ТНИИЯЛИ, участник экспедиции по статистической переписи. Он составляет новые учебники, пишет очерк «Века и годы», две пьесы из тувинской жизни «Девушка из колхоза» и «Ящерица», которые были поставлены на самодеятельных сценах. Одновременно руководит литобъединением при газете «Шын», борется за дальнейшее развитие литературного языка, языка и стиля тувинской прессы, проводит первые дискуссии по орфографии. В краеведческом музее хранится редкая фотография. Пальмбаха руководит занятиями с молодыми араатами в овчинных шубах, овладевающими грамотой. На доске четко выведено: «Рассказ Самбукай». Это был первый художественный рассказ о судьбе тувинки в феодальной Туве — плод коллективного творчества А. Пальмбаха, С. Тока и ряда других товарищей.

В Туву он приехал с опытом большой научной и литературной работы после окончания аспирантуры: переводил стихи с французского и писал рассказы из жизни Китая и Камбоджи, был автором повести об Индокитае, вышедшей в 1928 г., им была также сделана литературная обработка известного романа Мультиатули, для комвужовцев он создал учебник по теории и практике литературно-художественного творчества.

В Туве он встречается и знакомится с массой людей: простыми араатами из сумонов, молодыми интеллигентами, русскими старожилками и охотниками. Это приносило обоюдную пользу. Отдавая щедро свои обширные знания и опыт, он получал взамен яркие жизненные впечатления, которые потом находили выход в его творческой работе. Тридцать три года Тува неутолимо звала его к себе. Пальмбаха любил Туву, а Тува — Пальмбаха.

Вернувшись из двухгодичной экспедиции в Туву, А. Пальмбаха вновь продолжает прерванную работу в КУТВе. Он разыскивает материалы известных ученых и путешественников, побывавших в Туве, и углубленно изучает их, делает сопоставления и выводы. Постепенно он обогатился обширным багажом, без которого нет настоящего ученого. Ширится круг его интересов. Он занимается не только созданием учебников по всем предметам школьной программы, но и вникает в вопросы развития тувинской художественной литературы, собирает вокруг себя актив молодых дарований. А. Пальмбаха перевел стихи С. Сарыг-оола «Знамя победы», «Братья», «Херээжен», «Мать Хорлу», «Братьям-пограничникам», С. Пюрбю «Родной Красной Армии», сказку С. Тамба «Падарчи».

Надол останется его образцовый перевод «Слова араата» С. Тока — одной из лучших книг тувинской литературы. В совершенстве владея ту-

винским языком, он по-настоящему образно, с большой любовью сумел воссоздать на русском языке повесть тувинского писателя и цельно передать своеобразие его писательской манеры. Теперь она живет равноценно на обоих языках и на 18 языках народов мира. Хакасы благодарны ему за перевод первого романа Н. Доможакова «В далеком аале» (совместно с В. Ермолаевым).

Награждение А. Пальмбаха пятью орденами было признанием его научных и общественных заслуг.

В мае 1941 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по тувинской письменности, а в 1960 г. получил звание профессора. Виднейший востоковед проф. С. Е. Малов высоко оценил работы Пальмбаха.

Мне близко довелось его узнать в последние 5 лет жизни. Впервые услышала его взволнованную, горячую, образную речь в 1958 г. на отчетном собрании писателей: «Тувинскую литературу можно сравнить с самолетом на взлетной дорожке. Не отрываясь от народа, смелее взлетай ввысь большой литературы».

Прямая неоглядчивая правда сквозила в его замечаниях по работам молодых товарищей. Он умел и хвалить, и бранить. Поражала его обязательность, пунктуальность, дисциплина. Он с одинаковой страстью и усердием писал научные статьи о принципах орфографии, о тувинском вокализме, об общественно-политических терминах, о классификации диалектов, об оформлении тувинских имен и фамилий и эпиграмму или басню в стенгазету. Для него не было больших и малых дел. Придирчиво и пристрастно Александр Адольфович читал рукописи, был строгим редактором, делал на страницах многочисленные пометки крупными ровными строками с правильным наклоном букв. Собрать письма и изучить эти пометки — дело чести его учеников.

В лице А. А. Пальмбаха тувинская литература потеряла не только крупного ученого, переводчика, но и интересного прозаика со своим видением мира, особой манерой выражения. В разные годы им были написаны рассказы о жизни трудящихся Востока. Особенно ему удалось правдивое раскрытие внутреннего мира детей. Об этом свидетельствуют рассказы «Счастье Ли-Чена» — о китайском подростке, приехавшем из деревни на ткацкую фабрику и вступившем на путь классовой борьбы пролетариата и «Выкуп» — о камбоджийской девочке Ли-Квэй, которая трудится своими маленькими руками, чтобы выкупить брата из неволи.

После окончания второй части «Грамматики тувинского языка», перевода третьей книги «Слова арата» С. Тока, после докторской диссертации по тувинскому глаголу он мечтал о повести и рассказах о тувинской природе, о детях, хотел написать путевые впечатления от поездок по старой и новой Туве, о поездке в Тофаларию и Монголию. Тяжело сознавать, что не написаны эти интереснейшие воспоминания... Научная работа поглотила многие интересные литературные замыслы.

Он горячо любил тувинский язык, в его устах слова звучали особенно привлекательно и красиво, с каким-то языческим смакованием и детской гордостью он произносил и выбирал фразы, восхищая даже стариков знанием старинной лексики. Мир слов был для него живым миром. Он — в его словарях.

Так же самозабвенно он умел отдыхать. Это было полное отключение от текущих забот, чтобы погрузиться в мир природы.

Мне вспоминается теплый летний вечер на Кок-Тее. В тишине чуть слышно шумит о чем-то вода на перекатах, хрустят ветки под ногами, весело трещит костер, взметая вверх огненные искры. Сумерки внезапно сменила ночная мгла. Александр Адольфович стоял одиноко на берегу и с редким упорством все закидывал и закидывал приманку в темную глубину Каа-Хема. Захваченный азартом рыбной ловли, он готов был ходить вдоль берега до самого восхода солнца.

Любительские фотографии, сделанные в экспедициях, на рыбалке, во время конференций могут сказать о многом.

О литературе он думал всегда: и когда ехал по стране в Сибирь, поражаясь мощи преобразований, и когда находился с экспедициями в дальних районах Тувы. Его радовало, что молодой сад тувинской литературы набирает силу, цветет, что появляются в разных местах все новые ростки дарований. Он первым замечал и поддерживал их.

Как-то на семинаре писателей он с болью говорил о том, что надо больше писать, каждый день писать, что тувинские писатели работают не в полную силу, что читатели многие произведения зачитали наизусть. Он первым дает оценку новой повести маститого литератора, радуется успехам молодого рассказчика, отмечает отставание критики. На стол I съезда писателей Тувы нужно положить много новых книг и рукописей. И когда на этом съезде называли А. А. Пальмбаха отцом тувинской культуры, зал разразился аплодисментами. Александр Адольфович, не поняв в чем дело, зааплодировал вместе с другими, а потом смущенно хмыкнул.

Он любил ходить по улицам Кызыла, вглядываться в окна домов, слушать улуг-хемскую волну, навещать старых друзей. Освеженный, бодрый, энергичный, он садился за письменный стол, на котором всегда лежала гора рукописей.

В номере гостиницы или в кабинете сектора языка ТНИИЯЛИ, к нему на огонек сходились разные люди, и он щедро дарил им себя. Начинающий литератор консультируется по своему первому роману. Музейный работник выясняет детали по экспозициям Тувы 30-х годов. Художник принес показать орнамент. Журналист просит статью о тувинской письменности. Юные туристы-краеведы зовут к себе на слет. Из театра прислали рукопись либретто для замечаний. Студенты приглашают на творческий вечер молодых. Паспортисты уточняют правильность написания тувинских фамилий. Приходят старые друзья.

Филологи, газетчики, учителя, писатели — как много их, учеников Пальмбаха! Из его гнезда вылетели такие интересные ученые, как М. Биче-оол, Ш. Сат, З. Арагачи, А. Кунаа, А. Калзан, Д. Монгуш и другие.

Труд ученого оценивается не только по количеству научных трудов, но и по тем идеям, которые бывают заронены в души учеников и последователей, по тому, какой общественный отклик получают благородные стремления учителя...

Партийность его мысли сквозила во всем. На последнем партсобрании он ярко и горячо говорил о критике и самокритике, цитировал на память Маяковского, подсчитывал голоса в бюллетенях счетной комиссии. Еще он принимал кандидатский экзамен у аспиранта, съездил на озеро порыбачить, присутствовал на очередном заседании, а смерть уже приближалась. Много раз он боролся с ней, в этот раз болезнь подкосила мгновенно.

И осталась в памяти нестираемо восковая бледность запавшего лица, алый шелк атласа, неутешное горе учеников и товарищей, и венки, венки...

Дерево, посаженное им, будет шуметь вечно.

Федор ШУЛУНОВ

КНИГА О СТОЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ ТУВЫ

В начале 1964 г. Тувинским книжным издательством выпущена интересная и ценная книга о столице Советской Тувы*, которая представляет

* «Кызыл — столица Советской Тувы», Тувинское книжное издательство, К., 1964.

большой познавательный интерес для широкого круга читателей, интересующихся достижениями Советской Тувы. Книга является плодом коллективного труда работников ТНИИЯЛИ и республиканского отделения общества «Знание». Рецензируемая работа представляет собой историко-экономический очерк г. Кызыла, начиная от основания и до превращения его в крупный административно-политический, экономический и культурный центр Советской Тувы. Она насыщена богатым фактическим материалом.

В первом разделе книги дается краткий экскурс в историю Тувы, подчеркивается при этом прогрессивное значение вхождения Тувы в состав Российской империи.

Во втором разделе на большом документальном материале показывается история основания Кызыла.

Третий раздел работы охватывает период от февраля 1917 г. до образования Тувинской Народной Республики (1921 г.), который вошел в историю Тувы как период, предопределивший судьбу тувинского народа.

В обобщающем виде раскрывается период образования, с помощью Советской России, Тувинской Народной Республики.

В интересной форме рассказывается о создании с помощью Советского Союза современных видов транспорта, в частности автомобильного. Развертывается дорожное строительство. Дальнейшее развитие получили средства связи.

Один из разделов посвящен культурному строительству.

Создается сеть лечебно-профилактических учреждений и повышается качество медицинского обслуживания населения.

В этом же разделе показывается участие тувинского народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, в котором нашло яркое проявление укрепление братских связей Тувы с Советским Союзом и патриотизм тувинского народа.

11 октября 1944 г. на основе всенародного волеизъявления Тува была принята в состав Советского Союза на правах автономной области РСФСР. За годы своего нахождения в составе СССР неузнаваемо изменилась Советская Тува. 20 лет — это короткий исторический срок, но благодаря повседневной помощи КПСС, Советского правительства, братских народов в Туве произошли коренные социально-экономические преобразования. За это время созданы крупные очаги промышленности, среди которых особое место и значение имеют комбинаты «Туваасбест» и «Тувакобальт». Сельское хозяйство республики состоит из крупных, многоотраслевых и высокомеханизированных колхозов и совхозов. В республике ликвидирована неграмотность населения и осуществлена культурная революция. Создана широкая сеть учебных заведений, лечебно-профилактических и культурно-просветительных учреждений. Выросли кадры местных специалистов (педагогов, врачей, инженеров, квалифицированных рабочих и т. д.).

Хорошее и благоустраивается столица республики, улучшается коммунальное и бытовое обслуживание населения. Появились улицы сплошной зелени. Подробно излагаются в книге некоторые перспективы строительства города.

История любого города — это история народа. Названия большинства улиц увековечивают память о погибших борцах за свободу и счастье народа, героях, видных партийных, государственных деятелях и работниках культуры (Беспалов, Кочетов, Щетинкин, Чульдун и др.).

Кызыл является маяком борьбы за развертывание движения за коммунистический труд. В городе находятся: первое и единственное высшее учебное заведение — пединститут, несколько специальных средних учебных заведений и т. д. Кызыл является центром развития науки. Тувинский

НИИЯЛИ разработал ряд важных научных проблем теоретического и прикладного характера по вопросам истории, языка, литературы и экономики. В разделе показывается рост числа научных и педагогических кадров из местного населения. Так, за годы Советской власти выросла плеяда научных работников в различных областях науки (А. Ч. Кунаа, Ю. Л. Аранчын, В. Ч. Очур, И. Т. Кызыл-оол, А. Г. Ковалев, Л. В. Гребнев и др.).

Больших успехов добилась общеобразовательная школа, которых в городе насчитывается 16. С ростом сети школ увеличивается армия народных просветителей — учителей.

Быстрыми темпами развивается постановка печати, книгоиздательства и радиовещания. В городе имеется театр, который проводит большую работу по коммунистическому воспитанию трудящихся. В стенах театра выросли замечательные мастера искусства — заслуженные артисты РСФСР Х. Конгар, В. Кок-оол, Кара-кыс Мунзук и др.

В городе работает 4 кинотеатра и 11 киноустановок. Большую работу на идеологическом фронте проводят библиотека и музей. Неизмерим вклад в дело коммунистического воспитания трудящихся писателей и композиторов.

Заключительный параграф раздела посвящен росту материального благосостояния трудящихся, которое является наглядным отражением повышения жизненного уровня трудящихся города. Широкое развитие в городе получили физическая культура и спорт, чему также отводится значительное место в разделе. В разделе показывается роль городской партийной, комсомольской и профсоюзной организаций в достижении всех хозяйственных и культурных успехов трудящихся города. Заканчивается книга кратким изложением успехов горожан в выполнении плана 1963 г. и задачами на будущее.

Как видим, авторы довольно подробно показали достижения тувинского народа в строительстве социализма, а также вклад республики в общее дело коммунистического строительства.

В целом работа не лишена ряда недостатков: во-первых, авторы очень робко говорят о трудностях процесса строительства социализма в Туве, во-вторых, слабо отразили борьбу трудящихся за технический прогресс на промышленных предприятиях города. В-третьих, совершенно упустили вопрос об экономических связях Кызыла с другими городами и помощь его селу.

Более подробно следовало бы изложить такие проблемные вопросы: специализация и кооперирование промышленных предприятий города и другие.

И все же появление в свет такой ценной работы является хорошим подарком общественности к 20-летию добровольного вхождения Тувы в состав Советского Союза.

г. Улан-Удэ.

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* В 1961 году Тувинский муздрамтеатр отметил свое 25-летие. Шесть артистов получили почетное звание «Заслуженного артиста РСФСР»: В. Кок-оол, М. Мунзук, М. Севильба, К. Хургулек, Н. Кысыгбай, С. Майер. За последние сезоны театр осуществил ряд постановок: «Власть тьмы» Толстого, «Грозу» Островского, «Иркутскую историю» Арбузова, «Ленинградский проспект» Штока, «Лондонские трущобы» Шоу, «Д-р философии» Нушича и местных драматургов «Товарищ директор» Мунзука, «Самбажик» Кок-оола.

«Хайыран-бот» ставился 800 раз.

* Закончили учебу студийцы театра. Дипломным спектаклем выбрали «Женитьбу Бальзаминова» Островского. Многие выпускники поступили в Ленинградский театральный институт. Театр выезжал на гастроли в братскую Монголию, Горный Алтай, Хакасию, Красноярский край, Кемеровскую область.

* Пять лет успешно работает Чаданский народный театр, который обслужил тысячи зрителей.

* В течение 1960—1963 гг. кызыльчане просмотрели много гастрольных концертов. С большим успехом прошли выступления артистов Мосэстрады, молодежного ансамбля «Огонек», воинского ансамбля под управлением Новикова, Минусинского русского народного хора, самодеятельных артистов Хубсугульского и Убсанурского аймаков Монголии, бурятских и алтайских артистов, джаз-оркестра «Молодость».

* В сентябре 1963 г. Туву впервые посетила балетная группа Государственного академического Большого театра Союза ССР. В ее составе заслуженные артисты РСФСР М. Боголюбская, Ю. Гофман, Н. Симонова, М. Редина и др. Исполнялись сцены из балетов «Лебединое озеро» Чайковского, «Эсмеральда» Пуни, «Умирающий лебедь» Сен-Санса.

* Впервые побывал в 1963 г. на гастролях в Туве Хакасский драмтеатр им. Лермонтова. Соседи привезли пять спектаклей: «Дневник женщины» Финна, «День рождения Терезы» Мдивани, «Звезды светят для нас» Решетникова и Догмарова, «Женитьба Белугина» Островского. Большим успехом пользовался спектакль «Отелло» Шекспира с А. Щетининым в заглавной роли (пост. Тугужеков).

* В 1963 году создан оргкомитет отделения Союза художников Тувы. Членами и кандидатами являются 10 человек.

* Общественность республики в 1960 году отметила 50-летие заслуженного деятеля литературы и искусства Тувинской АССР художника В. Демина.

* Состоялись персональные выставки художников: В. Демина в музее, С. Ланзы в театре, Н. Филиппова в кинотеатре «Найырал».

Впервые была экспонирована выставка книжной графики и плаката в краеведческом музее.

На республиканской выставке 1963 г. были представлены работы В. Демина, С. Ланзы, Л. Протасова, Т. Левертовской, В. Конева, Н. Филиппова, М. Петрова, К. Кузнецовой, В. Бородина, Г. Суздальцева.

* В июне 1962 г. состоялось собрание композиторов Тувы, в котором приняли участие композиторы А. Чыргал-оол, Р. Кенденбиль, С. Бюрбе и самодеятельные композиторы, а также гости — композитор С. Рязов и дирижер Г. Брагин (Москва), К. Чесноков (Новосибирск), А. Кенель (Абакан) и др.

В Москве изданы «Тувинские народные песни» для голоса в сопровождении фортепьяно (обр. А. Н. Аксенова) и симфоническая поэма А. Чыргал-оола «Алдан-Маадыр».

* В 1961 г. исполнилось 100 лет В. В. Радлову — исследователю Тувы, в мае 1962 г. общественность чествовала 100-летие Н. Ф. Катанова — автора капитальных научных трудов по тувиноведению и тюркской филологии. На конференции выступили с докладами: профессор А. Пальмбах, кандидаты наук А. Кунаа и Ш. Сат, научные работники Д. Куулар, З. Арагачи, Е. Салзынма. В работе конференции принимал участие академик Киргизской АН И. Батманов. Тувинские языковеды участвовали в научной конференции, посвященной 100-летию Н. Ф. Катанова, в г. Абакане.

* Общественность республики торжественно отметила культурные даты: 100-летие со дня рождения А. П. Чехова, 50-летие со дня смерти Л. Н. Толстого в 1960 г., 250-летие со дня рождения М. В. Ломоносова,

125-летие со дня смерти А. С. Пушкина в 1962 г., 100-летие со дня рождения К. С. Станиславского, 70-летие со дня рождения В. В. Маяковского в 1963 г., 150-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко в 1964 г.

Широко отмечались юбилеи тувинских писателей: 60-летие С. Тока в декабре 1961 г., 50-летие О. Саган-оола в декабре 1962 г., 50-летие С. Пюрбю в сентябре 1963 г. К этим датам были изданы новые сборники писателей.

* В январе 1963 г. состоялся I съезд писателей Тувинской АССР. Решением СП СССР создан Союз писателей Тувы. С отчетным докладом выступил О. Саган-оол. В прениях участвовали: А. Калзан, С. Пюрбю, С. Сарыг-оол, Ю. Кюнзегеш, С. Сюрюн-оол, М. Кенин-Лопсан, М. Изынеева-Хадаханэ, С. Козлова, Е. Танова, первый секретарь обкома КПСС С. Тока, проф. А. Пальмбах и др.

Избрано правление Тувинского Союза писателей в составе: О. Саган-оол (председатель правления), С. Сюрюн-оол (секретарь), С. Сарыг-оол, С. Пюрбю, А. Калзан.

За последнее время в члены Союза писателей СССР приняты: О. Сувакпит, С. Сюрюн-оол, А. Калзан, А. Даржаа, С. Козлова.

В октябре 1962 года была созвана II республиканская конференция тувинских народных сказителей, на которую было приглашено свыше 30 знатоков и собирателей народной мудрости в возрасте от 30 до 75 лет: С. Шокшуй из Монгун-Тайги, Хомушку Сямбю из Дзун-Хемчика, Ооржак Маннай из Сут-Холя, Саая Одербей, Салчак Бичен, Быдыргын Сержинма, Ооржак Канчыыр, Хертек Шой, Сарыг-Хая, Салчак Дондук, активные собиратели О. Дарыма и Х. Очур-оол.

* В Москве издана «Грамматика тувинского языка» Ф. Исхакова и А. Пальмбаха.

* Сектором литературы и фольклора Тувинского НИИЯЛИ проведены фольклорные экспедиции в Бай-Тайгу, Тере-Холь, Эрзин, Тес-Хем, Монгун-Тайгу по сбору и записи образцов устного народного творчества.

* В марте 1962 г. защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Антон Калзан в Ленинграде и Шулуу Сат в Москве, в 1964 г. — Доруг-оол Монгуш в Киргизии.

* В 1963 году был проведен республиканский конкурс на лучшее художественное произведение. В адрес жюри поступило 84 произведения от 45 авторов. Поощрительные премии присуждены К. Кудажи за повесть «Тихий уголок» и В. Журавлеву за повесть «По собственному желанию».

* Много новых книг вышло с 1960 г. в Тувинском книжном издательстве: пять номеров альманаха «Улуг-Хем» на тувинском языке, два номера на русском языке, три сборника сказок, «Ачыты Кезер-Мерген», сборник «Семь вершин».

Тувинские писатели издали свыше 30 сборников и книг: «Рассказ Самбукай», «Воспоминания Ангыр-оола» и «Огни коммунизма» С. Сарыг-оола, два его сборника для детей, «Дорога на простор», «День рождения» и «Вестник нового времени» С. Пюрбю, «Человек из Баян-Тала», «Пробуждение» О. Саган-оола, «Чего отец не видел — сын увидит» С. Тока, «Новь» В. Эренчина, «Большие и маленькие» Б. Ховенмея, «Песни младшего брата» Ю. Кюнзегеша, «Дружба» О. Сувакпита, «Стихи» С. Тамба, «Маленький учитель» М. Кенин-Лопсана, «Улыбка» А. Даржаа, «Горловое пение табунщика» Т. Кызыл-оола, «Песенка» А. Хуурака, «Выюга» С. Молдурга, «В предгорьях Танды» М. Пахомова, «Цена жизни» Н. Сердобова, «Камнерез» С. Козловой, «Солнце и Эргине» А. Емельянова, книги для детей и др.

Переведены на тувинский язык такие произведения, как «Хаджи-Мурат» Л. Толстого, «Рассказы» Чехова, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Монгольские рассказы», «Сон» Т. Шевченко, «Старик и море»

Э. Хемингуэя, «Джамия» Ч. Айтматова, «Птичка-невеличка» А. Каххара, «Синяя тетрадь» Э. Казакевича.

* Радужно, сердечно встречала Тува желанных своих друзей — писателей и поэтов Белоруссии. Петрусь Бровка, Максим Танк, Павел Ковалев, Янко Скриган, Рыгор Бородулин, Михась Калачинский три дня гостили в нашей республике. Вместе с белорусскими друзьями Тува принимала их русских собратьев — писателей Москвы Л. Ошанина, П. Нилина, А. Исбаха, Е. Успенскую, Я. Хелемского, А. Некрасова.

6 июля 1964 года в Зеленом театре парка культуры и отдыха имени Гастелло города Кызыла, состоялось торжественное открытие Дней белорусской литературы в РСФСР.

— Мы очень рады, что праздник белорусской литературы начинается на тувинской земле, где берег начало великая сибирская река Енисей — сказал писатель Салчак Тока, открывая по поручению Союзов писателей СССР и РСФСР Дни белорусской литературы в Российской Федерации. — Позвольте мне передать сердечный аратский привет братскому белорусскому народу. Пусть между Тувой и Белоруссией тысячи и тысячи километров, но они близки друг другу, как родные сестры. У нас в народе говорят: «Ручьи сольются — река, люди сойдутся — сила!»

Этой силой стал великий Союз Советских Социалистических Республик. Так сливаются в одном порыве Неман, Волга и Енисей.

С приветственным словом к гостям обращаются московский поэт Лев Ошанин, тувинские писатели Олег Саган-оол, Сергей Пюрбю.

Руководитель делегации белорусских писателей лауреат Ленинской премии поэт Петрусь Бровка от всей души благодарит всех за добрые слова, за внимание, за горячий прием.

Гости были по-братски приняты творческой интеллигенцией столицы Тувы, выступали перед колхозниками Каа-Хемского, Тандинского, Улуг-Хемского районов, в Кызыле встречались с рабочими, студентами, воинами, побывали в пионерских лагерях. В поездке писателей Белоруссии и РСФСР по нашей республике сопровождали писатели Салчак Тока, Сергей Пюрбю, Леонид Чадамба и другие литераторы Тувы, которые в эти дни стали переводчиками, активными пропагандистами творчества своих дорогих друзей.

Много было в Туве незабываемых встреч. И все эти встречи вылились в волнующую демонстрацию дружбы братских народов, их литератур.

* В гостях у тувинских литераторов побывали: лауреат Ленинской премии поэт А. Прокофьев (1960), поэт М. Годенко и прозаик С. Шуртаков, поэты-переводчики О. Дмитриев и Е. Храмов из журнала «Юность», писатель-путешественник Н. Н. Михайлов, критик М. Шкерин, прозаик В. Чукреев, сибирские писатели А. Коптелов, З. Яхнин и др.

В свою очередь тувинские писатели выезжали в Москву, в Улан-Удэ (С. Пюрбю и Ю. Кюнзегеш), в Киргизию (С. Сарыг-оол, Б. Ховенмей, К. Кудажи, О. Сувакпит, С. Сюрюн-оол), в Казань (Ю. Кюнзегеш), в Якутию (Б. Ховенмей), а также в дома творчества писателей. А. Даржаа и С. Козлова были участниками совещания молодых писателей в Москве.

* В июне 1964 г. Туву посетили чехословацкие путешественники Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд.

* Ежегодно в октябре в Туве проходит месячник монголо-советской дружбы. Печать и радио периодически знакомят читателей и слушателей с жизнью трудящихся Монголии.

* Тувинским отделением Общества «Знание», насчитывающим 2200 членов, за 1963 год прочитано 11 тыс. лекций по различным отраслям знаний.

* Исполнилось 40 лет со дня основания Тувинской народно-революционной партии (1961), 80 лет со времени восстания «60 богатырей» (1963).

В 1964 году отмечается тройной праздник: 50-летие города Кызыла, 20-летие Советской Тувы и 50-летие со дня добровольного присоединения Тувы к России.

ОБСУЖДЕНИЕ ПОВЕСТИ С. САРЫГ-ООЛА В МОСКВЕ

10 января в Москве правление Союза писателей РСФСР организовало обсуждение повести «Воспоминания Ангыр-оола», на котором выступили, кроме С. Сярун-оола и С. Пюрбю, ряд московских писателей и критиков. Мы даем сокращенное изложение выступлений по стенограмме.

Председательствует С. А. Баруздин.

1. Из выступления Л. Жарикова.

В повести С. Сарыг-оола ничего сверхъестественного не происходит, в ней нет острого сюжета или каких-нибудь захватывающих событий. Автор описывает будни сиротской судьбы, но повесть читается от начала до конца с неослабевающим интересом.

Он широко использует легенды, поверья, обычаи, пословицы. Это придает повести оригинальность, свежесть и поэтичность (например, сказка о мыши и верблюде).

Нельзя читать без волнения те места книги, где описаны страшные игры детей на месте судилища. Дети подражают взрослым. Это обобщение высокого социального плана.

Интересна также тувинская свадьба. Со страниц повести встает маленький и мудрый народ с его нравами и традициями.

Конечно, есть в повести недостатки и неровные по силе мастерства страницы, длинноты и повторения. И все же в целом от повести веет чистотой и поэзией. Нужен хороший переводчик книги.

Тувинскую литературу можно поздравить с хорошей и нужной повестью. В ней мало мотивов воспитательного характера, но вовсе не обязательно тыкать читателя носом.

2. Из выступления М. Годенко.

Автор всей кожей вобрал опыт народа. У тувинцев это вторая автобиографическая повесть после «Слова арата» С. Тока, но она не уступает по своим художественным достоинствам, а кое в чем превосходит первую. Говорят, что в повести мало социальных мотивов, политики. А показ доли батрака, протест против угнетателей, лам, знахарства? Разве это не политика? Это страстное отрицание.

В книге есть не только черные, но и светлые стороны жизни. Даже ночь, проведенная в тайге на перевале, воспринимается, несмотря на детский страх, очень поэтично. Два охотника не дали пропасть ребенку. Все это подано не «в лоб», а с завидным художественным тактом.

С. Сарыг-оол учит любить свой народ, открывает красоту его души. Через личную судьбу героя мы видим судьбу целого народа. Эта книга нуждается в хорошем переводчике, который бы мог перевести на уровне оригинала.

О недостатках повести. Зачем нужен собеседник в начале повести, когда весь рассказ ведется от первого лица? Он только сковывает автора. Затем много лишнего в описании сурков, мышей, муравьев. Надо сделать все короче. Иногда, увлекаясь правдоподобием, он доходит до натурализма. Вспомните сцену, когда Ангыр-оол идет к мертвой матери и видит безобразное разложившееся тело. Светлый образ матери ослаб-

ляется. Много раз говорится о горькой доле батрака-сироты. Лишним кажется рассказ о том, как мальчика придавило горящее дерево.

И последнее. Русского читателя нужно порадовать встречей с этим хорошим интересным произведением.

3. Из выступления М. Скуратова.

Даже подстрочник доносит аромат и колорит повести. Он сделан М. Д. Черноусовой.

Повесть особенно будет полезна для юношества. Приходится только сожалеть, что ушел наш друг-переводчик А. Пальмбах. С. Сарыг-оолу нужно найти переводчика — друга и союзника. Автор не побоялся быть похожим на других, в этом есть писательская отвага и непосредственность. Для русского читателя — это открытие Тувы, ее особого мира. Повесть покоится на глубоком знании тувинской жизни, впитанном с молоком матери. Она вся полна трепета жизни. В прозе чувствуешь хорошего поэта.

Я бывал в Туве и знаю, как теперь живут тувинцы. Юрта теперь служит чуланом, складским помещением.

Думается, неправильно было бы утверждать, что в повести сглажены социальные противоречия. Сирота становится батраком своей родни — это характерное для многих народностей Севера и Сибири явление зорко подмечено писателем. Хорошо написана природа. Луна, попавшая в плен к ведьме — это тувинское представление о лунном затмении, темнота суеверия младенчеству народа. Вообще все метафоры и сравнения почерпнуты из окружающего мира.

Великолепно написана встреча тувинцев с русскими врачами в больнице. Их поразили глаза — светлые, как незрелая смородина, поразили специфический запах лекарств, так что тувинки зажимали носы рукавом.

Повесть — как чистый родник, из которого пьешь с наслаждением.

О недостатках следует сказать следующее. Главы мало связаны между собой. Особенно неудачен побег Долбанмы от мужа. Вряд ли возможно было так легко уйти в феодальное время. Против этого стоит жестокий вековой обычай.

Повесть требует продолжения, а начало сделано хорошее, многообещающее.

4. Из выступления Д. Романенко.

Много и хорошо здесь говорили о повести. Интересно отметить, что поэт осваивает прозу, новый для него жанр. В Туве уже складываются традиции автобиографической повести, учитывается опыт М. Горького.

Повесть подкупает задуманностью и фольклорными традициями. Автор мыслит и чувствует по-народному. Это рассказ бывалого человека о детстве и отрочестве. Не надо торопиться. Вторую часть, которая ближе к нашим дням, написать труднее, чтобы это не было голой публицистикой, могут уйти поэтические образы. Задумана же превосходная книга о том, как человек стал настоящим сыном нашего времени.

5. Из выступления С. Шуртакова.

По подстрочнику трудно судить, насколько хорошо вещь написана. Можно вести разговор о том, насколько интересен материал или удачно построена композиция.

Автор умеет интересно, добротнo, поэтично рассказывать. Я ограничусь некоторыми замечаниями.

Этнографичность хороша в меру, автору кое-где чувство меры изменяет. Это особый разговор.

Писатель мало проявил заботы о построении произведения, о занимательности. Надо посмотреть не только с точки зрения развития тувинской литературы, но и с точки зрения всей советской литературы. Чита-

тель будет рассматривать книгу в ряду других знакомых книг и предъявит более высокие требования.

Здесь сюжетом является жизнь мальчика. Одна глава не вытекает из другой, их можно поменять местами и ничего не изменится. А попробуйте у Горького переставить раньше или позже смерть Цыганка — ничего не получится.

Автор кое-где слишком увлекается бытописанием. Тувинская литература только тогда будет интересна другим народам, когда она будет с ярко выраженным национальным лицом и характером. Заслуга С. Сарыг-оола в том и состоит, что он сумел показать особый мир тувинской жизни.

Наивно начало книги. Ангыр-оол начинает рассказ, а потом забывает, кому он это говорит. Есть многословие и лишние места, частые комментарии. Повесть надо сделать строже, сдержаннее по языку, не приглушая ее поэтичности.

Может быть, я больше других высказал критических замечаний только потому, что вещь мне понравилась, она должна стать известной советскому читателю. Рекомендую в издательство «Молодая гвардия».

6. Из выступления М. Ганиной.

Эта вещь для меня была открытием. Ее жанр — повесть-новелла, хорошая и интересная форма. М. Годенко говорил, что нужно убрать детали грубые и натуралистические. А мне кажется, что повесть как раз интересна тем, что писатель беспощаден, глазами талантливого художника смотрит на жизнь. Когда я читала описание смерти матери, вспоминала Б. Шоу, как он смотрит в окно крематория на сожжение трупа его матери. Настоящий художник не закрывается от того, что в жизни бывает всякое.

Хорошо, что здесь не делают скидок на то, что писатель не из Москвы или Ленинграда, а из Сибири. Требовательность — лучший учитель.

7. Из выступления А. Салахьяна.

Мне эта повесть показалась приятным открытием тувинского народа, которого я не знал или знал приблизительно по двум-трем произведениям. Надо постоянно учиться у Л. Толстого и М. Горького, у современных мастеров, надо совершенствовать свое дарование. Но главное — надо быть верным не литературным образцам, а той жизни, о которой пишешь. В этой повести С. Сарыг-оол заразил меня верностью жизни своего народа, стремлением быть самим собой, а не подражателем.

Согласен с товарищами, что начало неудачное, что главы легко можно поменять местами. Чувствуется перебор изобразительных средств, их избыток, многословие. С. Шуртаков прав, говоря о занимательности композиции. Прекрасна сцена судилища, отношение к нему взрослых и детей.

Повесть на тувинском языке издана в 1961 г., а мы до сих пор оттягиваем знакомство русского читателя с ней. Было бы замечательно, если б хороший писатель вошел в мир героев С. Сарыг-оола, его поэтику и перевел на русский язык.

8. Из выступления В. Чукреева.

По роду работы мы часто встречаемся с национальными писателями. Сегодня шел разговор о молодой тувинской литературе, разговор с самых серьезных позиций, с многочисленными сравнениями, без всякой натяжки. Хочется провести параллель между двумя тувинскими художниками. С. Тока — писатель герценовского направления, он очень ушел в мысль, у него социальность выступает на первый план. С. Сарыг-оол — писатель гончаровского направления, для него важнее образ, он входит в душу человека. Обе книги хорошо дополняют одна другую. Каждый писатель по-своему своеобразен и глубок.

9. Из выступления С. Баруздина

Речь у нас шла с позиции зрелой литературы, по большому счету. Национальный писатель не может основываться на традициях только своей литературы—это будет национальной ограниченностью. Ч. Айтматов стал большим писателем именно потому, что широко знаком с опытом мировой литературы, с русской в частности.

Теперь тувинский писатель смотрит на жизнь иначе, чем, скажем, старик-сказитель.

Относительно второй книги. Если объективно смотреть на развитие литературы, любое продолжение всегда получается, на мой взгляд, хуже, чем начало. «Слово арата» существует уже в трех книгах, а большинство читателей судят о нем по первой части, у них нет интереса к продолжению. Другое дело, если бы вторая и третья книги были отдельными, самостоятельными, имели каждая свое название.

Я за то, чтобы вторая часть «Ангыр-оола» была новой, отдельной книгой. (Вспомните судьбу книг В. Катаева).

Очень желаю автору хорошего переводчика и скорейшего издания на русском языке. Думаю, что все замечания С. Сарыг-оолу пригодятся в работе и обсуждение прошло не зря. Больших творческих успехов вам. Степан Агбанович!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ

<i>Салчак Тока</i> . Соян Даваа. Рассказ. Авторизованный перевод <i>Н. Сердобова</i>	3
<i>Степан Сарыг-оол</i> . На вершине кедра. Отрывок из повести «Вос- поминания Ангыр-оола». Перевод <i>В. Ермолаева</i>	16
<i>Олег Саган-оол</i> . Крепче скалы. Рассказ. Перевод <i>М. Хадаханэ</i>	24
<i>Салим Сюрюн-оол</i> . Письма с дороги. Рассказ. Перевод <i>М. Ра- мазановой</i>	29
<i>Алдын-оол Даржаа</i> . Удаль молодецкая. Главы из романа. Пере- вод <i>М. Шкерина</i>	36
<i>Кызыл-Эник Кудажу</i> . Шончалай. Рассказ. Перевод <i>М. Рамазановой</i>	42
<i>Александр Темир</i> . Дед Аир и Ая. Рассказ.	47
<i>Михаил Пахомов</i> . Хем-Бельдир. Рассказ.	56
<i>Николай Сердобов</i> . Комсомольцы. Отрывок из повести «Простая история»	62
<i>Владимир Ермолаев</i> . Элескей. Маленькая повесть	67
<i>Николай Растрепин</i> . Жизнь хлопот поля. Главы из документальной повести.	82
<i>Василий Журавлев</i> . По собственному желанию. Отрывок из повести	90

СТИХИ, ПОЭМЫ, БАЛЛАДЫ

<i>Степан Сарыг-оол</i> . Благодарность Ленину. Перевод <i>Вас. Журавлева</i>	95
Великая река. Перевод <i>С. Козловой</i>	—
Памяти друга. Перевод <i>С. Козловой</i>	96
<i>Сергей Пюрбю</i> . Чечек. Перевод <i>А. Емельянова</i>	97
<i>Бийкара Ховенмей</i> . Родная земля. Перевод <i>С. Козловой</i>	106
<i>Юрий Кюнзегеш</i> . Орел. Перевод <i>В. Сикорского</i>	107
Простая повесть. Перевод <i>М. Скуратова</i>	—
<i>Олег Сувакпит</i> . Руки прочь. Перевод <i>М. Скуратова</i>	111
Ручей. Перевод <i>М. Скуратова</i>	—
<i>Монгуш Кенин-Лопсан</i> . Оттук. Перевод <i>С. Козловой</i>	—
<i>Алдын-оол Даржаа</i> . Слово к гостям. Перевод <i>К. Ляско</i>	116
В аалах друзей. Перевод <i>Е. Старининой</i>	117
<i>Алексей Арапчор</i> . Цветок в расселине скалы. Перевод <i>К. Ляско</i>	118
<i>Монгуш Доржу</i> . Костры на вершинах. Перевод <i>Е. Старининой</i>	119
«Сверкающим арканом без узла...». Перевод <i>Е. Ста- рининой</i>	—

<i>Тюлюш Кызыл-оол. Дождь. Перевод К. Ляско</i>	119
Подарок. Перевод К. Ляско	
Соп. Перевод М. Скуратова	120
<i>Екатерина Танова. Стихи о Тодже. Перевод С. Козловой</i>	---
Азас	
Поле Чалын	121
<i>Алексей Хуурак. Советский человек. Перевод С. Козловой</i>	
Кузнец Дондуу. Перевод М. Скуратова	122
<i>Монгуш Олмей-оол. На призыв партии. Перевод М. Скуратова</i>	
На сенокосе. Перевод М. Скуратова	
<i>Светлана Козлова. Корень</i>	123
<i>Анатолий Дмитриевский. Мост</i>	
<i>Анатолий Емельянов. Белый парус</i>	124
1. Мой город	
2. Начало	--
3. Путь к звездам	125
4. Корни	126

ЛЮДИ, КНИГИ, СОБЫТИЯ

<i>Мария Хадаханз. Могучие корни</i>	128
<i>Федор Шулунов. Книга о столице Советской Тувы</i>	131
Хроника культурной жизни	133
Обсуждение повести С. Сарыг-оола в Москве	137

УЛУГ-ХЕМ № 7

Литературно-художественный альманах

Редакционная коллегия:

Саган-оол О. К. (ответственный редактор)
Калзан А. К., Кюнзегеш Ю. Ш.,
Ондар Б. Л., Пюрбю С. Б.,
Сарыг-оол С. А., Сюрюк-оол С. С.

Редактор издания *М. А. Хадаханэ*
Обложка художника *И. Ч. Салчак*
Художественный редактор *И. Я. Кузнецов*
Технический редактор *К. И. Кузнецова*

* * *

Сдано в набор 27/VII—1964 г. Подписано к печати 7/X—1964 г. Формат 70×108 ¹/₁₆. Физ. п. л. 9. Усл. п. л. 12,6. Уч.-изд. л. 12,4. ТС 00685.

Тираж 3000 экз. Цена 50 коп. Заказ № 2244.

Тувинское книжное издательство, Кызыл,
Щетинкина и Кравченко, 57.

Типография управления по печати при Совете Министров Тувинской АССР, Кызыл, Щетинкина и Кравченко, 1.

